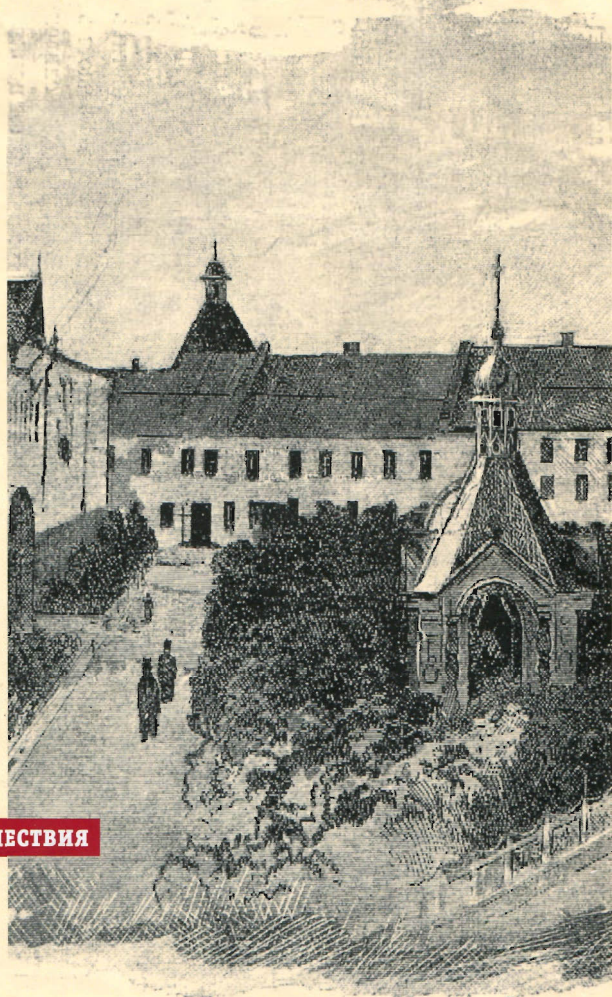

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

**ПОЕЗДКИ ПО СЕВЕРУ РОССИИ
В 1885—1886 ГОДАХ**

ПУТЕШЕСТВИЯ

К. К. Случевский

**ПОЕЗДКИ
ПО СЕВЕРУ РОССИИ
В 1885–1886 ГОДАХ**

О Г И
МОСКВА
2009

УДК 94(47)
ББК 26.89
С49

Случевский К. К.

С49 Поездки по Северу России в 1885–1886 годах /
К. К. Случевский. — М.: ОГИ, 2009. — 272 с.

ISBN 978-5-94282-555-3

Константин Константинович Случевский (1837–1904) — крупнейший русский поэт второй половины XIX в. Особое место в его творчестве занимают путевые очерки «По Северу России» (1886–1888) и «По северо-западу России» (1897), появившиеся после поездки в свите великого князя Владимира Александровича (1847–1909) по северо-западным и северным губерниям европейской России. Написанные по горячим следам, очерки отразили динамичную и разнообразную жизнь русского Севера в царствование Александра III.

УДК 94(47)
ББК 26.89

ISBN 978-5-94282-555-3

© ОГИ, оформление, 2009

Подписано в печать 05.09.2009. Гарнитура Петербург.

Формат 84×108¹/₃₂. Объем 8,5 печ. л.

Бумага LUX CREAM. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 0912290.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Оглавление

Таблица устаревших единиц измерения	6
<i>От редакции</i>	7
Соловецкий монастырь	9
От Соловков до Кеми. Кемь	37
От Кеми до Териберки	49
Териберская губа	59
От Териберки к Ар-губе	74
Арский китобойный завод.	85
Еретики в Урской губе	99
Кольская губа.	109
Кола.	116
Обратный путь вдоль Мурмана	127
Иоканская гавань	136
Мезенский залив. Мезень	144
От Мезени к Онеге	156
Конец морского пути. Сумский посад	173
От Сумского посада до Петровского яма	185
От Петровского яма к Повенцу. Повенец	194
Петрозаводск. Пудож.	202
Нижний Новгород. Ярмарка	216
Владимир	253
Усть-Ижорский лагерь.	262
Заключение	269

Таблица устаревших единиц измерения

площади:

1 десятина = 1,04 га

1 кв. сажень = 4,552 кв. м

веса:

1 пуд = 16,38 кг

1 фунт = 409,51 г

длины:

1 верста = 1,06 км

1 сажень = 2,13 м

1 аршин = 71,12 см

1 фут = 30,48 см

1 четверть = 17,78 см

1 вершок = 4,44 см

1 дюйм = 2,54 см

объема жидкостей:

1 ведро = 12,3 л

1 четверть = 3,08 л

1 штоф = 1,23 л

объема сыпучих тел:

1 четверть = 209,91 л

1 четверик = 26,24 л

От редакции

Константин Константинович Случевский (1837–1904), выдающийся русский поэт второй половины XIX в., родился 26 июля в С.-Петербурге, в семье сенатора. В 1855 г. он окончил кадетский корпус, служил в гвардейском Семеновском полку, в 1859 г. поступил в Академию Генерального штаба.

Первые его стихотворения и переводы, опубликованные в 1857 г., высоко оценили А. А. Григорьев и И. С. Тургенев, при содействии которого появились публикации в «Современнике» и «Отечественных записках». Однако молодой поэт подвергся осмеянию со стороны крайне левого сатирического еженедельника «Искра» и Н. А. Добролюбова, который опубликовал убийственную пародию «Мои желанья». Оскорбленный Случевский прекратил печататься, оставил военную службу и уехал учиться за границу.

Случевский посетил университеты Парижа и Берлина и в 1865 г. в Гейдельберге по окончании курса получил степень доктора философии. Вернувшись в Россию, в опубликованном в 1866–1867 гг. цикле из трех статей «Явления русской жизни под критикою эстетики» он подверг обличительной критике антихудожественные идеи П.-Ж. Прудона, Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева.

С начала 1870-х гг. Случевский снова возвращается к литературной деятельности как поэт, печатает стихи в коллективном сборнике «Складчина» и в некоторых журналах. Затем дебютирует как прозаик, публикует роман «От поцелуя к поцелую» (1872), сборники повестей и рассказов «Виртуозы» (1882), «Застрельщики» (1883), «Тридцать три рассказа» (1887), «Исторические

картинки» (1894). Особую известность получил его философский роман «Профессор бессмертия» (1892).

Случевский сделал успешную карьеру на службе в министерстве внутренних дел, затем в департаменте государственных имуществ. С 1891 по 1902 г. он работал главным редактором «Правительственного вестника», дослужился до тайного советника, стал гофмейстером, членом совета Главного управления по делам печати.

В 1881–1890 гг. Случевский выпускает «Стихотворения» в 4 книжках; в 1898 г. публикуются «Сочинения К. К. Случевского» в 6 томах (по три тома стихов и прозы); в 1902 г. отдельной книгой выходят «Песни из уголка». Последними сочинениями поэта стали мистико-философские циклы стихотворений «Загробные песни» и «В том мире», опубликованные им незадолго до смерти в журнале «Русский вестник».

Особое место в творчестве Константина Случевского занимают книги путевых очерков «По северу России» (1886–1888) и «По северо-западу России» (1897), появившиеся в результате поездки в свите великого князя Владимира Александровича (1847–1909) по северо-западным и северным губерниям европейской России.

Великий князь Владимир Александрович получил блестящее и разностороннее образование, отличился в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в дальнейшем занимал ряд ключевых должностей в военной администрации, с 1884 по 1905 г. был командующим Гвардии и Петербургского военного округа. Пользуясь особым доверием своего брата императора Александра III, по его поручению великий князь совершил несколько инспекционных поездок, целью которых была проверка практического осуществления военных реформ 1870-х гг. и мобилизационной готовности транспортной системы северного региона России. Попутно великий князь посещал в разных городах и весях исторические и культурные достопримечательности.

Путевые очерки, написанные К. К. Случевским по горячим следам этих поездок, отразили динамичную и разнообразную жизнь северной России в конце XIX в.

Очерки публикуются в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации, но с сохранением своеобразия авторской речи по изданию: «По северу России», Т. 2. СПб., 1886.

Соловецкий монастырь

Знакомство с «Забиякою». Описание клипера. Встреча в Соловках. История возникновения обители. Связь с древним Новгородом. Петр I. Монастырская стена. Чайки. Святыня. Ризница. Пекарня. Рухлядня. Другие учреждения. Иконы. Усыпальницы. Митрополит Филипп. Авраамий Палицын. Нападение англичан в 1854 году. Возмущение раскольниковствовавших монахов в XVII веке. Путь богомольцев. Наш отъезд.

Блистая чистотой и очень большим персоналом офицеров и команды, «Забияка» ожидал прибытия Великого Князя; немедленно по прибытии Его Высочества был поднят великокняжеский брейд-вымпел. Командир клипера, капитан 2-го ранга Сильверсван, представил Великому Князю офицеров, и Его Высочество обошел караул и вытянутую вдоль палубы в две шеренги команду, которая тотчас же вслед за тем принялась за перегрузку прибывшего с нами багажа.

Клипер «Забияка», судно 2-го ранга, построен в Филадельфии, на заводе Крампа, и вышел на рейд в феврале 1879 года. На нем около двадцати офицеров и полутора человека команды. Длина его по палубе 233', ширина 30'; корпус железный, вес корпуса 335 тонн. Наибольший ход дал клипер при пробе в Кронштадте: 15 ½ миль в час; под одним котлом ходит 8—9 миль, следовательно, он быстроходный; угля у него достаточно; имеются два опреснители, опресняющие воды в сутки 1584 ведра. Трюм клипера разделен на девять непроницаемых отделений: девять шансов не пойти ко дну в случае пробоины.

Несмотря на свою миловидность, клипер наш может преобразиться в очень сердитого, рычащего: на нем два орудия 6-дюймового калибра, пять 9-фунтовых дальнобойных, на станках Барановского, одно горное орудие 2,5 дюйма и четыре пушки Гочкиса, скромно прижавшиеся на палубе, подле бортов; для действия они выставляются на мостик. Ядер, гра-

¹ «'» — фут. (Примеч. ред.)

нат, шрапнелей, картечи, всяких патронов, берданок, револьверов множество; кроме того, мы несем на себе разные мины самых приятных особенностей; у нас есть фальшфейеры, ракеты, динамоэлектрические машины, благодаря которым пользуемся электрическим освещением. Если бы встретилась надобность, то мы имеем возможность стрелять гальваническим способом. Количество боевых припасов «Забияка» вполне удовлетворяет своему имени. Ходить по палубе надо очень осторожно, рискуя зацепиться то за медные погоны, попросту рельсы для орудий, то за какие-нибудь кольца или крюки, так называемые рымы, за которые что-либо привязывается. Согласно существующему закону курить на палубе нельзя, и для тех, кто любит это невинное занятие, предвидится большое лишение. Закон запрещает даже сидеть на палубе, и все это имеет свои основания. Спичек при себе иметь тоже нельзя. На «Забияке» высятся вдоль бортов его: паровой катер, вельбот и пять шлюпок. Борта очень высоки, так что, гуляя по палубе, вы, если не обладаете большим ростом, ничего по сторонам не видите; всякий решительно кругозор с палубы прекращен днем, когда матросские койки, связанные мешками, ставятся поверх бортов; для того, чтобы видеть что-либо, надобно пройти или на нос судна, на бак, нечто вроде салона или гостиной матросов, где им позволено курить, или на ют, на кормовой части, где стоит под ружьем вечный часовой, или, наконец, на один из двух поперечных мостиков; на одном из них компас, на другом имеется постоянный вахтенный офицер, и отсюда идет всякая команда. Под этим мостиком — рубка, царство штурманского офицера; здесь лежат угломерные инструменты и карты, на которых отмечается путь судна, так что в каждую минуту вы можете знать место, на котором находитесь. Четыре рулевые матроса стоят под другим мостиком у колеса; один из них немедленно отвечает на всякую команду, и если сказано, например: «право руля», он, совершив указанное, немедленно говорит: «Есть право руля!» Этот глагол «есть» играет на клипере весьма видную роль, и если вы в кают-компании говорите вестовому: «Подай стакан воды», он, отправляясь по поручению, отвечает вам немедленно: «Есть стакан воды» или просто: «Есть».

Характер военного судна настолько типичен, так разнообразен в разные моменты дня и ночи, что описывать его можно только отдельными чертами, по мере того, как он будет сказываться в пути.

К 10 ½ часа вечера погрузка клипера окончилась, и раздалась одна за другою обычные при подъеме якоря команды: «Канат на шпиль! Пошел шпиль! Встал якорь! Чист якорь!» — и мы двинулись вперед на NW, по направлению к Соловецким островам. Вечер и ночь были совершенно тихи, безмятежны. Ровно через двенадцать часов, 16-го июня, утром подходили мы к нашему северному Феону. Утро было очень хорошее, и море едва-едва подергивалось легкою зыбью. Раньше других, вправо от нас, показался Анзерский остров, затем Муксалма и, наконец, прямо против нас большой Соловецкий и на нем обитель. Ближайшими островами, справа от нас, поднимаясь очень невысоко над водой своими гранитными глыбами, поросшими мелким кустарником и мхами, лежали в розовом сиянии утра небольшие Заячьи; между ними есть и Бабий остров, тот именно, на котором когда-то должны были останавливаться женщины, посещавшие монастырь; теперь поселяются они в монастырских гостиницах. Влево от клипера, верстах в тридцати, виднелись немецкие и русские Кузова и другие островки, совершенно изменявшие свои очертания благодаря сильному миражу. Эти миражи в тихую погоду здесь удивительны; все верхушки островов были приподняты на воздух и обрезаны точно столы, и напоминали как нельзя лучше горы саксонской Швейцарии. Иногда выплывают вдруг несуществующие острова, и тогда помор говорит: «Надысь на этом самом месте острова нам блазнили»; мираж приближает предметы, и тогда говорится: «Берег завременился, острова временят». Мы бросили якорь у Песей-Луды, в 3 ½ верстах от монастыря, пройдя большой Заячий остров, обставленный значительным количеством крестов всякой величины. Великий Князь пересел на катер Соловецкого монастыря, немедленно подошедший к клиперу; на веслах сидело 12 гребцов-монахов; на руле — монах с медалью за спасение погибавших; отец-наместник приехал встретить Его Высочество от имени архимандрита. Едва катер отвалил от клипера, как слышались из монастыря пушеч-

ные салюты: то заговорили архидревние пушки монастырских стен; палили тоже монахи. Наш «Забияка» отвечал издали голосами более свежими, более могучими. Испуганные непри-
вычною пальбой, кругом нас суетливо носились чайки, утки, всякие гафки и крифки и, как совершенная противоположность их подвижности, глядели с окрестных гранитов многие, очень многие кресты; значительная часть крестов стояла на колодах. Обогнув последний мысок ближайшего островка, мы пошли прямо к пристани, лицом к лицу к святым вратам обители. Над гранитною набережной, в недалеком расстоянии от берега, высились циклопические монастырские стены и три выходящие на эту сторону башни: флаг-мачтовая, арсенальная и предельная; между них, четко выделяясь высокою аркой, прикрывающею образ Нерукотворенного Спаса, обозначались Святые Ворота. За стенами, вплотную одна к другой, теснились церкви монастырские: Успения или Трапезная, Никольская, Троицкая — Зосимы и Савватия, Преображенский собор и крайнюю вправо, немного в стороне, Больничная. Золоченых маковок нет — все они зеленые; с наружной стороны Святых Ворот пестрели тремя красками, расположенными шахматами, два массивные столба весьма сложной профили, напоминающие древнеиндийские храмы Эллары; пестрые фрески глядели на нас поверх каменной монастырской ограды со стены собора. Вся набережная маленькой гавани была обрамлена народом, большею частью богомольцами; виднелись у берега два монастырские парохода «Вера» и «Соловецкий», имеющие, как и крепость, свой утвержденный флаг. Архимандрит Мелетий, в полном облачении, окруженный орнатами и архиерейскими регалиями, присвоенными соловецкому настоятелю, с монашеством, хоругвями, певчими, встретил Великого Князя при самом выходе на берег. Его Высочество проследовал, вслед за духовенством, сквозь длинные ряды богомольцев-годовиков, одетых в белые полотняные, опоясанные ремнями рубахи, в Преображенский собор, где, отслушав многолетие и поклонившись святыне, перешел немедленно в смежную с ним Троицкую церковь Зосимы и Савватия.

Здесь, подле мощей обоих Преподобных, лежащих в богатых раках, под роскошною двойною сенью, обвешен-

Соловецкий монастырь. Общий вид

ною поверх ярко-пунцовою шелковою материей, подобранною фестонами, в свете многих разноцветных лампад, Его Высочество отслушал литию, а затем перешел на приготовленное ему место вправо от алтаря, где и отстоял литургию. Это архимандритское служение литургии, в воскресный день, подле мощей соловецких Преподобных, в ярком солнечном освещении, при двух хорах певчих, было особенно торжественно. Оно совершено соборне архимандритом Мелетием со всею пышностью, установленною еще царем Алексием Михайловичем в 1651 году, то есть в шапке с палицею, ручным сулком, рипидами, осеняльными свечами и ковром. Петром I в 1702 году прибавлены были мантия с поматами — скрижалями и посох, как у архимандрита Чудова монастыря.

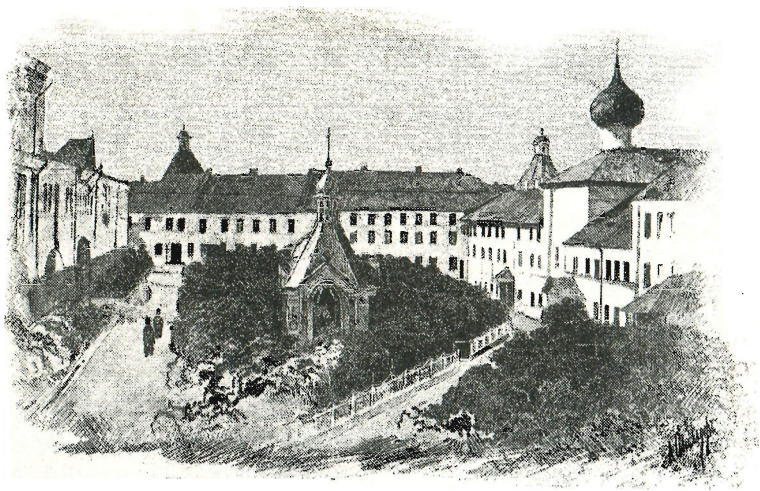
По окончании литургии Его Высочество зашел в помещение архимандрита и после краткого отдыха начал обозрение монастырских древностей и достопримечательностей, сопровождаемый повсюду отцом настоятелем. Обитель полна таких почтенных и поучительных воспоминаний, что волей-неволей приходится говорить о них подробнее.

Вся святыня, вся древность монастыря сосредоточена вокруг внутреннего двора обители, обращенного в сад; густо насаженные и обрезанные березки и рябины образуют куртины, окруженные деревянным заборчиком; дорожки между них уложены плитняком, и тут, на этих дорожках, где и день и ночь топчутся богомольцы, имеет место нечто исключительно редкое, характерное. Это — монастырские чайки.

Соловецкий монастырь. Вид с угловой башни

Они очень велики, с гуся, и почти совершенно белы. Они налетают с весной, с Благовещения, и расселяются по монастырю. Ко времени нашего приезда они только что вывели детенышей, называемых здесь чебары: гнезда их расположены вдоль дорожек, устланных плитняком; они видны и в зелени куртин, и вне монастыря по холмикам и кочкам на самых торных местах, на крышах, подле стен. Гнезда эти в полном смысле слова лежат под ногами проходящих, вечно толкущихся тут людей, и их старательно обходят; нам довелось видеть не только что птенцов, но и самое появление их на свет из яиц, и чайка, уверенная в своей безопасности, только покрикивает, сидя в гнезде, и, подняв голову, любуется людьми, ее обступившими. Чайки, по отзыву монахов, отлетают по осени на север. Куда? Едва ли найдется где-либо на свете что-нибудь похожее на соловецких чаек. Крик их резок и неприятен, не умолкает ни днем, ни ночью; говорят, что они очень мстительны, и человеку, их обидевшему, приходится страдать очень оригинальным, но действительно неприятным способом. Каждая из чаек имеет свое гнездо и весной возвращается непременно к нему. От монастыря они корму не получают, но обилие пресных озер и морской воды с их фауной дает им полное обеспечение. На многих из монастырских деревянных поделок, на ложеч-

Соловки. Внутренний двор монастыря. Колокольня
«Благовестника»

ках, перечницах и т. п., фигурирует изображение белой чайки с ее серенькими крыльями, желтым клювом и темноватым хвостом.

Соловецкие острова были когда-то необитаемы. «Богоизбранная двоица» — блаженные Герман и Савватий — перенеслись чрез морские глубины в 1429 году и водрузили крест близ горы Секирной, отстоящей ныне от монастыря на 12 верст, имеющей на самой вершине, высшей точке островов, церковь, а на колокольне ее маяк. Шесть лет жили они тут. Жена одного корелянина, покусившегося завладеть островами, назначенными Богом под монастырь, была жестоко наказана прутьями ангелами во образе двух благообразных юношей, и муж с женой были удалены с острова. На месте наказания поставлена часовня и в ней соответствующее факту изображение: ангелы с розгами в руках приближаются к сидящей на земле женщине для исполнения наказания.

Во время отлучки с острова Германа Савватий, почувствовав приближение смерти, переехал на матерую землю, где принял причастие и, «совлекшись брэнного тела», скончался. Скоро вслед за тем Преподобный Зосима, третий и главнейший из соловецких подвижников, будучи еще

юным, раздал свое имение нищим и, проведая от бывшего в то время в Сумах Германа о местоположении Соловок, способствовавшем уединению, достиг с Германом вдвоем, в 1436 году, острова и соорудил первую келью в двух верстах от нынешнего монастыря; в полуверсте от него поселился Герман, и только позже и уже вместе явились они основателями первой церкви монастырской на том именно месте, где обитель стоит.

Когда обитель возникла, то Преподобный Зосима послал в Великий Новгород одного из братии за антимином и получил его. Отсюда завязались первые связи монастыря с древним Новгородом, и усердие богатых новгородцев не замедлило жертвовать монастырю участки земли с рыбными ловлями. При третьем настоятеле Ионе исхода тайствована была от правителей Великого Новгорода, ото всех пяти концов его, грамота на вечное владение островами Соловецкими; бесценный документ этот, писанный полууставом и снабженный восемью вислыми свинцовыми печатями, хранится в монастырской ризнице. На документе, как это водилось, нет ни года, ни месяца, ни числа, но он совершенно свеж и нерушим на вид.

Только в 1452 году посвящен был в игумены Преподобный Зосима; для этого ездил он сам опять-таки в Новгород; в 1465 году, в тринадцатый год настоятельства, перенес он с берега нетленные мощи Преподобного Германа. Новгородская вольница, не раз наносившая ущербы обители, вынудила Зосиму еще раз поехать в Новгород. Все решительно были милостивы к нему, кроме самой Марфы Борецкой. Она велела отогнать его от дома; «затворятся двери дома этого и пуст будет двор его», ответил Зосима. Позванный обратно раскаявшеюся в своей поспешности Марфой, Преподобный был угощен на богатом пиру. Молча сидел он и видит страшное видение: знатные посадники — Борецкий, Селунев, Арзубьев и другие трое — сидели без голов. По окончании пира Марфа вручила Зосиме вкладную крепость на владение участком земли на Корельском берегу. Представшее Преподобному видение и предсказание его о запустении двора Марфы Борецкой скоро исполнились: Иоанн III, взяв Новгород, сослал Марфу, а шестерых названных бояр

Соловецкий монастырь. Чайки

казнил. Дарственная запись на Корельское побережье тоже хранится в монастыре. Скончался Зосима в 1478 году. Соляные варницы обители заведены им.

Особенно покровительствовал обители Иоанн Грозный во время игуменства Св. Филиппа, впоследствии знаменитого митрополита Московского. Василий Иоаннович пожаловал монастырю несудимую грамоту. Михаил Федорович дал ему право по всем исковым делам обращаться прямо в приказ большого дворца и освободил все монастырские подворья по всей русской земле от постоя и повинностей. В 1765 году монастырь сделан ставропигиальным и состоит в непосредственном ведении Св. Синода, а не местного епархиального начальства. В 1865 году кончилось единоличное управление настоятеля и учрежден «собор» из шести человек. Настоятельством в настоящее время архимандрит Мелетий; счетом это пятьдесят восьмое настоятельство.

Петр I был в монастыре дважды. В 1694 году, после опасного шторма у Унских-Рогов, посетив Портоминский монастырь, прибыл он 7 июня и оставался три дня; в 1702 году прибыл он 10 августа на тринадцати кораблях с царевичем Алексием и остановился между Анзерским и Муксаломским островами. 11 августа читал сам «Апостол» и обедал за брат-

Соловецкий монастырь. Часть стены с гатью

ским столом, 12-го ездил по острову на коне, 15-го пел на клиросе и того же числа с флотом отправился к Нюхотской волости, чтоб идти на Повенец.

В 1844 году посетил монастырь великий князь Константин Николаевич, в 1858 году Император Александр II и в 1870 году великий князь Алексей Александрович.

Монастырь расположен на большом Беломорском острове, имеющем около ста верст в окружности. Кругом него раскинуто пять малых островов и рассеяно много мелких, безыменных. Остров Муксалма соединен с Беломорским длинною гатью, сложенною из громадных валунов; по ним вьется дорога, словно лента по морю, по синему морю; в двух местах гати перекинуты небольшие деревянные мосты, под которыми резко обозначаются течениями, смотря по времени дня, приливы и отливы моря. Расстояние Соловок от Кеми 60 верст, от Сумы — 120, от Онеги — 180, от Архангельска — 306 верст. Острова очень обильны пресною водой, на них считают до 300 озер.

Каналы и канавки, пересекающие остров, дело рук Филипповых, этого великого человека русской истории, вышедшего из Соловок. Они соединяют многие озера и осушают местность. Почти весь остров оброс лесом, причем характер леса неодинаков: в северной части, к Муксалме, он приземист, елочки мелки или безвременен сохнут и

Экипаж спасательной лодки Анзерского острова

вымерзают, и обильно проступает карликовая береза-стланец с ее мелкими, жесткими, круглыми листиками и постоянной готовностью стлаться по земле; в южной части, к Секирной горе, лес рослый, строевой и трава пестреет различными цветами. Чтоб убедиться в том, что значит «дыхание Севера», стоит видеть север и юг небольшого Соловецкого острова.

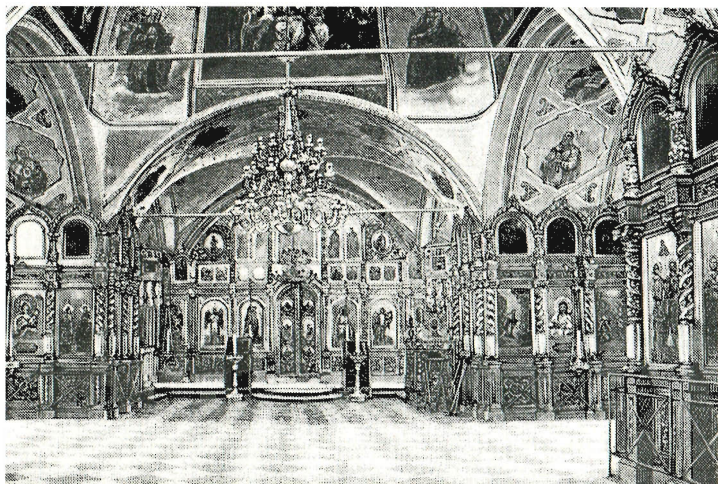
Центральные здания монастыря, представляющиеся внушительною громадою, окружены, как известно, знаменитою стеной, сложенною в 1584 году монахом Трифоном, довольно искусным в военном деле. Стене этой как раз 300 лет от роду и она непоколебима своими 10-аршинными камнями и 8 башнями; длина ее одна верста; в воротах помещены модели тех кораблей, на которых приезжал в монастырь Петр Великий. Его Высочество обошел кругом всю стену; она покрыта дощаною крышею; местами приходилось подниматься и опускаться; сквозь амбразуры и стрельницы блистало море с зеленеющими островами; в башнях стоят старые пушки, голос которых мы слышали.

В стенах этих заключены, как в каменном кольце, святыни обители, десять храмов, главным из которых является, конечно, собор Преображения Господня, построенный Святым Филиппом в 1558–1566 годах. Иконостас его пятиярусный, с древними иконами, нижний ряд которых в богатых ризах, и над ним длинным поясом тянутся раскрытые

створни. Фрески по стенам новые, незначенитые. Кроме храмов стены монастырские обнимают пятнадцать отдельных корпусов: жилых, образовательных и хозяйственных; тут же несколько часовен, и вся эта сплоченная масса оживляется и денно и нощно православными молитвами иноков и богомольцев. Вечно шумит и бьется о твердыни монастырские Белое море, но черные иноки в храмах Благовещения, на Голгофе и на Секирной, совершают такое же неусыпное, как шум моря, бесконечное, неустанное чтение псалтири. Черными и белыми являются тут и бесконечные стаи пернатых, тоже чередующихся с точностью удивительной: едва прилетают в марте месяце чайки, вороны, обитавшие всю зиму, почти все исчезают куда-то бесследно, можно бы сказать непостижимо. И все это из году в год, без изменения.

Звон монастырских колоколов разносится далеко по морю, постоянно примешиваясь к его неумолкающему прибою; всех колоколов в центральной обители 42, на прочих островах и скитах еще 43. На особой низенькой колокольне, почему-то называемой здесь готической, в центре садика висит колокол в 72 пуда весом, называемый «Благовестник»; он подает свой почтенный голос только в особых случаях, пожалован обители в 1860 году покойным императором Александром II и отлит из украшений, которые имелись налицо при погребении императора Николая I. На нем, кроме изображений, три очень длинные надписи, повествующие о бомбардировании обители англичанами в 1854 году.

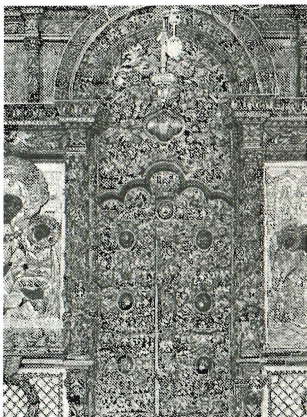
Чрезвычайно богата и отлично устроена просторная ризница монастырская. Целый ряд различных грамот виден был на столе к приходу Великого Князя; тут были и новгородские — Марфы Борецкой, и почти всех царей наших, начиная от Василия Шуйского и Годунова. Богатейших риз и стихарей не оглядеть; самая дорогая — царя Михаила Феодоровича; подарков Иоанна Грозного очень много; роскошны мечи Скопина-Шуйского и князя Пожарского; замечательна книга «Сад Спасения» (1811 года), в которой описано житие Зосимы и Савватия «зуграфным мастерством», и число изображений в ней, пестреющих водяными красками, неисчислимо. Очень богаты многие шитые образа, Евангелия, ладоницы, кубки. Тут же хранятся различные подвижнические

Внутренность Преображенского собора в Соловецком монастыре

вериги, ризы Филиппа и Зосимы и деревянные сосуды, служившие последнему при богослужении. Его Высочество очень долго и подробно осматривал все замечательности этой почти не имеющей соперницы ризницы.

Помимо святыни и жилых помещений иноков и богомольцев и трех больших гостиниц стены обнимают замечательный цикл различных учреждений и заведений, подобных которым в их совокупности и устройстве нет нигде. Они свидетельствуют о целом ряде столетий труда и выдержки и показывают нагляднее, чем что бы то ни было и где бы то ни было, чем и как шло наше монашество в дебри и пустыни, проповедуя и слово Божье, и развитие человека. Местные люди наглядно видели упорядочение, улучшение жизни и обращались к вере. Окруженный неприветным морем, открытый дыханию Севера, на голых скалах, при чахлой растительности, на краю тех стран, где царит двухмесячная ночь, а лето является только проблесками, монастырь создал жизнь и распространил ее. Поднимались и поднимаются голоса в пользу того, чтобы монастырь устроил монашеское общежитие на Новой Земле. Несомненно, что эта задача была бы очень трудна, но не невозможна при почтенных качествах

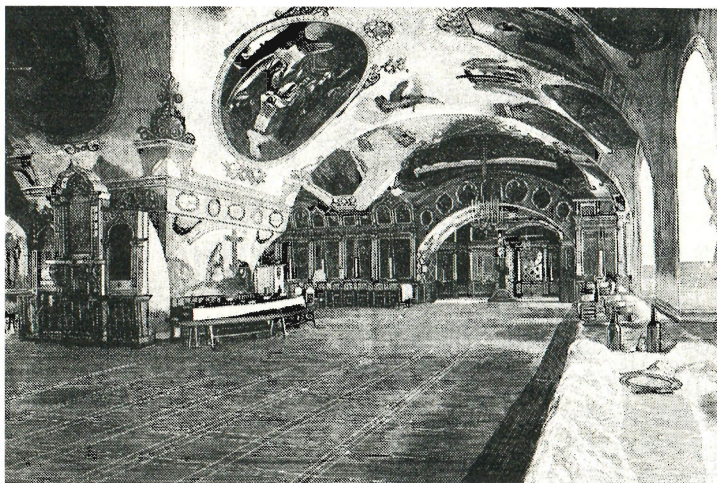

Царские двери в соборе
Соловецкого монастыря

монахов соловецких, отличающих их по сегодня от времен новгородских. Что зимою на Новой Земле жить можно — доказательство в опыте, произведенном в 1878 году, когда был командирован туда на зиму штабс-капитан Тягин и с семьею своею прозимовал. Задача была бы и под силу, и под стать Соловецкому монастырю. В настоящее время на Новой Земле, в становище Малые Кармакулы, на средства казны построена спасательная станция; там же с 1879 года поселены семь семейств самоедов, а

19 июня 1881 года состоялось Высочайшее повеление о заселении Новой Земли с пособием от правительства деньгами 350 рублей, лесом на обзаведение и правом возвратиться на родину через пять лет, но желающих не явилось.

Его Высочество обошел две гостиницы и подробно расспрашивал богомольцев, откуда они, как и почему. Большинство приходит сюда по обету, иногда целыми семьями, и могут оставаться на монастырском иждивении три дня; чтобы гостить больше, надо спросить разрешения, которое обыкновенно и дается. Значительная часть странников из наших четырех северных губерний, но были и сарские. Несколько лет тому назад были богомольцы алеутские. Характерны так называемые годовики, или вкладчики, взрослые и дети, остающиеся в монастыре на год по обету и справляющие все работы: дети отдаются сюда родителями по обету же, и для них это пребывание очень полезно — это целая школа грамотности и мастерства. Надо заметить, что в Соловках вся жизнь этих пришлых людей, вся обстановка, совершенно приспособлена к народному быту, и если не элегантна, зато сыта, тепла и совершенно по сердцу народу. Монахов в обители 300, послушников 100, годовиков 400, богомольцев было свыше 1500 человек, и все это питается монастырем. Под Успенским собором помещается пекарня

Трапеза в Соловецком монастыре

с чудовищными двумя печами, из которых в каждой испекается сразу до 60 пудов, в одной 180 хлебов, в другой 150. Просфор выходит в день от 1500 до 2000. В кельях монахов, ведающих пекарню, температура превышает 20°, и они постоянно живут тут и совершенно довольны. Квасу готовится соответствующее хлебам количество.

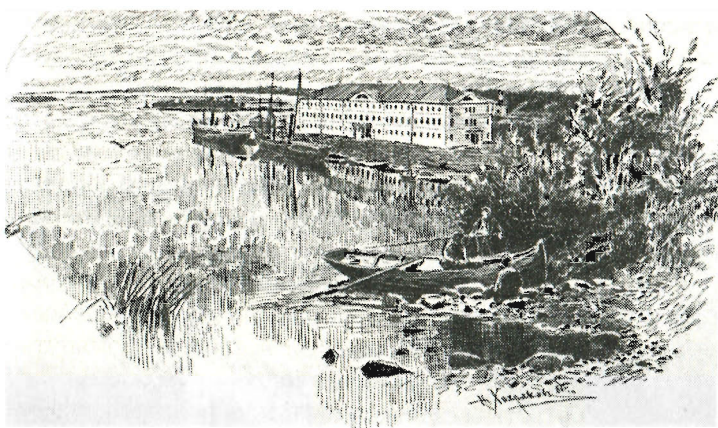
Обитель, отрезываемая от материка зимними льдами почти на десять месяцев, должна была иметь в себе все необходимое для существования, и она это все имеет. Вот простой перечень ее устройств и учреждений: училище, школы — живописная, сетная, каменотесная, слесарная, малярная, бондарная, переплетная, портная, чеботарная, мастерская глиняной посуды, кожевня, лесопильня, кирпичный завод, чугунолитейная мастерская, кузница, доки. В Макарьевской пустыни белят воск; имеется девять зданий при рыбных тонях и восемь изб при сенокосных пожнях, назначенных для породистого монастырского скота. На Анзерском острове устроена спасательная станция, в которую посылается атаман и 12 послушников. Монастырю принадлежат два парохода: «Вера» и «Соловецкий». По мысли профессора Вагнера думают устроить рыбозаводный отдел и предполагают разводить стерлядь, треску и мойву. Мона-

стырский скот рослый и красивый, голов около 100, обитает в семи верстах от обители, в Сергиевой пустыни на Муксалме, посещенной Его Высочеством на второй день его пребывания. Замечательно и совершенно необъяснимо, почему в зимнем помещении скот стоит без подстилки: недостаток соломы мог бы быть легко заменен вереском и мхами, как это делается местами в Швейцарии и Германии, и монастырь не лишился бы значительной части удобрения.

Помимо святыни и строений, находящихся в стенах монастыря, есть еще шесть церквей, два скита и 18 часовен, рассеянных по островам. Из часовен следует упомянуть о двух. Одна «Чудопросфорная», находится в 20 саженьях от ворот, на том месте, где приезжие купцы обронили просфору, собака хотела схватить ее, но пламя, исходившее из просфоры, мешало ей прикоснуться. Другая часовня, «Предтеченская», в 400 саженьях от монастыря, поставлена над воинами царя Алексея Михайловича, погибшими во время семилетней борьбы с мятежными монахами-раскольниками во время знаменитого соловецкого сидения.

Дольше, чем в других помещениях, оставался Великий Князь в живописной мастерской и в «рухлядне». В мастерской обратил Его Высочество свое внимание на молодого послушника, стоявшего над работой; самоучка, он несомненно обладает хорошим пошибом руки. «Рухлядня» — это необозримое собрание всяких предметов одежды, пополняющаяся постоянно как из монастырской швальни, так и от добровольных пожертвований. Она расположена в четырех ярусах, соединенных деревянными крутыми лестницами, и Великий Князь обошел их все. Чего, чего только нет в этом пестром соборе одеяний, и сколько продрогших и промокших покроют они! Здесь есть овчины и кожи собственной монастырской выделки. Моржевые ремни безупречны по достоинствам; ими опоясываются монахи, послушники и годовики.

Если в живописной мастерской было не особенно много работ, то очень характерною эпопеей монастырской живописи являются галереи, соединяющие церкви с жилищем архимандрита, и парадная лестница, ведущая к нему со двора. На лестнице в натуральную величину написан целый

Соловки. Одна из гостиниц

зверинец: слон большой и малый, бурый и белый медведи, лев, тигр, олень; яблонь, лимонное и апельсинное деревья, отягченные очень крупными плодами. В галерее вслед за целым рядом изображений Архангелов и Преподобных следуют иллюстрации к преданиям и бытописаниям церкви. Много места занимают изображения странствий Феодоры в преисподнюю; вы видите Лазаря и богатого, человека с бревном в глазу и другого со спицей, гору Афонскую, Триипостась, бичевание, несение Креста; вы видите явление игуменьи Афанасии, по смерти ее, в сопровождении двух ангелов: она посетила свой монастырь, который ведала при жизни, чтобы уличить монахинь в том, что они вместо сорокадневного поминовения учинили только девятидневное; пред вами видение Пахалия, которому предстал огромный глубокий ров, наполненный преступными монахами; тут же сказание о последних монахах, ставших плотолюбцами, славолюбцами и сребролюбцами; пред вами крест с распятым на нем иноком, изображающий подвиги и искушение монастырской жизни: слева от инок — в розовой юбке и соломенной шляпке какая-то красавица, старающаяся соблазнить, но монах не смотрит на нее, так как он «со Христом сороспяхся». Очень типичны следующие изображения:

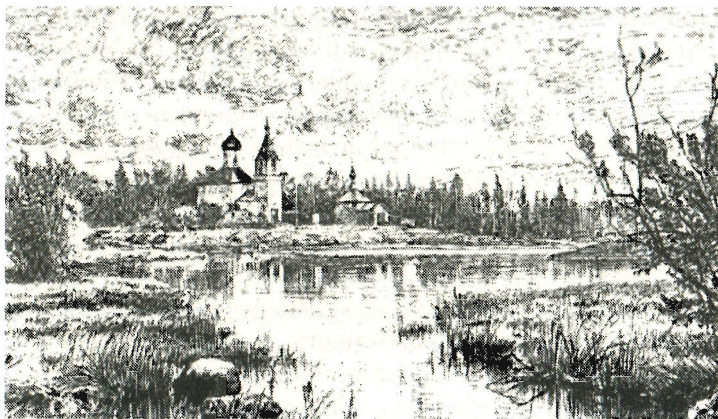
в одном олицетворено «любите друг друга» — два ангела венчают один другого венцами и подают друг дружке руку; в другом изображение «духа христианина» — к одной ноге его привязана громадная бомба, притягивающая его к земле; в руке сердце, тянущее его к небу; в другой руке меч. Есть в галерее Иоанн Лествичник, Антоний, видящий, как дьяволы оплетают сетями землю, и т. д. Живопись исполнена в 30-х годах, никакой критики не выдерживает, но обильно снабжена подписями, и пред ними целый день толкуются богомольцы, странники, идут объяснения, соображения и сказывается великая набожность.

Полтора дня пробыл Великий Князь в Соловках. Трудно было осмотреть все, что следовало, но еще труднее описать все виденное.

Главные святыни Соловецкого монастыря — это святые, явленные, чудотворные иконы; мощи Святых Угодников и внушительные воспоминания о главных представителях монастырского подвига и благочестия, здесь почивающих и почивавших, так или иначе связанных с судьбами монастыря.

Церкви монастырские изобилуют потемневшими от времени иконами, и многоярусные иконостасы их, в особенности пятиярусный Преображенского собора, дар Петра I, и приделы, и часовенки — все это щедро обвешано затуманивающимися от долгих годов ликами Святых. Ценные ризы из золота и серебра, многие осыпанные камнями, обрамляют пожелтевшие и потемневшие изображения и трепетно искрятся в свете не угасающих никогда лампад и вечно возобновляющихся, тоже никогда не погасающих, дешевеньких свеч, поставленных на трудовую копейку, идущую сюда со всех концов России. Кто не знает Соловок, «святой остров Соловец», и откуда не шествуют к нему?

Главные иконы монастыря следующие: нерукотворенный образ Спасителя в святых вратах, висящий в них с начала XVII века, недоступный действию соленого воздуха; чудотворная икона Знамения Божьей Матери над западным входом в Преображенский собор, дважды пораненная английскими бомбами в 1854 году; на ризах маленьких образков, продаваемых в монастырской лавке, тщательно

Соловецкий монастырь. Савватиевский скит

прорезываются два кругленьких отверстия, обозначающих места поранения иконы; чудотворная икона «Сосновская», явившаяся Святому Филиппу во время его молитвы за печкой монастырской хлебопекарни.

Центральной усыпальницей главнейших представителей монастырского подвига, полную самых внушительных воспоминаний, должно считать непосредственно прислоненную к собору Троицко-Зосимо-Савватиевскую церковь и находящуюся под нею церковь Преподобного Германа. В богатых серебряных раках почивают Преподобные Зосима и Савватий, один подле другого. Из простых людей, приходящих сюда помолиться Угодникам, мало кто вспомнит, мало кто знает, каким выдающимся человеком был Преподобный Зосима, сделавший из Соловецкого монастыря то, что он есть, проживший в Соловках 42 года и имевший когда-то в Великом Новгороде встречи и разговоры с могущественною Марфой Борецкой и другими вечевыми людьми. От раки Святителя веет далекою историей нашей с 400-летнего расстояния. Резная деревянная сень оттеняет серебряные рельефные лики обоих подвижников; оба Преподобных в поясных писаных изображениях сами созерцают эти металлические лики из двух соседних арок; три массивные древние лампы неугасаемо горят над ними; на больших подсвечниках пылают десятки постоянно возобновляемых свечей.

В находящейся под эту нижней церкви Святого Германа почивают под спудом святые мощи его. Собственно говоря, Святой Герман был первым в деле основания Соловков, так как он направился сюда с Преподобным Савватием, он направил Зосиму. Подле него, тоже под спудом, покоятся мощи Преподобного Иринарха; тут же подле почивали мощи Святого Филиппа до перенесения их в собор. Надгробные надписи, заметные кое-где, гласят о других почивших в безмятежном спокойствии.

Нет сомнения в том, что в длинном ряду памятей соловецких Святитель Филипп в его заслугах, страданиях, в его великой и бесстрастной стойкости пред Иоанном Грозным занимает первое место. Не монастырю только, но всей православной России знаком и дорог этот величавый, страдальческий облик. Филипп происходил из знатного боярского рода Колычевых и воспитывался в царском дворце в Москве. По тридцатому году оставил он царский двор и удалился в 1539 году в Соловки; через десять лет был он игуменом. Во всей истории русского монашества нет другого лица ему подобного. Он был образцовым хозяином; дикие острова сделались благоустроенными; пользуясь своим богатством, Филипп рыл каналы, засыпал болота, создал пастбища, развел скот, устроил кожевенный завод и ввел выборное управление между монастырскими крестьянами. Если на Муксалме богат и обилен скотный двор, если по острову гуляют стадами лапландские олени, если созданы соляные варницы — всему этому причиной Филипп.

Шел восемнадцатый год игуменства Филиппа, когда царь Иоанн Грозный, обуянный всеми страстями, больной, жестокий, кровожадный, подозрительный, окруженный лютою опричниной, вспомнил о сверстнике своего детства Филиппе и призвал его на московскую митрополию. Слышал соловецкий настоятель о том, кто такое Иоанн и против какой воли придется ему бороться, но, повинувшись царскому слову, прибыл в Москву и стал на митрополию. Кто не знает этих ярких страниц истории нашей, где противостояли друг другу лицом к лицу Иоанн и Филипп? Много ли подобных страниц в любой истории? «Благослови нас по нашему изволению», — говорит митрополиту царь; Филипп не дает ему благословения. «Не я просил тебя о сани, — отве-

чает митрополит, — постыдись своей багряницы! Но могу повиноваться твоему велению паче Божьего». И кому говорит эти слова митрополит? Иоанну, в период злейшего развития его душевной болезни, говорит в церкви пред лицом всех опричников, из которых каждый — злодей!

Царь долгое время щадил смелого иерарха, но наконец назначил суд. Обвинение повели из далеких Соловков, потому что в Москве поводов не было; подкупили соловецкого игумна Паисия. Филипп был обвинен в волшебстве, разоблачен из святительства и, приговоренный к вечному заточению, поносно изгнан в Тверской Отроч монастырь. Здесь, 23 декабря 1569 года, был он задушен Малютой Скуратовым. Царь переказнил в отместку Филиппу многих Колычевых, и нет сомнения в том, что величавый Святитель был ему страшнее Курбского, говорившего далеко не правду, и ту только издалека.

В 1591 году, после того что наследник Иоаннов сослал лжесвидетельствовавшего на Филиппа игумна Паисия на Балаам, мощи Филипповы были перевезены в Соловецкий монастырь и положены в землю. Трогательным пением гимна, на этот случай сочиненного, приветствовали монахи изможденное тело мученика; гимн начинается словами: «Не надо было бы тебе, о Святителю Филиппе, оставлять твое отечество!» В 1646 году повелением царя Алексея Михайловича мощи вскрыты и перенесены в Соловецкий собор, в 1652 году торжественно вынесены в Москву, а в Соловках оставлены только их части, лежащие в соборном храме, в серебряной раке, вправо от алтаря.

Хотя память митрополита Филиппа и опустевшая усыпальница его имеют для посетителя преобладающее значение, но следует вспомнить и о другом деятеле, почивающем в ограде монастырской во дворе подле собора. Это Авраамий Палицын, келарь Троицкой лавры, один из самых выдающихся людей в годину лихолетия. Он был членом посольства, отправленного в Смоленск к Сигизмунду; во время движения к Москве Пожарского и Минина он с Дионисием, архимандритом Троицкой лавры, писал им грамоты и торопил прийти; Авраамий ездил в Ярославль для уничтожения раздоров и беспорядков в рати Пожарского, шедшей

к Москве; он, наконец, был членом посольства, отправленного просить на престол молодого царя Михаила Федоровича. Авраамий умер в 1647 году в Соловках, в которых недобровольно прожил семь лет. От Палицына осталось сочинение: «Летопись о многих мятежах», за время обладания столицей поляками, один из любопытнейших источников для исследования Смутного времени. Палицыны происходили от знатного рода новгородских выходцев, прибывших в Москву в XIV веке и носивших имя от родоначальника своего, прозванного Палицей.

Следует упомянуть, что будущий патриарх Никон принял здесь, в Соловках, иночество и прожил несколько лет. Также принял здесь пострижение и бывший царь Казанский Эдигер. Одна из надгробных надписей на монастырском дворе гласит, что тут покоится кошевой атаман сечи, Кольнишевский, сосланный сюда «на смирение» в 1776 году.

В одной из башен монастырской стены, называемой Успенскою, помещается очень любопытный арсенал монастыря, с большим количеством деревянных стрел, копий, алебард, бердышей, кольчуг, пищалей и пушек. Посещавший этот арсенал вспоминает исторические факты, в которых монастырская жизнь принимала военную окраску. Этими бердышами и алебардами вооружались монахи в XV и XVI столетиях против шведов; из этого арсенала взято было оружие во время раскольничьего мятежа в XVII столетии, против царских войск. Когда в 1854 году бомбардировали обитель англичане и монастырь вооружался против них, то в арсенале оказалось 20 пушек разного калибра, 381 пика, 648 бердышей, и все это пошло в ход и послужило для вооружения. Главный начальник края поручил тогда одному из офицеров, Бруннеру, осмотреть побережье Белого моря и Мурман, строить и вооружать батареи, но только местными средствами. Таким образом, при помощи монахов и богомольцев построено было несколько батарей и в Соловках; для защиты скотного двора на Муксалме, на который зарились англичане, устроено было для действий против десанта нечто вроде конной артиллерии в три орудия, ездовыми которой были богомольцы, прислужники, а командование поручено монаху, бывшему фейерверкеру; командир

этот, в монашеской одежде, командовал молодецки. Орудия из-за монастырской стены глядели грозно, но взяты они были с бору да с сосенки. Одна пушка, отлитая при царе Алексее Михайловиче, найдена была в бане, где заменяла каменку для получения пара; в других орудиях была масса свищей и раковин; пришлось просверливать стволы. Вооружению монастыря помогали отставной коллежский асессор Соколов и отставной гвардии унтер-офицер Крылов. Следы бомбардировки имеются налицо в грудах бомб и ядер, в знаках на стенах и на иконах. Стреляли англичане плохо; лесистый островок заслонял монастырь, и большая часть бомб перелетала через и ложилась за ним в Святое озеро. В озере этом летние богомольцы считают долгом своим искупаться.

Следует напомнить несколько подробнее о раскольничьем мятеже, имевшем место в Соловках, так как это одна из любопытных страниц нашего Севера.

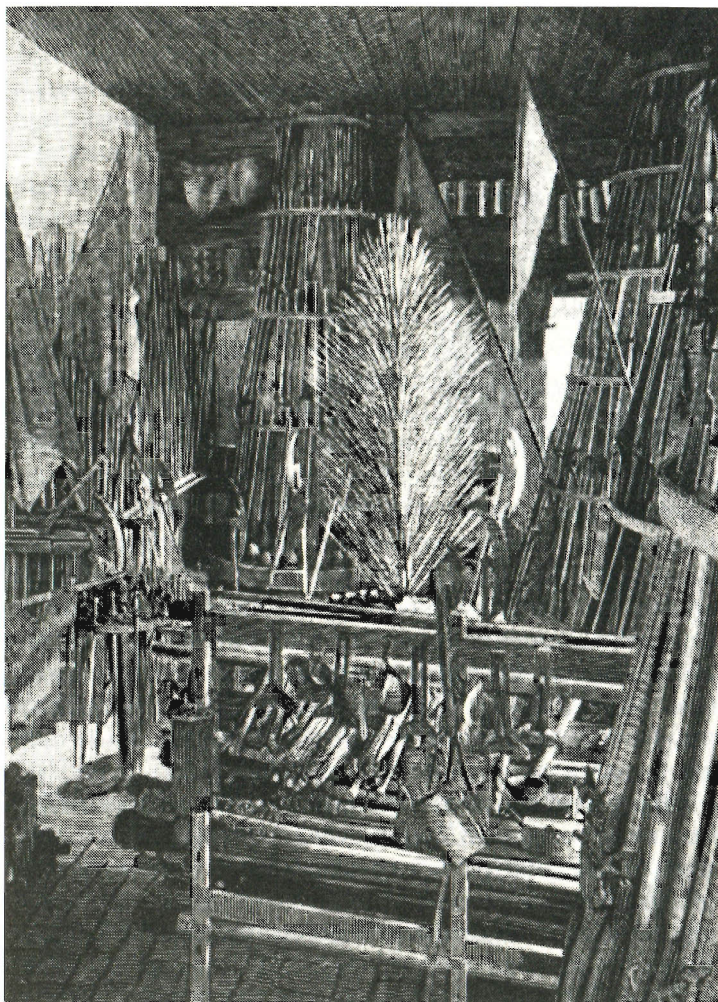
Явное возмущение раскольничествовавших монахов началось при настоятеле Варфоломее и длилось ровно десять лет. Личное недовольство патриархом Никоном, множество братии и прилив ссыльных способствовали смутам. Много было тут военных и мирских людей. Уже давно шло пьянство по кельям, о чем игумен Илья и доносил царю; доносил он, что слишком часто меняют игуменов и что много времени проходит без них. В ответ на это царская грамота 1647 года возбранила принос по келиям питья. Когда Никон управлял Новгородскою епархией, он тоже заметил многие беспорядки в Соловках, а именно: что просфоры пекут не из одной пшеничной муки, а с примесью ржаной; что поют в два, три и четыре голоса, вместо того чтобы петь единоголосно; питаются в посте рыбой, допускают жить мирских людей, вводят хмельное и нарушают предание об откровении глав. Об этом писал сюда Никон в 1651 году.

Особенно противились Никону соловецкие ссыльные, и между ними вел главенство князь Львов, бывший главный начальник печатного двора в Москве. В 1655 году вызван был из Соловок в Москву для исправления книг грек Арсений; когда он вернулся, то жил двусмысленно и одобрял мнения раскольников. Против исправления книг был и сам архи-

мандрит Илья. В 1657 году прибыл в Холмогоры с новыми книгами боярский сын; книг этих не приняли в монастыре, и начали монахи писать свои знаменитые челобитные в Москву. Число недовольных росло; таким был и Никанор, архимандрит Саввина-Сторожевского монастыря, тоже удалившийся в Соловки. Сам соловецкий архимандрит Варфоломей исключил из Символа Веры слово «истинного», и он же ездил в Москву со своими объяснениями. Тогда послана была от царя в Соловки комиссия, под начальством архимандрита Старо-Ярославского монастыря Сергия. Это был «муж гордый, якоже древний фараон и велеречивый», то есть совсем непригодный к роли умиротворителя. 4 октября 1666 года прибыл он и, собрав монахов, прочел им царский указ. Раздались крики: «Указу послушны во всем, но повеления о Символе Веры, сложении перстов, аллилуйя и новоизданных книг не приемлем!...» «Горе нам! отнимают у нас сына Божия! Где вы девали сына Божия?» — кричали монахи. Они хотели даже потопить присланных стрельцов, и сам Сергий поторопился отбыть в Москву с келарем Савватием; он взял с собою также князя Львова и других непокорных. По отъезду его избран был монахами новый келарь, Азарий, открытый враг новоисправленных книг; монахи послали царю челобитную, в которой изложили, что за веру Чудотворцев готовы смерть принять; многие приняли схиму: «Позволь нам, Государь, — писали они, — в том же предании быть, чтобы нам врозь не разбрестись и твоему богомолью, украиную и порубежному месту, от безлюдства не запустеть».

Настоятель в это время отсутствовал, и мятеж усиливался. Притекали в Соловки, прослышав о нем, разные люди, «даже и грабители из шайки Стеньки Разина». Когда из Москвы отправлен был новый архимандрит Иосиф и с ним прежний Варфоломей, то допущен был в поездку — что было уже совершенно некстати — и заявивший свои раскольничьи воззрения Никанор. Он предпослал своему возвращению в Соловки лживое письмо, следствием которого было то, что Иосифа не приняли, а у Варфоломея разорвали клубок и выдрали волосы.

22 сентября 1668 года отправлена была царю еще одна, самая знаменитая челобитная. Царь решился тогда прибег-

Оружейная палата в Соловецком монастыре

путь к строгости: он отписал на себя все земли монастырские, не велел пропускать запасов и послал в Соловки сотника стрельцов Чадуева. Это было полумерой и не помогло; монахи писали: «И повели, Государь, прислать на нас свой царский меч, и переселить нас от сего мятежного жития на безмятежное и вечное». В ответ на это царь послал в Солов-

ки стряпчего Волохова с сотней двинских стрельцов с приказом подчинить монахов оружием и ввести законного настоятеля архимандрита Иосифа. Это распоряжение, как мера запоздавшая, тоже не принесло ожидаемой пользы: царское войско встречено было пушками. Главными деятелями в монастыре были: келарь Азарий, архимандрит Никанор и послушник Бородин; первый и последний скоро захвачены в плен царскими стрельцами, стоявшими перед закрытыми воротами монастырскими. В монастыре в это время, в 1674 году, было 200 братий, 300 бельцов, 90 пушек, пороху 500 пудов и хлеба лет на десять. Почти семь лет стояли стрельцы под стенами соловецкими; в 1674 году назначен начальствовать над ними воевода Мещеринов, человек более энергический. Но и со стороны осажденных росла дерзость, в которой не было больше и помину о прежнем послушании царю, изображенном в челобитных. На сходке 28 декабря решено было не молиться более за царя; в сентябре 1675 года монахи не ходили более к священникам, говоря: «и без них проживем»; явились, словно из-под земли выросли, люди, о которых прежде не было слышно: сотники, неведомо кем так названные, Исачка и Сашка, подстрекавшие ко всему; сам Никанор, бывший архимандрит, в ожидании приступа ходил по стенам и кропил святою водою пушки, нежно величая их: «О, матушки мои, голаночки!»

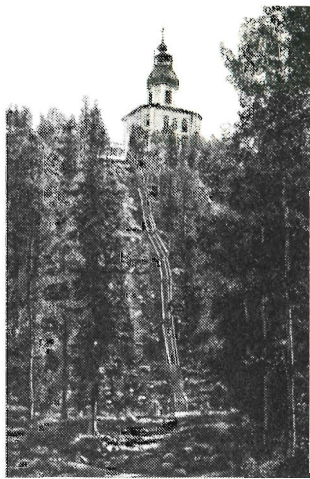
Приступ был сделан 23 декабря 1676 года, но отбит. Только 8 ноября 1677 года перебежчик Феоктист сообщил Мещеринову, что в крепость можно проникнуть из рва Онуфриевой церкви; ночью на 22 января с 50 стрельцами Мещеринов сам или лицо, им посланное, действительно пробралось в монастырь, и началась немедленная расправа. Никанор, Сашка и многие другие люто казнены, многие разосланы. Описание расправы оставлено нам в свидетельстве Семена Денисова, который в своем Выгорецком раскольничьем ските написал «Историю о запоре и взятии Соловецкого монастыря», конечно, с точки зрения раскольнической. Значительная часть монахов побежала на берега Олонецкой реки Выга, в так называвшуюся Выгорецию, где быстро росли объемом, значением и богатством раскольничьи монастыри Данилов и Лекса. Так кончился соловецкий

раскольничий мятеж, и памятью его служит часовня Предтеченская, где покоятся царские воины, погибшие и умершие во время осады монастыря. Нам показывали место, сквозь которое стрельцы вошли; оно находится у сушильни, близ Белых ворот, с южной стороны.

Огромное количество богомольцев посещают монастырь который уже век. Дней за десять до Троицына дня в Петербурге, на Калашниковой пристани, можно видеть отправление соловецких паломников. Пестрый народ этот помещается в одну, а нет — так и две соймы и движается, буксируемый парохомом, вверх по Неве. Путь их рассчитан так, чтобы быть к Троицыну дню в Свирском монастыре, ко времени ежегодного перенесения мощей Св. Александра Свирского из одного храма в другой. Оттуда Свирью и Онежским озером движаются они на Повенец, чрез Олонецкий горный кряж, Масельгу, кто пешком, верхом, в телеге, а иногда по пескам на саях, приходят они к Сумскому посадку на Белом море, где ожидают их карбасы или пароходы Соловецкого монастыря.

120 верст, остающиеся им до обители, в сравнении с пройденным путем кажутся им, конечно, недалекими. Едва только завидят они в море мелькающую точкой святыню монастырскую, как приветствуют ее общим коленопреклонением и молитвой. Эта минута могла бы дать богатейший сюжет картине живописца.

Когда-то еще недавно Соловецкая обитель служила местом ссылки; сюда ежегодно командировалась особенная военная команда в составе одного офицера и 20 рядовых из архангелогородского местного батальона для различных служебных нарядов. Великий Князь произвел этой команде смотр и остался доволен молодецкою выправкой и удовлетворительным снаряжением и обмундированием.

Соловецкий монастырь.

Скит Секир-гора

Так как цель командирования ее для содержания караула при тюрьме утратила всякое значение, за упразднением тюрьмы, то Его Высочество признал бесцельным дальнейшее пребывание команды на острове, и она возвращается к своему батальону. Архимандрит Мелетий, как комендант крепости сопровождая Великого Князя к команде, подал Его Высочеству почетный рапорт.

Первый день пребывания нашего в Соловках был посвящен замечательностям центральной обители, причем Великий Князь побывал решительно везде: в рухлядне, школе, в больнице, в мастерских, даже в тех кельях пекарей, в которых дышать жарко, даже в тех гостиницах, где неэлегантно; второй день был назначен на проезд и посещения: Живоносный источник, Сергиева пустынь на Муксалме, Секирная гора, Савватиева и Макарьевская пустыни и часовни. Дороги на острове очень хороши, и быстроходные монастырские лошадки мчали нас по ним очень весело. Лес южной части острова так зелен и красив, травы так густы и сочны, день был так тепл и ясен, что решительно не верилось близости Ледовитого океана. Но пройдет это короткое лето, и обитель покроется глубокими снегами, и отгородится она ото всего мира неприступными, навороченными осенним взводнем волн льдинами, станет тогда застывшая поверхность моря «ропачиста», и нет тогда с обителью сообщения, и отделена она от живых людей не меньше, чем умершие. Но прилетает в Благовещение чайка, час воскресения настает, и умершие возвращаются к жизни.

Глубоко светел и спокоен был вечер 17 июня, когда Его Высочество, отслушав у мощей Преподобных Зосимы и Савватия молебен, отслуженный соборне архимандритом Мелетием, и поклонившись со своими спутниками Святым Угодникам, под звуки всех колоколов монастырских, сквозь длинные ряды годовиков и народа, предшествуемый иконами и хоругвями, вдоль сыпавшихся цветов, ложившихся под ноги живым ковром, при духовном пении и криках «ура» сошел к пристани и отбыл на «Забияку». Всем чинам «Забияки» розданы были от архимандрита образки; утром на клипере монастырскою братиею отслужена была литургия. Мы снялись с якоря немедленно и взяли курс на запад, к городу Кеми.

От Соловок до Кеми. Кемь

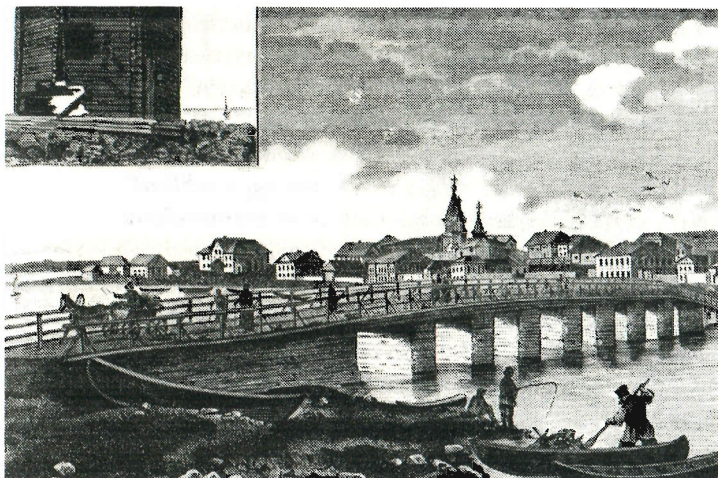
Ночевка у Як-Острова. Таможенный пост. Вид на Кемь и кемлянок. Переправа через порог. Два собора. Женский город. Жемчуг и его добыча. Историческое о Кеми. Легенда о 40 рукавицах. Осмотр «Забияки» кемлянками. Отъезд.

Ловко и быстро снялся с якоря «Забияка», покидая Соловки; он давно уже вспенивал винтом своим за кормой тяжелую беломорскую волну; давно уже замерли салютационные выстрелы, с него раздававшиеся в ответ на выстрелы монастырских пушек, а последние все еще продолжали гудеть вслед Великому Князю и наконец замолкли, стихли за отдаленьем. В полнейшей ясности северной полуночи на 18 июня скрылись, задвинулись мало-помалу долго умалявшиеся очертания Соловецких островов, и все ближе выяснялись влево от нас острые, темные профили неприветливых островов Кузова. Они лежат почти на полпути между Соловками и Кемью, совершенно остры, мрачны, голы, угрюмы и дали предвкусить своим очертанием то, что предстояло нам видеть на бесконечном Мурманском берегу. Вслед за ними, будто декорации, шествовали в светлой ночи, выплывая из светлой воды, другие очертания, другие острова, тоже голые, скалистые, необитаемые, большие и маленькие, острова с названиями и без названий, и наконец около 2 часов ночи близ Як-Острова бросили мы якорь для ночевки. Тут окружил нас темневший по светившемуся полуночным светом морю целый архипелаг, и виднелись Дальний Кузов, Немецкий Кузов, ближе и гораздо ниже их Ольховый, Топоруха и еще многие. Здешнее море никогда не спокойно, оно вечно терзается приливами и отливами, чрезвычайно разнящимися своею вышиной в той или другой губе его. Эти четырехкратные перемены дня и ночи следуют одна за другою по пятам, непосредственно, и вызыва-

ют видимую простым глазом борьбу течений: спор прилива с отливом, обозначающийся видимо, называется «сулоем». От места якорной стоянки, Як-Острова, до Кеми оставалось верст 30, и мы сделали их с утра очень быстро и бросили якорь вторично. Для съезда с «Забияки» на берег надо было воспользоваться приливом, и для первого же знакомства с характером беломорских портов нам приходилось сделать девять верст, отделявших нас от Кеми, сначала на нашем паровом катере, а дальше, ближе к городу, в порогах реки Кеми, на местных лодчонках. «Забияка» сидит 14 и должен был стать далеко, но пароходы Общества мурманского пароходства «Кемь» и «Онега», сидящие 6, могут подходить почти к самому городу; первый из этих пароходов видели мы на якоре недалеко от нас.

День, как и ночь, был очень теплый и светлый, и глазам было больно смотреть на яркое серебро моря, еле колеблемое ветром. Влево от клипера виднелись на берегу: бездействующий казенный лесопильный завод и здание Ягостровского таможенного поста, один из карбасов которого подъехал к нам; таможенные солдатики в матросских куртках, с зелеными воротниками и такими же околышами фуражек, большею частью люди местные, очень отважные и ловкие моряки. Всех таможенных карбасов в Белом море 43; имеется еще и паровой карбас. В 1869 году простой карбас стоил 135 руб., в 1870-м — 250 руб., в нынешнем году обходится он постройкой 400 руб.; сравнение цен этих может служить очень наглядным доказательством возрастания стоимости леса. Береговая линия Ягостровского поста, подле которого мы стояли на якоре, составляет 130 верст; отсюда же наблюдают таможенные и за Соловецкими островами. Контрабанды вообще мало, но, не будь этих зеленых людей, ее несомненно было бы достаточно.

Паровой катер, несмотря на встречный юго-восточный ветерок, или — как его здесь называют — «обедник», отвалив от клипера, шел быстро. Прежде всего обозначилась на приближавшемся берегу сосновая роща с часовней Ильи Пророка, отстоящею на три версты от Кеми; роща эта — любимое место прогулок кемлян и единственная представительница зелени на голых скалистых окрестностях. Почти одновремен-

Вид города Кеми от моста на реке Кемь

но с нею глянула вдаль и сама Кемь, и яснее других обозначились на плоском берегу едва видного из волн городка две церкви — старый, закрытый по ветхости, и новый, неоконченный соборы; есть еще небольшая третья церковь — кладбищенская, так что в городе церквей две или три, как считать. Яснее и яснее поднимались из воды мелкие строения; вырастал как будто и берег, замкнутый вдаль по кругу довольно высокими холмами; вправо от нас просунулся в море каменистый мысок, и невдалеке от него, на зелени прибрежного луга, шло, направляясь к городу, довольно большое стадо. По некоторым из печатных источников, мурманские, и беломорские коровы питаются рыбой, треской, вследствие безусловного недостатка травы. Может быть, такие коровы и существуют где-нибудь дальше, но тут, в Кеми, нет достаточной причины этому оригинальному развитию коровьего вкуса.

Около 2 часов времени прошло с тех пор, как мы покинули «Забияку», и, идя против ветра, но по приливу, оставив слева полуразрушенную батарею, построенную против англичан в 1855 году, въехали в довольно широкий бассейн, образуемый рекой Кемью; на берегу, вправо, лежали, накренившись, несколько судов, прибитых весенним ледоходом; невысокие, голые, скалистые холмы вырисовывались за ними и буд-

то вырастали. Отсюда увидели мы очень ясно: новый собор с его тремя шатровыми шапками, мост на колодах через реку Кемь, сильно пострадавший в последний ледоход, так как третью часть его снесло, небольшие домики, островок с часовенкой, благополучно существующие в самой стремнине порога. Мы могли любоваться на разостлавшуюся по берегу громадную радугу горожанок-кемлянок, разубравшихся наилучшим и наипестрейшим образом для встречи Великого Князя. До берега, казалось, так близко, рукой подать, можно было отличить черты каждого лица, чуть ли не рисунки сарафана и кацавейки, а между тем самое трудное предстояло: рядом с нами клокотал порог, покрывая своим вечным голосом временное «ура!», несшееся с берега. Между островком с часовенкой и городом река Кемь перекидывает свои крупные сердитые волны через крутой и высокий гребень скал и направляет их дугой, образуя сильную круговую стремнину. Паровой катер мог двигаться только до этого места, а тут предстояла пересадка на маленькие лодочки, легкие, быстрые, доски которых связаны сосновыми корнями или тростником. Порог ревел невообразимо, заглушая людские голоса, когда у самого края его к катеру подскочили расцвеченные флагами лодочки с гребцами женского пола. С лентами на лбах, в золототканых повойничках, с цветными платочками на шее и груди, быстро и ловко подгребли кемлянки к катеру, и на первую ближайшую лодку пересел Великий Князь. Любопытно было видеть со стороны, как кричавшие «ура!» и махавшие платками лодчицы находились, так сказать, между двух огней: хотелось им смотреть на Великого Князя, а между тем нельзя было терять секунды, чтобы не быть снесенными стремниной. Нечего было делать, принялись кемлянки за работу: раз, два, три, и утлая лодочка, подчиняясь могучим ударам весел наших плечистых северянок, скользнула по направлению к берегу по безумно прыгавшим белым волнам порога. Минут через пять Его Высочество был на берегу, а скоро вслед за ним и мы остальные. «Ура!» заглушило на некоторое время шум порога, и двинулась людская радуга, женская фаланга, в пестрейших, зачастую златотканых одеяниях, вся залитая светом самого яркого солнца, вслед за Его Высочеством, в собор. Лошадей в Кемь нет, — пришлось идти пешком.

В Кеми встретились мы, таким образом, в первый раз с типом обычного на нашем Севере в летнюю пору в высшей степени характерного женского города. Весь мужской персонал, способный работать, отправляется в марте или апреле на Мурман, и возвращаются они не ранее сентября или октября. Матери, жены и дочери остаются на местах, что нисколько не мешает им отваживаться в открытое море, когда и на чем угодно, и прибрежное дитя еще в люльке готовится быть моряком, не знающим страха и вскормленным неприветливым морем, так как матери-кормилицы берут с собою ребятков в лодки и укладывают спать на носу или на корме. Смелые кемлянки до безумия и нередко тонут они, даже в городском пороге, но эти безвременные жертвы не влияют ни на общий строй жизни, ни на личные характеры. Тонуть так тонуть, кричать так кричать, и кричат же кемлянки невообразимо, потому что говорить попросту в Кеми нельзя, и обыкновенная речь заглушается вечным голосом вечного порога.

Его Высочество прослушал в соборе многолетие. Собор этот как-то очень давно строится, на деньги (кажется, 60 000 рублей), пожертвованные частным лицом, и все не достраивается. Говорят тут о том, будто и в самой постройке этой не было необходимости, так как старый собор вовсе не ветх; говорят, что большинство населения Кеми, и в особенности заправилы, раскольники, что поддерживать собора они не хотели. Верно то, что старый вовсе не так ветх, как о нем толковали; хотя он строен 175 лет тому назад, но лес его прочен и при некоторой поддержке мог бы служить еще очень долго; в нем трехъярусный иконостас и очень древние

Ловец жемчужин

иконы, несомненно, старейшие, чем сам собор, пожалуй даже новгородские, из каких-нибудь прежних исчезнувших церквей; имеются два придела, в каждом по иконостасу резному, деревянному, с очень характерными царскими дверями: краска с них лупится, позолота потеряна. Великий Князь посетил и этот храм и заявил начальнику губернии свое желание, чтобы древность этого собора, которая, будучи перенесена, уже отчасти украшает строящийся новый собор, в случае, если бы она оказалась ненужною и не оцененною по достоинству, была доставлена в Музей христианских древностей при Академии художеств. Благодетельное желание Его Высочества, распространенное более широким применением к другим местностям России, невероятно легкомысленно уничтожающим древности, может принести своим осуществлением громадную пользу, и нельзя сомневаться в том, что это так и будет. Новый, недостроенный собор не может выдержать сравнения со старым: это заурядная небольшая церковь, скорее комната, чем церковь, имеющая сени, отделенные перегородкой и украшенные очень немногими иконами; в старом соборе их много, и если не озаботиться о перенесении их или починке крыши, то предстоит неминуемое и скорое разрушение, так как дождевые потоки уже разрисовали сиротящиеся стены храма своими сталактитными изображениями. От стен веет сыростью несмотря на погулы ветра по храму.

Смотр кемской местной команде ограничился поверкой строя, потому что — это может показаться оригинальным — производству гимнастики и фехтования помешали кемлянки, буквально наводнявшие место построения. Военские чины живут здесь по обывателям, впредь до ожидаемого в скором времени возобновления сгоревших казарм; они пользуются временно отведенною им сборною, удовлетворяюще возможным от учебной залы требованиям. Посетив острог и городскую больницу, Великий Князь интересовался, по имеющимся в канцелярии начальника команды данным, состоянием в команде грамотности и как числом, так и родами совершенных нижними чинами преступлений и проступков; в заключение ознакомился с расходом людей на службу.

Временно остановился Его Высочество в лучшем доме города, принадлежащем сыну городского головы Водохле-

бова, находившемся ко времени приезда Великого Князя в море на промыслах. Это один из богатых хозяев-поморов; у него семь шняк, три шхуны и две промысловые яхточки; дом убран чисто, совсем комфортабельно; вообще поморские дома могут похвастать обстановкой: гардины, зеркала и мягкая мебель не редкость у таких хозяев промыслов. Живут поморы обыкновенно в нижнем этаже, по праздникам переходят в верхний и тут принимают гостей; одним из существенных украшений является гладко вычищенный, зачистую накаливаемый самовар; он ставится на почетном месте и играет, если угодно, роль статуи; наряжаться любят не только жены и дочери хозяев, но и простых работников-«покручников»,

Кемлянка

так что если верить рассказам, то почти все, что остается свободным от заработков, идет на одевание. Яркость цветов действительно поразительна; как и во многих местах Севера, местный жемчуг, вылавливаемый в реке Поньке, в 50 верстах отсюда, составляет одно из любимых украшений; шелков и золотой ткани тоже очень много. Здесь, как и везде, любят «песни играть», и во все наше пребывание на берегу, под рокотанье порога, с разных сторон слышалась песня.

Жемчужница, *Unio margaritiferus*, по словам профессора Гримма, очень распространена в прозрачных, светлых водах речек нашего северного края, и подтверждение этому имеется действительно в нарядах женщин олонецких и архангельских; особенно славятся жемчужницами речки Сюзьма, Сума и Повенчанка; добыча же его наиболее развита в Коле. Ловят жемчужницу или «ракушницей», деревянной рамой, снабженной ножом, с помощью которой сцарапыва-

ют ракушку с каменистого дна, или просто руками, обходя известные места и пользуясь светом полуденного солнца. У промышленников сложилось даже нечто вроде особого одеяния с принадлежностями лова; надо иметь много опытности, чтобы по наружному виду раковины судить о том, есть ли в ней жемчуг, и не вскрывать понапрасну; попадаются жемчужины до 100 рублей ценою, но редко; сбыт жемчуга обеспечен всегда.

Жителей в Кемии около 1000 человек. Как и значительная часть побережья Белого моря, Кемь в свое время была помещьем Марфы Борецкой и в 1450 году отдана ею Соловецкому монастырю, о чем и свидетельствует хранящаяся в монастыре «вкладная крепость» с вислыми свинцовыми печатями. На этих древних документах зачастую не обозначалось ни числа, ни года; не более точны были и межевые знаки; определялось, например, что уступаются те «два лука (или две обжи, каждая длиннику 126, а поперечнику 32 сажени) земли, где Пареенка да Першица живут». Следовательно, эти сгинувшие Пареенки да Першицы — тоже исторические данные. В 1597 году вторглись сюда «коянские немцы», то есть финляндцы из города Кояна, причем были побиты соловецкий воевода Озеров и бывшие с ним стрельцы. Новое нападение последовало год спустя, но воевода Аничков отбил; в 1657 году Соловецкий монастырь, по-видимому, сильно интересовавшийся Кемью, поставил здесь острог и снабдил его пушками, пищальми и припасами. Есть сведения, что острог этот напором льда снесен в 1763 году. С 1785 года Кемь уездный город, и открывал его бывший в то время олонеким губернатором Державин, едва не потонувший при этом случае.

Хотя Кемь считается одним из лучших уездных городов Архангельской губернии, тем не менее летом нет в него въезда, нет выезда в экипаже. Г. Михайлов, пробывший здесь целое лето, утверждает, что он видел одну только лошадь, занятую развозом водки на санях. Он был счастливее нас: мы не видели ни одной. По его словам, гористая местность Кемского уезда дальше, в глубь страны, выработала даже особый тип архангельских горцев, а близость моря, опасного моря, вынянчила замечательных моряков. От Кемии до

Типы поморов

Онеги и по всему Кандалакшскому заливу на протяжении 500 верст нет вовсе сухопутных дорог, и все сообщение происходит на карбасах, для чего приблизительно на 40 верстах расстояния устраиваются почтовые пункты; гребут опять-таки только женщины и могут сделать 120 верст, работая в две смены. По окраинам города есть кое-где огороды, где растет морковь, редька, репа и брюква; по-видимому, картофель — корнеплод слишком нежный для этих широт; капусту тоже привозят, и цена ей 5 руб. за 100 кочней. Но и Кемь некоторым образом юг относительно недалекого Мурмана, потому что в одном из становищ морского побережья Ура, которое мы посетим, морковь уже не растет, и люди ограничиваются только тремя остальными овощами. Говорят, впрочем, что в этой далекой Уре в 1873 году пробовали сеять ячмень и как будто что-то получили.

Легко, конечно, относиться саркастически к этой скудости и угрюмости страны двухмесячной ночи; легко нам, паезжающим, судить о том, что измаянный работой, часто становящийся лицом к лицу со смертью в океане, со смертью в становище в образе цинги, или скорбута, помор лишнее

выпьет. Но что за сила воли обитает в этих людях, каких только подвигов нельзя ожидать от них! В 1850 году в «Архангельских губернских ведомостях» опубликовано было, что кемский мещанин Михаил Никитин вдвоем с женой ходил на шняке своей на Новую Землю. Спрошенные о нем старожилы ответили нам, однако, что никакого такого Никитина они не помнят. В тридцатых годах умер тот Старостин, что проживал зимы на Шпицбергене в течение целых сорока лет. Это ли не люди, это ли не характеры, это ли не моряки?

Существует любопытное местное предание, напоминающее отчасти легенду Вильгельма Телля, это рассказ «О сорока рукавицах». Дело в том, что шведы пришли по обыкновению на реку Ковду грабить; чтобы добраться им до села, нужно было пройти порог и нужен был человек, способный провести лодку. Нашелся такой человек, но на самой быстрине соскочил он с лодки на берег, оттолкнул ее, и все находившиеся в ней погибли; выплыло только сорок рукавиц.

Как уездный город, Кемь обставлена и всеми соответствующими атрибутами власти; здесь есть шкиперское училище, но летних занятий в нем нет. В реках Кемского уезда одною из важных статей дохода является семга и ее промысел; город Кемь от семужьих заколов получает 700 рублей, Сорока — 500 рублей, Ковда и Умба — по 2000 рублей, Поной — 5000 рублей, доходы Кузоmeni достигают крупной цифры 10 000 рублей.

Полуденное солнце было очень ярко и жарко, когда Великий Князь направился к пристани, опять-таки пешком, окружаемый вплотную амазонским населением Кеми. Несмотря на густую толпу, пыли почти не было, так как «проезжих» улиц нет и городские домики расположены, словно рассыпаны, на зеленой мураве; да и, вообще говоря, подлежит сомнению, существуют ли в Кеми улицы. Если они есть, то весьма схожи с деревенскими проулочками, с тою разницей, что по совершенному отсутствию лошадей и колесных экипажей свободно обросли приземистою, но сочною травой. Во время прохождения Его Высочества по мосткам, устланным где ситцем, где сукном, где коленкором, Великому Князю то и дело подбрасывались под ноги всякие платки и полотенца; надо было иметь великое искусство

и большую силу, чтобы по проходе Его Высочества выдержать положенную материю из-под ног вплотную надвигавшейся толпы; очень трудно было и нам, следовавшим за Великим Князем, не путаться в этих комкавшихся ситцах и полотенцах и поспевать за ним.

Сев в лодочку, Его Высочество был быстро переправлен через порог к паровому катеру; нельзя было терять ни минуты, так как начинался отлив. Не успели мы тронуться с места, как ото всех выступов обмытых волнами скал, из всех щелей побережья, в которых гнездились лодочки, вслед Великому Князю в стремнину порога двинулась целая флотилия наших морских амазонок, толкаясь одни о других так, что страшно было глядеть. На расцветенных флагами лодочках по четыре и шести гребцов на веслах, кое-где уткнув в носы и кормы лодочек ребятишек, двинулись кемлянки вслед великокняжескому катеру: кто под парусом, кто и без него; со всех сторон под взмахи весел и повертывания рулей «игрались песни». Понятно, что гребцы отставали от катера, но немного. Вышли мы по отливу из реки в залив и направились к видневшемуся верхушками своих мачт «Забияке». Только что причалили мы к нему и взошли по трапу на палубу, как приблизились к высоким темным бокам его и лодочки кемлянок и окружили вплотную, образовав подле обоих трапов как будто живой, трепетавший на глубоких синих волнах помост.

Никогда не видали кемлянки военного судна; существует у поморов шуточное прозвище парохода вообще — «жора»; едва ли наш щедро вооруженный клипер мог им показаться шуточным; хотелось им его видеть, и Великий Князь дал разрешение пустить женщин на палубу. Как цветные бабочки, полезли они по крутым трапам на «Забияку»; никого не осталось в лодочках, никого, кроме самых маленьких ребятишек, уткнувших в носы и кормы, и клипер населился женщинами вплотную, так что в полном смысле слова на нем не было прохода. Все осмотрели кемлянки: и великокняжеские каюты, и кают-компании, и ют, и бак. Сторонились они с уважением от громоздких орудий, исследовали якорь и его цепи, заглянули в машину, в трюмы, ощупали снасти. Пестрые сарафаны, яркие платки и кокошники мелькали повсюду, оттеняемые темно-синими воротниками матросов,

пораженных и очень довольных неожиданным посещением. По ярким краскам одеяний бросал подвижную, волновавшуюся тень свою дым трубы клипера, и глубокое голубое небо спорило с блеском любопытствовавших женских глаз.

Прошло около получаса времени, когда посетительницы начали приглашать удалиться. Поползли они обратно по трапам вниз на свои лодочки, и надо было видеть ту смелость, ту ловкость, с которою рассаживались они по лодкам, пересякая с ближайших на дальнейшие, между веревок, державших лодочки одну подле другой. Это была своего рода скачка с препятствиями на большой глубине морской и в костюмах, вовсе не созданных для скачки и лазанья. «Это ли не тип, это ли не народ?» — думалось невольно, и какое-то сладкое чувство гордости и самосознания щекотало душу.

По мере того как всякие Домны, Василисы и Аннушки рассаживались на свои лодки, отыскать которые было довольно трудно, они, разобравшись веслами и веревками, отчаливали от «Забияки», направляясь к недалекой обнаженной гранитной луде. Сойдя на скалы, кемлянки живописно разместились по ним и неумолчно «играли песни», пока снимался с якоря «Забияка» и давал большой полукруг, поворачивая нос к морю. Термометр показывал 20° в тени; небо и воды были совсем лазурны. Наконец завертелся могучий винт нашего клипера. Совершенно невольно, безотчетно, проскальзывала мысль о том, неужели же это наш туманный, забытый, отличавшийся неясными очертаниями Север? Что же делают наши художники, не заезжая сюда и предпочитая для воспроизведения на полотне находящиеся под рукой изображения Финского залива или невских топей? Эта скала с цветными кемлянками, эта лазурь небес, это лучезарное море не видали еще нашего художника.

Посещение Кеми было роскошным, цветистым предисловием нашего пути на Мурман. Мы тронулись дальше поперек Кандалакшского залива, в начале 4-го часа пополудни, имея пред собой один из самых длинных предстоявших нам переездов к недалекой от норвежской границы Териберской губе. По расчету времени, завтра, 19 июня, около 8 часов утра, должны мы были перейти полярный круг и войти в область незаходящего солнца.

От Кеми до Териберки

Вечерняя молитва на «Забияке». Терский берег. Гидрография северной окраины. Заслуги Литке и его сочинение. Родион Иванов. Обская экспедиция. Маяки. Ночь на 20 июня. Общее впечатление бури. Св. Нос. Появление первых китов. Мурманский берег. Вход в Териберскую бухту.

Уверенно и покойно шествовал «Забияка», простившись с Кемью, с ее горячим днем и еще более горячими красками женских одеяний. Глаза наши мало-помалу успокаивались, благодаря легкой пасмурности, начинавшей окружать клипер, по мере движения к северу, к горлу Белого моря, связывающему его воедино с безбрежным Ледовитым океаном. Под равномерные звуки винта совершались обычные на клипере занятия. Когда спустился вечер, — что было заметно только по часовой стрелке, но никак не по слабости света, — ровно в 8 часов, раздалась обычные свистки, и команда собралась на молитву. Двумя шеренгами вытянулись матросы вдоль правого борта, от рубки к баку, и сняли шапки. Отчетливо и неторопливо пропели они «Отче наш», осеняясь крестами, и звуки молитвы разносились кругом над глубокою теменью непокойной пучины. Есть что-то очень приятное, есть чувство глубокого единения со своими в сознании того, что эту самую молитву, в этот самый час и на том же самом языке, посылает русский человек к Богу и в Белом море, и в Индийском океане, и по лазурным заливам Средиземного моря. Как ни прочно судно, на котором вы плывете, как ни верен компас, как ни опытен капитан или штурманский офицер, но вы все-таки на скорлупке, под вами верста и более глубины, а над вами бесконечное небо, из таинственных пространств которого нет-нет да и вырвется шквал или шторм и докажет вам очень наглядно, что проволочные канаты ваши не более как паутинные нити, а сами вы — ох, какое маленькое, хотя и смелое существо! Молит-

ва и только молитва, идя от сердца, под рост колоссальным пространствам неба, темени неизведанной глубины и еще более темному сознанию неизвестности.

А глубины нашего побережья Ледовитого океана и Белого моря в значительной степени действительно неизвестны. Плавание здесь вовсе не то, что в других морях, имеющих прочные, вечно исправляемые карты, где к услугам вашим рейды и порты, являющиеся тихими, покойными заводями. Гидрографический департамент только в последнее время предпринял исследование Белого моря; в 1884 году хронометрическая экспедиция сделала астрономическую связь 10 пунктов с Архангельском, и затем предполагается приступить к систематическим измерениям и к производству съемок на основании этих 10 пунктов.

Что касается дальнейшего Севера, то мы пользуемся до сих пор трудами одного большого человека, недавно умершего, поставившего себе вечный памятник в труде, изданном в 1828 году, под заглавием: «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан — Литке, в 1821, 1822, 1823 и 1824 годах». Сочинение это, в полном смысле слова классическое, издано in quarto и составляет теперь библиографическую редкость. Настольною книгой моряков при путешествиях в этих странах служит изданное в 1876 году гидрографическим департаментом «Гидрографическое описание северных берегов России» Рейнеке, в 1883 году дополненное Неупокоевым; эта книга — только экстракт капитального труда Литке, памяти которого нельзя не поклониться, как только переплывете вы Северный полярный круг.

В сочинении Литке, помимо множества карт, с обозначением промеров, помимо разных таблиц и очень характерной гравированной панорамы большей части нашего северного побережья, имеется и исторический очерк того, как давно, очень давно пускался простой русский человек на утлых суденышках, безо всяких карт, проникать в «челюсти полюса», словно пробуравливаясь в них. Исторически несомненно, что первым русским кормщиком, осмелившимся обратиться на Север в 1690 году, был Родион Иванов. Литке замечает, что много было и других, более ранних кормщиков, ходивших до Оби и Енисея и на Новую Землю, но име-

на их заглохли, потому что с ними не случилось того, что случилось с этим Ивановым. Иностранец Витсен, со слов Иванова, описал его путину: как шли они, как были разбиты на острове Шарапова-Кошка, на восточном берегу Карского моря, как зимовали, сделав себе хижину из глины и моржевой и тюленьей крови и шерсти; из 15 человек в живых осталось только 4. Темная внушительная драма эта остается до сих пор единственным известным нам путешествием в XVII веке и единственным, кажется, описанием Шараповых-Кошек. В конце XVIII века пробрался к восточному берегу Новой Земли кормщик Лошкин, но не нашлось Витсена, чтобы записать его слова.

В третьем десятке прошлого века императрица Анна Иоанновна задумала экспедицию, подобной которой, по обширности предположенных действий, почти нет в летописях морских открытий: намеревались описать берега от Архангельска до Америки! Суда, назначенные в это плавание, назывались «Экспедицион» и «Обь»; в 1734–1735 годах начальствовали ими лейтенанты Муравьев и Павлов; позже прибавлены другие суда и были другие лейтенанты. С 1736–1739 года посещены были Югорский Шар, Канин Нос, устья Оби и Печоры. Все эти плаванья совершались почти без карт. Карты Новой Земли, очень гадательные и очень неполные, могли быть составлены до 1807 года только по плаваньям Баренца, Размыслова и Поспелова. В 1819 году орудовал в том же деле лейтенант Лазарев. В 1828 году издано наконец капитальное сочинение Литке. Север давным-давно служил нашим смельчакам-казакам и промышленникам путем-дорогою ко всяким открытиям. Так, даже в настоящую минуту, благодаря щедротам Государя, по представлению Академии наук, на берегах Ледовитого моря, в Устьянске, далеко на востоке орудует ученая экспедиция для обследования Новосибирских островов. И там, как близ Новой Земли, еще в 1710 году казак Пермяков доносил о существовании к северу каких-то неведомых островов, и якутский воевода послал к ним Вагина с 11 казаками. В 1810 году промышленник Санников открыл на них русскую могилу с крестом. Чью же? В 1808 и 1820 годах снаряжены были туда еще две экспедиции, и только теперь,

60 лет спустя, предположено окончательное научное исследование, и доктор медицины Бунге находится в Устьянске. Но начальный путь, как и в Новой Земле, указан и здесь смельчаком, простым русским человеком.

Все названные имена мелькали в памяти при приближении нашем к горлу Белого моря, когда, после спокойно проведенной ночи, около 8 ½ часов утра, подле Сосновца — маяка, стоящего на острове, — перешли мы в первый раз полярный круг. О вчерашней хорошей погоде не было и помину. Мелкий холодный дождик шлепал по палубе и по чехлам орудий; зыбь, никогда почти не прекращающаяся в этом месте соединения Белого моря с океаном, давала себя чувствовать очень ясно. Мы миновали Кандалакшский берег, на котором имеются налицо «матушка Турья гора, госпожа Кандалука губа и батюшка Олений рог», и шли в расстоянии трех миль от высокого скалистого Терского берега, по гранитам которого, прибавляя холоду к картине, резко белел снег, спускаясь белыми пятнами и нитями от вершин к самому уровню моря, вырисовывая арабески. Часов около 12 миновали мы Орловский маяк, ясно выделяющийся своею вышиной над морскою пучиной. В 1872 году, в июле, со шхуны «Бакан», привезшей на маяк припасы, спущен был баркас для доставки их на берег; командир Сафонов, очень молодой человек, не внял советам, перегрузил баркас, и все 15 человек с командиром своим погибли вследствие спора течений, достигающих здесь наибольшей силы; спасся на двух веслах один только офицер. Снегу на берегу видели мы довольно, и во мгlistой неясной атмосфере образовывался мираж, поднимавший эти снега над морем, и двигавшиеся невдали от нас поморские шхуны шли, казалось, по земле.

Около 6 часов вечера приближались мы к знаменитому, как самое бурное место, Святому Носу с огромною быстротой. «Забияка» делал 11 узлов в час, а отлив прибавлял еще 4 узла. В Белом море вообще нет покоя, но в горле его идет вечная зыбь, постоянная толчая, и мы выходили в открытый океан под нехорошими предзнаменованиями: барометр падал, самый опасный изо всех ветров, северо-восточный, крепчал; дождь и мгла, туман и облака перепутывались одни с другими самым бессвязным образом, и пасмурность была

так велика, что мы потеряли из виду берег, находившийся от нас не далее двух миль. Святой Нос со своим маяком тоже скрылся, потонул гораздо скорее, чем следовало. Ровно в 8 часов вечера собрались люди опять на молитву: на этот раз она была не пропета, а прочитана, потому что люди могли быть нужны ежеминутно, да и пение было бы нескладно при качке, все более и более усиливавшейся. В кают-компании нашей не раздавалось обычного в вечерние часы пения одного из офицеров и сопровождавшего его хора; его заменяло посвистывание ветра по снастям, пощелкивание той или другой упавшей со стола вещи и внушительные всплески волны, видимо, стремившейся посетить «Забияку», войдя к нему непрошеной поверх бортов. Становилось очень холодно; равновесие в температуре воды и воздуха было полное, термометр показывал в обоих 4°.

В ожидании бури, к которой, видимо, дело шло, любопытно было дать себе отчет в собственных чувствах. Положим, думалось, «Забияка» крепок; несомненно, что офицеры и команда не хуже компаса знают свое дело, а все-таки разве можно поручиться? Вероятно, не во всех путниках одинаково было чувство ожидания, но нельзя было не подметить в себе пробуждения какой-то, если можно так выразиться, отважной заносчивости. Чем сильнее качнет, чем порывистее ударит ветер в борта и рассыплется множеством отдельных голосочков по всяким закоулочкам клипера, тем яснее и яснее становилось чувство: а я все-таки плыву куда хочу, а я все-таки сила и не меньше той, что кругом меня бушует и неистовствует. Желавших лечь спать не было. По странному стечению обстоятельств больных морскою болезнью, кроме укачанной прислуги, тоже почти не было. На Великого Князя качка не действовала вовсе; у некоторых из нас, людей суши, заметны были как бы задумчивые лица, некоторая довольно забавная сосредоточенность. Между матросами, в особенности между молодыми, показались были некоторые симптомы морской болезни, как говорят — очень заразные, но командир, кликнув боцмана, очень внятно и просто сказал ему, чтобы не было больных, и — больных действительно не было. Невидимое начальническое слово оказалось сильнее морской болезни или по крайней мере

поползновений к ней, которые так много способствуют развитию ее на пассажирских пароходах.

Если было когда темное время на нашем пути, так это в ночь с 19 на 20 июня. Мгла висела кругом сырая, полусветлая и все-таки непроглядная по всему широкому горизонту неба и океана. Ярче других, и даже очень ярко, светилось в машине нашего клипера, где в остром серебряном блеске электрического освещения двигались на глубокой глубине, если смотреть с палубы, составные части машины, все эти поршни, рычаги, поблескивая где желтою медью, где белою сталью; по металлическому помосту машинного отделения, перед печью, краснели темные груды черного угля, готового отправиться в печь, и на вымазанных сажей лицах кочегаров лежало то же самое родственное красное отражение. Какая громадная разница: глядеть на море, готовое стать бурным, с его беспорядочными темными волнами, идущими наперебой одна другой, с его серо-свинцовыми красками, с неравномерными посвистами и множеством отдельных вихрей, бестолково хозяйничающих в одном могучем течении НО, и глядеть в правильно действующую могучую машину. Вы стоите наклонившись над нею, смотрите в нее и в тот или другой момент качки чувствуете по вздрагиванию судна, что в него ударила могучая волна; вы ждете, что это вздрагивание, сказавшееся в вас, непременно отразится и на машине. Ничуть не бывало: она бьет тот же неизменный такт; только перебегают отражения огней с одного места на другое, только откатится с угольной кучи который-нибудь из кусков, но тотчас же успокоится и будет продолжать краснеть тем же багровым отблеском, что и его собратья, оставшиеся лежать на месте. Вы смотрите в машину, и она успокаивает вас, прибавляет уверенности.

Не успели мы вступить в океан и ознакомиться с его разыгрывавшеюся зыбью, как подарил он нас другою, очень характерною картиной. Подле самого Святого Носа, около 7 вечера, увидели мы первых китов. Кита не сразу отличишь, если нет к этому привычки или сноровки. Вам говорят: «Вон кит! Смотрите!» — и вы ровно ничего не видите, во-первых, потому что горизонт слишком бесконечен, на нем сразу не уловишь, а во-вторых, киты, эти колоссы Ледовитого океа-

на, так быстры, так юрки, что вы никак этого не ожидаете, и глаз ваш, готовящийся смотреть на нечто довольно грузное, никак не улавливает быстрого. Неправда также и то, как рисуют обыкновенно китов на картинках: на них громадная туша кита виднеется вся поверх воды, а над головой его поднимается сноп воды, падающий наискось в виде фонтана; так говорят картинки; но на самом деле кит мелькает над поверхностью только небольшою частью своего тела — головой, хвостом, спиной, и фонтана он не «пускает», а «брызжет», так что никакой струи в нем вы не отличаете, а видите только брызги, разлетающиеся конусом из одного центра. Может быть, при спокойном море киты лежат на поверхности и пускают фонтанчики, но нам они представились совсем иначе. Быстрота движения китов очень велика и напоминает как нельзя более движение черноморских дельфинов, с тою разницей, что киты не кувыркаются, а дельфины не пускают брызг.

При первом появлении китов увидали мы их штук шесть разом; так как кит, доставленный на китобойный завод, даст около 2 тысяч рублей, то подле нас плавал маленький капиталец. Капиталец этот встретил нас у самого начала пути по Ледовитому океану и доставил красивое зрелище. В нынешнем году, как говорят, — и мы в этом убедились, — киты держатся недалеко от горла Белого моря, и нашим китобойным пароходам, находящимся почти подле границы Норвегии, приходится выезжать за сотню, другую миль.

С полночи NO крепчал все более и более. Помимо тех неприятностей, которые он нам причинял, разрушил он и последнюю надежду попасть на Новую Землю. Опытные люди, специалисты здешних плаваний, сопровождавшие Великого Князя, утверждали, что если еще недавно слаба была надежда пробраться туда, теперь, после этого NO, погаснет она совершенно, потому что нагонит льдов и уставит их по берегам острова плотною массой. Может быть, говорили эти люди, ветер и изменится, но достаточно и теперешнего его бушевания, чтобы быть уверенным в невозможности пути; льды, говорили они, находятся теперь отсюда милях в 300 и при попутном ветре движутся очень быстро. Новая Земля, посещение которой, по-видимому, состояться не могло, остающаяся до сих

пор с восточной стороны своей почти совершенно необследованною, это спасительница нашего Севера; если Гольфстрим, теплое течение от запада, обогнув Норвегию и направляясь вдоль нашего Мурмана к Новой Земле, обуславливает сравнительную мягкость температуры и незамерзание нескольких гаваней, то Новая Земля задерживает движение к нам от НО вечных, колоссальных льдов; не будь ее, очень может быть, что белый медведь существовал бы и в Белом море, а в Петербурге и Москве было бы бесконечно холоднее.

К утру, часам к трем, на клипере сделано было распоряжение «найтовить» орудия, т. е. для прочности прикрепить их особыми добавочными канатами; затем вдоль палубы протянули «леера», веревки, за которые при ходьбе по палубе можно бы было держаться. Это было совершенно необходимо, хотя вследствие найтовки орудий от канатов, протянутых поперек, ходьба была крайне затруднительна, да и вообще особенного удовольствия в ходьбе по наводненной палубе, при пошлепывании с боку на бок, при необходимой в этом случае широкой расстановке ног, не предвиделось. Буря крепчала; кренометр, висевший в рубке штурманского офицера, показывал 30° качки, т. е. 60° в обе стороны, по килю. Было холодно, всего 8°, и сырость пронизывала насквозь. Мгла — так казалось по крайней мере — только сгущалась, а между тем нам необходимо было видеть берег к тому времени, когда мы подойдем к ближайшей цели нашего пути — к Териберской губе, чтобы войти в нее; до сих пор «Забияка» оказывался удивительно точен в своем пути; будет ли он таковым сегодня? Будем ли мы около 8 часов утра подле Териберки?

Непростительно, испытав порядочную бурю в Ледовитом океане, не полюбоваться ею вполне, т. е. не взойти, и не раз, на тот или другой мостик. Палуба скоро пригляделась. Матросы в желтых кожаных куртках, шапках и штанах, таких жестких, что глядеть на них было жестко, были заняты каждый своим делом: поправь то, да прикрепи это, да полезай туда! Эти кожаные куртки на частных пароходах называются «олеофракками», в насмешку, конечно, и надо быть достаточно ловким и сильным, чтобы при лазаньи погнуть как следует упругую, неподатливую желтую кожу. Зато защищала эта кожа отлично от соленой воды, перемаживавшей из-за бортов на

палубу, а также и от той, что подливалась снизу из так называемых «шпигатов», этих отверстий, хорошо всем знакомых, расположенных по краям палубы для стока воды. Очень интересно было видеть, как при сильном накренинии клипера океанская вода, бурля будто в котле, проникала в шпигаты ключом и тотчас же разливалась по палубе, чтоб убраться туда же, откуда пришла. Эти посещения волны снизу и разливы ее были бы равномерны, если бы не неожиданные притоки воды через борт в большем или меньшем, но совершенно неожиданном и разнообразном количестве. Эта вода сверху попадала незаконнейшим образом то за шею человека, то в рукава, и составляла, если можно так выразиться, самую неприятную особенность бури при 3° тепла в воде.

Вид с мостика на океан был чудесен. Необозримыми легионами двигались громадные волны все в ту же сторону, что и «Забияка», как бы нагоняя и подгоняя его. Здесь, на мостике, высоко над палубой, чувствительнее были размахи качки, и можно было наблюдать, сколько сажен по всяким кривым выписывали в воздухе вершинки наших мачт. Кто не знает, кто не слышал, что существует так называемый девятый вал, гораздо более крупный, чем все остальные. Может быть, это и так, может быть, это подтверждает и наука, но простому, ненаучному наблюдателю это кажется немного иначе. Самые судорожные, самые неожиданные вздрагивания и колебания, захватывающие дух, испытывает судно вовсе не от видимой волны. Если вы смотрите на эти надвигающиеся, изредка перебитые шеренги их, вы приблизительно верно определяете, в какую сторону и насколько накренил вас. Но вот, совершенно неожиданно, без всякого предупреждения, на полпути уже совершающегося накрениния в одну сторону качнет вас с титанической силой в другую, вы как будто куда-то глубоко опуститесь и как-то очень высоко подниметесь, вас повалит вбок, вас как бы потянет опрокинуться. Нет никакого сомнения в том, что это сделала волна, но отнюдь не та, видимая, хотя бы и девятая, а какая-то другая, идущая глубоко под волнами, какое-то суммирование этих волн, сила, не имеющая вида, очертания, имени, но бесконечно большая всех остальных!

Был 7-й час утра, когда на мостике заметно стало особенно много начальственного персонала. Дело заключалось

в том, что по расчету мы должны были находиться недалеко от входа в Териберскую губу; надо было распознать, отличить вход в нее. Это было нелегко по многим причинам. Во-первых, сам Мурманский берег в этих местах настолько однообразен скалистыми своими очертаниями, что и в светлый день вход в бухту особенно резкими признаками не отличается. Во-вторых, туманная мгла, завеса дождя, облегла берег серою, сомнительною теменью; идти к берегу ближе 1½–2 миль при ветре, сильно наваливавшем к нему, было опасно, а на этом расстоянии от очертаний Мурмана виднелись как бы клочья, то и дело задвигавшиеся туманом и вновь открывавшиеся. Вдали, сквозь туман, местами прорывавшийся, двигались перед глазами будто какие-то осколки, тряпки берега. За долгий путь наш, благодаря этой завесе тумана, мы мало что видели от Мурманского берега; надо надеяться, что на обратном пути мы ознакомимся с ним больше и декорация его протянется пред нами с желательною ясностью. К счастью для нас, расчет и на этот раз оказался совершенно верен, и «Забияка», несмотря на бурю, привел нас к желаемой бухте точь-в-точь. Из-за мглы, тумана и дождя заметно было на берегу какое-то будто бы углубление общего фасада скал: это именно и была Териберская бухта, и мы повернули к ней. Териберка — одна из лучших, но небольших бухт нашего Поморья и была нам совершенно приятна именно теперь, потому что она, будучи почти открытою северо-западному ветру, отлично защищена от северо-восточного, подгонявшего нас, отвесными скалами, поднимающимися с этой ее стороны и называемыми здесь, подле этой губы, «Волчками». А зайти в бухту было своевременно; ветер крепчал, и кренометр показывал уже не 30°, а 35° наклона; команда была утомлена; большею частью все мы продрогли и промокли, да и качки натерпелись достаточно, можно было отдохнуть. В шанечном журнале всякому ветру, а тем более буре, выставляются баллы. Той, которая потрепала нас, поставлено 9; должно быть, 12 баллов не ставят никогда, потому что судно погибает. Мы входили в Териберскую губу в 10-м часу утра. Здесь почти конец нашего Поморья, т. е. той окраины, возвращаясь от которой, поморы «идут в Русь».

Териберская губа

Вход в Териберскую губу. Путь промышленников на Мурман. Очерк трескового промысла. Шняка. Артель. Ярус. Заготовка трески. Осмотр поселения. Церковь. Зуйки. Санитарная часть побережья. Обход факторий, колоний и становищ. Значение рыбы мойвы. Морозники. Общество «Рыбак». Соляное дело в Поморье.

Отрадно выйти из-под шторма и очутиться вдруг в царстве успокоения. Еще приятнее — и в этом последнем чувстве есть даже некоторое злорадство — слышать, как гудит и мечется этот шторм за вами, словно рычит, сердится, что вы ушли из-под него, рычит, вас не касаясь; в погоню за вами долетают только какие-то клочья вихрей, которые кажутся вам сладкими дуновениями зефира — так они приятны. Вход в Териберку довольно широк; справа скалы отступают назад, словно птясь от моря; они невысоки и вовсе не задвигают вида на него, так что от западного ветра тут защиты нет; зато слева от северо-востока мы тотчас же заслонились темною завесью сумрачных высоких гранитных скал. «Забияка», входя, держался середины пролива; вправо, по довольно далекому, отступившим назад от общей линии побережья, изможженным глыбам, в черные непроглядные щели их, на совершенно лысые, округленные лбы, со всей мощью ударила океанская волна, вкатываясь высоко, и едва-едва имела время сбежать вниз, так как за нею шла новая волна, и эта опять лезла, подбирая, подлизывая остатки прежней, и скатывалась сама, подбираемая третьей. Глядя на эту гигантскую толчею, легко было представить себе, во что должно обратиться любое судно, выброшенное в такую погоду на такие пенящиеся подушки. Тут не могло бы быть никакого вопроса о каком бы то ни было сохранении судна, оно меньше чем в несколько часов было бы разбито в щепы.

А что бы было с людьми! А наши поморы живут и зарабатывают свой хлеб в большинстве случаев в подобных или

вблизи подобных усложнений природы, и у них в распоряжении не «Забияка», а утлые суденышки, не компасы и штурманы, а привычка, сметка, чутье.

Скала левой стороны слегка поблескивала по всем выступам и жилам своим струйками дождя; местами светились узкими полосками временно проявившиеся водопады. Белыми пятнами выдавались неподвижные потоки птичьего помета от тех выступов скалы, на которых по бархатистым, пухлым подушечкам мхов гнездились в огромном количестве морские птицы. Они только что вывели детенышей и от поры до времени слетали с гнезд. Тут был и черный баклан, и такой же черный чистик, и целые семьи серых и белых чаек и гагар; баклан тянул прямо, чайка кружила; замечались, впрочем, философы-птицы, остававшиеся сидеть на местах.

Мы бросили якорь на шести саженях глубины, верстах в трех от поселения, видневшегося в глубине бухты и раскинувшегося на гладком наносе песков, скопившихся за сотни лет усилиями впадающей здесь речки Териберки. Сквозь дождь и туман довольно большое поселение обозначалось не совсем ясно; заметнее других была небольшая новая церковка и домик, занятый больницей санитарного отряда Архангельского благотворительного общества, под белым флагом с красным крестом. Бухта, кругловатая по плану, очень невелика, имеет около 40 саженей глубины и, как кажется, одну только песчаную банку, на которой мы и бросили якорь: она представляется как бы чашей, бока которой состоят из скал 300–400 футов вышины, почти совершенно лишенных растительности; только к северо-западу и к океану понижаются они, будто один край этой чаши был когда-то кем-то сломан, разрушен и дал просвет, чтобы открыть свободный доступ северо-западному ветру. Скалы сквозь дождь и туман виднелись не особенно яркими грифельного цвета очертаниями, по которым тут и там нависали временные водопадики. На одной из них, в самой глубине залива и почти подле вершины ее, поразило нас явление, оставшееся необъясненным: из земли, или, лучше, из скалы, поднимался значительный сноп водяных брызг, клонившихся султанчиком по воле ветра в ту или другую сторону. Заметил его один из нас,

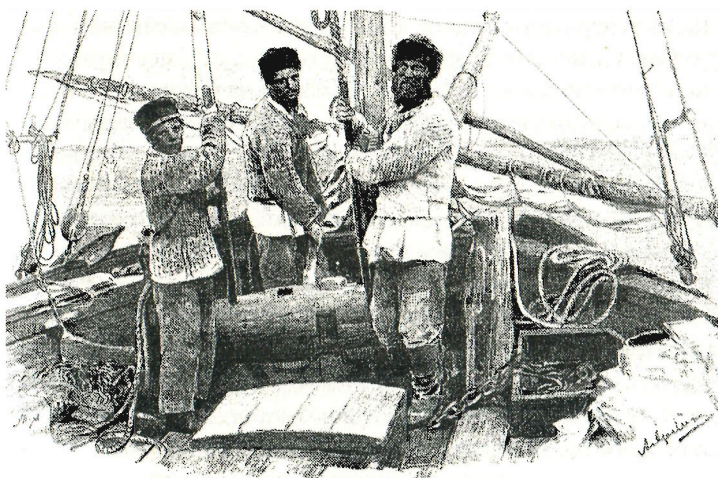
сообщил другому, третьему; пошли в ход бинокли, и присутствие этого явления не подлежало никакому сомнению. Подобные выходы воды из почвы случалось видеть в Швейцарии при очень сильных дождях, но только в самой глубокой долине; палка, воткнутая в землю и вынутая из нее, давала свободу и место довольно высокому фонтанчику; здесь явление это замечалось на вершине горы, на скале, и чем могло оно обусловиться — объяснить трудно.

Прилив начался в Териберке в 11 часов, и для съезда на берег надо было соображаться с ним, так как обмеление подле самого поселения значительно. Около 4 часов пополудни Его Высочество на вельботе близился к песчаному наносу, к поселению. Серым тонам неба и воды и завешанных туманом и дождем скал вполне соответствовал вид берега и людей, собравшихся на нем. Это был в полном смысле слова негатив того, что мы видели в Кемии. Там — солнце, тишина, женщины, пестрота и блеск нарядов, тут — именно мужчины, которые уходят от своих жен на промыслы, их сермяжные одежды, их темные различнейших фасонов шапки, сапоги, лапти, босые ноги, серая непогода и порывистые вихри. Когда мы приблизились настолько, что ясен был звон очень небольшого колокола маленькой церкви, скорее — избы; выяснилась другая старая церковка и слышалось звучащее и тут «ура». Нельзя было не обратить внимания на значительное количество мальчишек-подростков лет 10–15: это так называемые «зуйки», существенно важные участники промыслов. Так как здесь, в Териберке, мы находимся в районе главного и существеннейшего промысла Поморья, трески, то и обрисуем в общих чертах, как и чем этот промысел производится. Его Высочеству очень хорошо знакомы были как его производство, так и условия, потому что в каютах Великого Князя на столах постоянно виднелись книги и брошюры, касавшиеся Поморья, включительно до последней появившейся в продаже в Петербурге за день до отъезда: «Мурман и его промыслы» Кушелева. Вот общие основания промысла.

В начале марта, задолго до того, пока прилетает в Соловки первая чайка, когда еще вполне сильны мартовские морозы в Петербурге и мы, столичные жители, собираемся кончать

наши театральные и другие сезоны, по белым саванам нашего Севера, по мерзлым тундрам и озерам, не имеющим дорог, пользуясь для ночлега редким лопарским чумом или простым навесом на бревешках, воткнутых неизвестным добрым чело- веком, на том же основании, на каком в степях Аравии вырыт колодезь, тянутся из волостей Архангельской и ближней Оло- нецкой губернии к поморью промысловые люди, так назы- ваемые «покручники». Они законтрактованы еще с осени в Архангельске, на Маргаритинской ярмарке, своими хозяе- вами: они в долгу у них, потому что забрали деньги вперед, они идут на отработку с тем, чтобы повторить в будущем году то же самое: тот же снежный путь в глубокую зиму и ту же отработ- ку. Где пешком, где на оленях, довольствуясь в качестве пищи почти исключительно тронутую гниением треской, двигают- ся эти темные люди, не имеющие полей, к великому, насажда- емому Богом полю своему, к Ледовитому океану. Для люби- теля мрачных красок было бы где разойтись при описании этого стихийного движения покручников, по белому савану, сквозь длинные-длинные ночи, в свете полярных сияний, по еле видимым, постоянно заносимым буранами тропочкам. Для полной законченности картины следует сказать, что так назы- ваемые «становища», жилища, рассеянные по Мурману, принад- лежащие тому или другому хозяину, к которым покручники приходят после описанного пути и где живут летом на бере- гу, между одним уловом и другим, это настоящие гноилища; нары узки, стары, грязны; десятки людей дышат тут воздухом каких-нибудь двадцати кубических саженой, а цинга, скор- бут и горячки свили себе гнезда самого вопиющего характе- ра. Эти гноилища, остающиеся на зиму пустыми или пору- чаемые наблюдению наемного лопаря, населяются с марта месяца народом, первою обязанностью которого при появле- нии на месте должна быть очистка становищ от снега и задел- ка пробуравленных зимними выюгами дыр.

Его Высочество заходил в подобные становища, стано- вился лицом к лицу с этим воздухом и не раз расспрашивал людей об их местном житье-бытье. Уже самое посещение Великим Князем становища ослабляет темень нарисован- ной картины, но для правильного уразумения дела следу- ет сказать тут же, что со стороны правительства за послед-

На шняке. Зук, тяглец и весельщик

ние годы сделано многое для изменения ее к лучшему. Мы только напомним здесь о некотором уже состоявшемся урегулировании медицинской помощи, в чем главным деятелем является Архангельское общество Красного Креста; но мы должны отметить и другой факт громадной важности, принадлежащий всецело почину правительства, ближайшим образом со стороны Министерства государственных имуществ. Весь мрак картины, обрисованной нами, ложится на простого рабочего, на покручника; световые проблески оставались на стороне хозяина. Мало что помешает теперь работнику-покручнику преобразиться в хозяина: в 1883 году распространен льготный отпуск леса для постройки судов всем жителям Архангельской губернии. Это распоряжение имеет величайшее значение для края, и если бы оно было облегчено, как об этом заявлено в целом ряде комиссий, некоторым кредитом, то судьбы поморов преобразились бы непременно. Преобразиться покручнику-работнику в хозяина тем легче, что искони веков весь поморский промысел стоит и держится на артельном начале. Артель у поморов имеет такое же историческое, стихийное значение, как земельная община в земледельческой России, и не хватает только очень немногих, очень недорогих, очень ясных пра-

вительственных распоряжений, чтобы осчастливить этот славный, смелый, работающий народ.

Что касается возможного облегчения мартовского пути на Мурман наших промышленников, то на первое время можно было бы устроить только три постоянные двора: один между Кандалакшей и Расте-Наволоком, другой в Расте-Наволоке, третий между ним и Колой. Это стоило бы недорого, а помощь была бы великая, потому что таким образом промышленники приходили бы к поморью здоровыми, не принося задатков простудных и горячечных болезней, схваченных в пути, как это зачастую бывает теперь. Все равно, будут ли дворы эти построены в виде больших корчем или составятся из ряда менее значительных построек, но, главное, должен существовать приют, в котором можно бы было отдохнуть и спастись от непогоды. Много свирепствует тут цинга: заболевающих ею местных людей начинают мять, колотить, таскать. «Коли, значит, цинги ты боишься, больше смейся, больше бегай, шевелись — не пристанет», — говорит помор.

Однако — к самому промыслу. Когда поморы уже на местах, становища обитаемы и снасти изготовлены и починены, а море открылось, на сцену выступает самый лов, и прежде всего классическая поморская шняка. Это судно в 6–7 сажений длины и только сажень с вершком ширины; оно может поднять никак не более 200 пудов, совершенно открыто и очень легко заливается океанскою волной. На нем две мачты, и когда поставлены все весьма широкие паруса, то шняка имеет вид даже довольно прочный и скользит по морю с великою самоуверенностью. Об этой самоуверенности следовало бы расспросить тех поморов, что погибают ежегодно, а товарищи их все-таки идут на промыслы и на такой же шняке. Суденышко имеет свои отделения: чердак, гребло, кладь; в одном лежат рыболовные снасти, в другом — наживка, в третьем — уловленная рыба и т. д.

Насколько неизменна в своих очертаниях шняка, настолько же прочен в своем составе экипаж ее; промысловая шнячная артель состоит из стольких человек, сколько необходимо для управления шнякой и производства лова, а именно из четырех покручников: кормщика, тяглеца, на обязанности которого, главным образом, лежит выбрасывание в море

и сбор снасти; весельщика, помогающего, при свободе от собственного прямого дела, всем остальным, и наконец наживочника — зуйка, малолетка, обязанного наживлять крючки; огромное количество этих зуйков бросилось нам в глаза при приближении нашем к Териберскому поселению; это те подростки, из которых вырабатывается бесстрашный помор. Все участники лова называются «покручниками» и работают не за деньги, а получают одну треть улова, при готовых харчах и содержании. Лучшим мерилom того, что может остаться покручнику в конце лета, может служить то, что хозяева кредитуют им до 100 рублей, с небольшими изменениями. Идея артели, давность ее существования, хороша; но применение к делу требовало бы улучшений. Заметим только, что для того, чтобы новому хозяину «поднять» промысел с одною шнякой, считая стоимость ее рыболовных снастей, устройство становища на берегу, выдачу задатков покручникам и заготовление припасов, необходимо около 900 рублей; выход на промысел со старою шнякой и старою снастью обходится около 600 рублей.

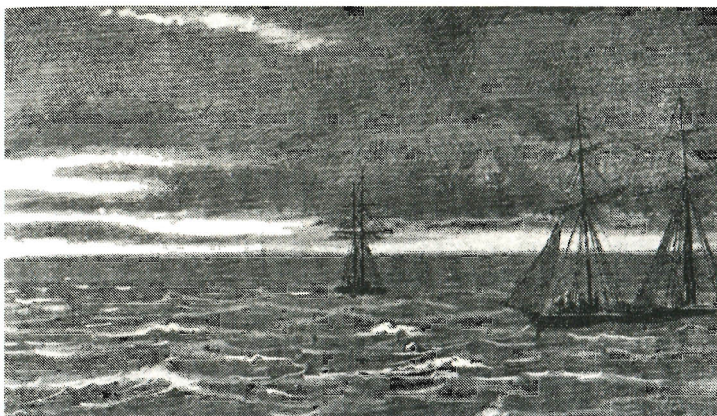
Главное орудие лова трески — это так называемый «ярус», имеющий нередко поистине океанские размеры, а именно до 12 верст длины. Ярус — это нечто вроде хорошо известных нашим рыболовам-дилетантам переметов. Главная нить, главная направляющая яруса — та именно, что достигает 12 верст длины, это пеньковая бечева, состоящая из «стоянок» от 40 до 60 сажений длины каждая; если связать три стоянки, то получается то, что называется «тюком» в 150–180 сажений длины. Для того, чтобы получить двенадцативерстную длину, нужно, следовательно, около 40 тюков. Вдоль этих связанных стоянок прикреплены в расстоянии $1\frac{1}{2}$ сажений одна от другой так называемые «оростяги», тонкие, крученые бечевки около двух аршин длины, и к каждой из них привязан крючок с наживкой; на каждой стоянке имеется, следовательно, около 100–120 крючков; на 12-верстном ярусе их от 12 000 до 14 000.

Когда приготовленный ярус закинут в океан, то картина представляется так: на одном конце яруса плавает на поверхности воды «кубас», или буюк, у каждого из промышленников для отличия имеющий свои особые значки; от кубаса вглубь

океана идет бечева до 200 саженей глубины, и на ней якорь. От этого кубаса вытягивается ярус по океану, местами под-держиваемый другими кубасами, поплавками, по направлению, избранному кормчим. 14 000 крючков, наживленных рыбкой мойвой, о которой как о предмете очень важном поговорим вслед за этим, или песчанкой, или червем, или, наконец, если нет лучшего, кусками свежей трески, качаются в воде один подле другого, на всем протяжении яруса, ожидая прихода трески; на другом крайнем конце яруса, тоже якорь, тоже кубас, и к нему-то привязывается сама шняка, в которой после долгого труда засыпают промышленники, выжидая время уборки яруса, то есть около 6 часов времени, что соответствует одной полной воде; это время стоянки называется «лежей». Затем следует уборка яруса и возвращение с добычей домой. В непогоду в течение недели ярус можно выкинуть не более двух раз — так тяжела эта работа.

Не угодно ли кому-либо сообразить все количество труда, все великое умение и смелость, которые необходимы, чтобы произвести всю очерченную операцию! Легко ли на шняке, имеющей с небольшим сажень шириной, наживить 14 000 крючков и выкинуть ярус, так чтоб он не перепутался крючками и каждая из оростяг висела по назначению! Не угодно ли принять во внимание почти вечное крутое волнение океана, мешающее всему этому, весенний и осенний холод, обмораживающий и обледеняющий руки; необходимость так же бережно убрать ярус, как его ставили (иначе с ним не распутаться)! Прибытие к становищу — это начало новой работы: приведение в порядок яруса и немедленная заготовка уловленной трески, немедленная, потому что иначе вся она погибнет. А сколько случаев, что непогода помешает кончить улов, что шквал сорвет со стоянки шняку, что акулы, падкие до трески, пожрут часть улова или — что еще хуже — перепутают ярус.

Вторая работа, заготовка трески, по прибытии на берег очень кропотлива. Треска, только что пойманная, рыба очень некрасивая, с большою головой, большим прожорливым брюхом и какого-то зеленовато-черного, неприятного цвета; это не те изящные серебряные сиги, лососи и семги, которые уже по одному виду своему аппетитны. Работа начинается с того, что тяглец отрубает рыбе голову, кормщик распла-

Стоянка шняки после постановки яруса

стывает ее и разворачивает, так что на одной стороне ее остается хребетная кость, и вручает внутренности наживочнику, который отделяет от них самую дорогую часть — печень, или «максу», материал, служащий для изготовления известного рыбьего жира, а остальное кидается в море. Еще недавно головы трески тоже выкидывались в море; теперь собирают их и сушат для продажи норвежцам, вырабатывающим из них отличное гуано; головы эти составляют собственность покручников и покупаются у них хозяевами по 15–20 копеек за сотню; осенью, высушенные, они продаются хозяевами норвежцам уже значительно дороже. Может быть, что время и добрые люди научат когда-нибудь поморов не выкидывать в море питательных внутренностей трески, тоже способных на переработку в отличное удобрение. Еще недавно, как сказано, выкидывались головы трески; еще недавно на одном из двух наших китобойных заводов пользовались только китовым жиром, китовым усом и китовым ухом — последним для очень характерных пепельниц, — а остальную тушу кита, представляющую огромную ценность, бросали в море. Это кажется невероятным, но это так.

Дальнейшая операция с треской, как она производится на Мурмане, тоже очень назидательна. После навески рыбы, произведенной для того, чтоб артели знать, кто сколько получа-

ет, треску, сильно загрязнившуюся при этой навеске, необмытую, окровавленную, укладывают или под тщедушные навесы, или прямо на судно, принимающее треску для дальнейшего препровождения, рядами, один поперек другого, и чуть-чуть просаливают ее. Это «чуть-чуть» соли и сохранение в распластанной треске хребтовой кости, способствующей гниению, обуславливают низкую стоимость нашей русской трески на рынке и тот убийственный запах ее, репутация которого общеизвестна. Если скупость на соль еще имеет какие-либо причины, довольно основательные впрочем, а именно недостаток в соли, недостаток легко устранимый, то сохранение хребтовой кости — это полнейшее вполне детское самообманывание промышленников: хребтовая кость, это правда, придает треске больше весу, но зато понижает ее стоимость несравненно больше. Помимо соления трески, весьма дурного, как мы сказали, на Мурмане ее еще и сушат, вывешивая разделенную надвое рыбу на длинные жерди, так называемые «палтуха», лежащие на козлах, именуемых «елунцами». В Норвегии в большом ходу своеобразные приготовления трески, известные под именами «лабардана», «штокфиша» и др., имеющие хороший сбыт, но наш Мурман предпочитает оставаться при завещанной предками простоте прежнего времени.

Когда вельбот Великого Князя подошел к песчаной косе, на которой расположено поселение, из-за густой темной толпы на берегу виднелись далеко кругом палтуха и елуницы; были вытянуты по кольям и разостланы по песку различные сети; подле невысоких избенок вдоль изгородей, под крышами, на крышах виднелась треска; ярко, ярко обозначался на сером фоне скал и непогоды белый флаг с красным крестом над больницей. Колокол церкви тихонько звонил.

Сойдя на берег, Великий Князь направился прямо в церковь; это нечто вроде выбеленной избы, и в ней небольшая комната с сенями; иконостас очень мал и беден, и на нем едва ли найдется десяток образов; маленький купол-колокольня отличает церковь в длинном ряду сереньких, низеньких изб, разбросанных по пескам, отчасти обросшим травой. Церковь построена немного поодаль от жилых строений: направляясь к ней, приходилось то и дело цепляться за разостланные по песку сети, что для людей, носящих шпоры, было особенно

неудобно. Так как Териберка густо населяется летом, а зимуют в ней только несколько семейств, то и священник приезжает сюда исключительно на летние месяцы. Едва ли мы ошибемся, сказав, что из всех православных храмов России эта церковка самая бедная, самая сиротная.

Из церкви Его Высочество прошел в больницу. Еще недавно на всем Мурмане медицинской помощи не было никакой, если не считать двух-трех фельдшеров, терявшихся со своими великими научными познаниями в бесконечных пространствах побережья! До 1860 года не командировали даже и фельдшеров; в 1883 году выработан и утвержден главным управлением Общества Красного Креста проект устройства временных, подвижных лазаретов и приемных покоев Архангельского общества Красного Креста на Мурманском берегу. Великого Князя на пороге больницы встретил врач. Больница невелика, но устроена чисто; при ней находятся две сестры Холмогорского женского монастыря, посещенного нами недавно; больных при нас было только пять человек. Всех временных больниц в настоящее время на Мурмане четыре: Териберка, Цыпь-Наволок, Семь Островов и Киберка; всех больных к 20 июня, дню посещения Его Высочества, перебивало 60 человек.

В Териберке скопляется народу больше, чем в других местах. Нынешним летом тут 460 человек, из них 175 зуйков, в том числе несколько женщин, не желающих покидать своих мужей. Ловят эти люди на 141 судне, станов у них 20; постоянно живут здесь 58 человек русских колонистов, или 13 семейств; они имеют жилых строений 11, рогатого скота 3, овец 20, оленей, пасущихся зимой по соседству, а летом уходящих дальше, 30 штук. Кроме трескового промысла, тут ловят в заливах и губе семгу и пользуются половиной семужьих угодий по реке Териберке; другая половина принадлежит лопарям Кильдинского погоста. По реке есть и сено, и дрова; попадают и пушные звери.

Териберка замечательна тем, что это одновременно фактория, колония и становище. Факториями зовут по Мурману места, в которых имеется какая-либо торговля, главным образом рыболовными принадлежностями и припасами; колониями — постоянные, оседлые поселения,

пользующиеся некоторыми законом определенными льготами, и, наконец, становищами — места причалов и летних поселений промышленников, разбросанные в разных местах. В Териберке две фактории; в одну из них Великий Князь заходил и внимательно рассматривал товары, осведомился о сравнительной ценности наших русских и иностранных веревок, бечевек, крючков; несомненно, что наши русские товары, при большем внимании людей, близких к делу, легко могли бы окончательно вытеснить иностранные: канатные фабрики, хотя бы и Журавлевская, осмотренная нами в Рыбинске, способны потягаться в изделиях из родной нам пеньки с кем угодно; наше русское железо и его работники — если вспомнить знаменитую «блоху тульских оружейников» — едва ли отстанут от кого бы то ни было в изготовлении простых крючков. Торговые обороты териберских фактористов достаточно велики: одного до 17 000 руб., другого до 60 000 руб. Торгуют в Териберке кроме них еще двое. Это конкуренция, если хотите, но желательно было бы, чтобы на предметы такой безусловной необходимости для трескового промысла, как, например, соль, конкурентом была казна. И сделать это вовсе не трудно.

Осмотр Териберки представлял высокий интерес. Мы ходили все время в запахе трески, цеплялись за сети; длинными гирляндами висели повсюду тресковые головы, треска, вязига. Зуйки, будущие поморы, шмыгали под ногами самым бесцеремонным образом. Нельзя было не обратить внимания на грязь тех чанов, в которых хранится дорогой тресковый жир. Эта грязь — причина того, что петербургские дрогисты платят за пуд норвежского жира, чистого, светлого, от 24 до 30 рублей, за наш же родной мурманский — только 8 рублей. Что теряем мы на одной этой грязи — и сообразить трудно. У обоих фактористов Териберки имеется по одному заводу с паровыми машинами для приготовления этого жира.

Годовой улов трески по Мурманскому берегу достигает только 600 000 пудов; легко могло бы быть вдесятеро; на последней Маргаритинской ярмарке в Архангельске треска шла — соленая от 1 рубля 20 копеек до 1 рубля 50 копеек за пуд, сушеная около 3 рублей 80 копеек. Обидно

сознаться, что на этой ярмарке норвежской трески продается до 860 000 пудов, нашей только 250 000, а между тем не надо забывать, что наши северные губернии живут треской, заменяющей хлеб. Специфический запах трески в крестьянских домах начинает преследовать вас чуть ли не от слияния Сухоны с Югом; линия его распространения очень точно определяется линией недозревания ржи; громаден сбыт трески в Петербург, Москву, на Поволжье, и везде, решительно везде предшествует нашей норвежская треска. Трудно представить себе, как замечательно вкусна треска свежая; она не выдерживает, впрочем, и нескольких часов пути, но способна в руках хорошего повара дать тончайшие гастрономические блюда; один из вкусивших ее рискнул даже сравнением плотности трескового мяса с плотностью ваты; это смело, но, пожалуй, небезосновательно; очень хороша и свежепросоленная треска, нам довелось отведать и эту.

Кроме добычи ярусами треска добывается поморами и на «поддев» — на удочку. Этот способ улова составляет немаловажную статью заработков на побережье, во многих местах единственную, тоже очень прибыльную и не зависящую от погоды и даже от времени года. Но нельзя не остановиться в заключение очерка трескового промысла, составляющего, бесспорно, крупнейшую хозяйственную единицу нашего Поморья, крупнейшую наряду с такими крупными промыслами, как китобойный, сельдяной, семужий и звериный, на возникшем в самое недавнее время обществе «Рыбак», имеющем в виду исключительно тресковый промысел. Общество это взяло базисом своих операций факторию в корабельной бухте, и еще до 1882 года введены им в мурманский промысел две существенные новинки: «морозники» для сохранения мойвы и «кошельковый невод» для ее ловли, успешно заменяющий не особенно пригодные в данном случае простые невода.

Рыбешка мойва, весьма схожая с крупною корюшкой или небольшою сельдью, — рыбешка, имя которой в столицах наших даже неизвестно, составляет, так сказать, основание главных промыслов нашего Поморья. Если, как было сказано, линией недозревания ржи определяется линия распространения по России трески как главного предмета пищи, то дви-

жением, передвижением и количеством мойвы определяется весь заработок помора. Нет мойвы — нет улова; где мойва — там и треска, и кит, и многие другие из вкусных и доходных обитателей океана; все остальные наживки — только паллиативы, в мойве вся суть. От давних времен существовали так называемые мойвенные артели, на обязанности которых лежало и лежит ловить исключительно ее, и только тогда, когда артели эти исполнили свое дело, могут покручники выезжать на промыслы. Есть излюбленные мойвой места, есть особенно богатые ею месяцы. Но наловить ее еще не значит сохранить и обеспечить на все лето. В числе многих чудес земли Русской встречаемся мы здесь с чудом совершенно поразительным: там, где в июле месяце можно вволю гулять по снегу, нет и не было никогда «морозников», ледников для сохранения безусловно необходимой мойвы! Ко времени нашего посещения Териберки промышленники уже не имели мойвы и должны были ограничиваться песчанкой. Возникшее общество «Рыбак» уже в нынешнем году получило известную долю пользы от продажи мороженой мойвы нашим поморам. Это одно из нововведений «Рыбака», но есть и другое. Дело в том, что общество это построило и орудует американскою промысловою шхуной. Шхуна, и это первая ее выгода, так велика, что она одновременно и жилище поморов, и промысловое судно, и склад уловленной рыбы; при шхуне имеется шесть плоскодонных лодок, так называемых дорий; на ней есть морозник для хранения мойвы; шхуна совершенно вольна направиться к тому месту, где стоят густые тресковые юры; здесь спускает она свои лодки, с которых по радиусам от шхуны и производится лов: один человек гребет, другой выпускает небольшой бумажный осмоленный навернутый на кадушку ярус. В случае непогоды шхуна подбирает лодки; при передвижении тресковых юров она их преследует; ей незачем возвращаться к берегу, как нашей поморской шняке, не могущей нести более 200 пудов наловленной рыбы. Само собою разумеется, что постройка такого рыболовного аппарата требует значительной затраты капитала, но и между хозяевами шняк есть люди состоятельные, и орудовать вскладчину для нас дело не диковинное. Пример показан обществом «Рыбак». Что же касается устройства на Мурмане «морозников», то это

дело до такой степени простое, наглядное, необходимое, что несуществование их должно быть отнесено к чудесам земли Русской, о которых и любопытно, и полезно иногда поговорить. Общество «Рыбак», еще до времени нашего прибытия, уже отправило в Петербург свой пароход «Мурман» с наловленной нынешним летом треской. Если не ошибаемся, у него две промысловые яхты, американская и шведская, и пароходик «Мойва», назначенный для хранения и продажи летом замороженной наживки.

Мы говорили выше о недостатке соли, недостатке, который чувствуется по всему нашему Поморью; это явление довольно странное. По имеющимся сведениям, еще в начале нынешнего столетия в Архангельской губернии добывалось до 200 000 пудов соли; она была недоброкачественна, и это обусловило то, что в настоящее время на Мурман привозят иностранной соли до 300 000 пудов, и прежде всего страдают от этого беднейшие поморы. Между тем, по официальному исследованию Ненокских соляных источников и местных варниц, оказывается, что все дело в простом улучшении техники работы; о нем не заботятся, наша соль не улучшается и волей-неволей уступает место иностранной. Если успешно пойдут дела общества «Рыбак», так это именно потому, что оно занялось улучшением техники лова; то же и с солью: стоит улучшить варницы, не пожалев капитала, и тогда солеварам не придется возлагать надежды только на то, что правительство избавит нашу соль от иностранной конкуренции возвышением пошлины. В настоящее время добыча на нашем Севере соли не превышает 40–50 тысяч пудов.

По окончании осмотра Териберки, к вечеру, Великий Князь, сопровождаемый толпой, отправился к вельботу. Погода продолжала стоять ветряною, серою, но шторм видимо слабел. Океанский взводень забегал в залив своими крайними, ослабленными вздохами, и вельбот приятно покачивался по волнам. По возвращении на клипер мы немедленно осведомились о состоянии барометра; он быстро подвигался, и явилась надежда, что на завтра, для посещения китобойного завода, день глянет ясный, и мы наконец увидим Мурман.

От Териберки к Ар-губе

Вид Мурмана в солнечный день. Западная часть его. Характер скал. Гольфстрем. Характерный остров Кильдин. Мир пернатых. Охотничьи рассказы. Иностранцы. Прибытие к китобойному заводу.

Июня 21-го был яркий, горячий день. Около 8 часов утра мы снимаемся с якоря и оставляем Териберскую бухту. По выходе в океан «Забияка» взял курс на запад к границе Норвегии, в обход острова Кильдина. Мы направлялись к самому северному, к самому далекому пункту нашего плавания — к Арской губе, так что Кола, в которую мы заедем на обратном пути, самый северный город России, останется от нас к югу с лишком на $\frac{1}{2}$ градуса широты. Ветра нет почти никакого, но зыбь все-таки велика; куда девались и темень, и туман, и могучие порывы шторма; кажется, им и места не могло быть в этой безупречной лазури неба, над светящейся волной океана, над розовыми очертаниями мурманских скал. Можно ли было предполагать, что эти изможденные скалы тоже умеют быть розовыми?

А Ледовитый океан при ярком солнечном свете обладает богатыми красками; разрезаемая клипером вода цвета зеленого, выступающего с особенною яркостью, благодаря безупречной белизне пены, расстилающейся по ней кружевом: дальше, там, где, по-видимому, волн больше, где они пестрят своими несчетными гребнями, становящимися за далью как бы малыми гребешками, и, наконец, исчезают, эта искрящаяся зелень переходит в глубокую синь, в сильнейший аквамарин. На самом горизонте, на севере, этот аквамарин сгущается в одну могучую бархатную черту, проведенную гигантскою рукой живописца, как бы сказавшего этим: «Тут небо, тут водное пространство; никогда им не смешиваться!» — и голубое небо, как оно ни лазурно, не переходит заветной бархат-

ной черты глубочайшей сини водной пучины, способной, как люди, на страсти, на страдания и на великие радости.

Хотя ветра не было почти никакого, но зыбь в океане, как мы сказали, ходила отнюдь не слабее вчерашней. Не скоро улегаются взводни Ледовитого океана; целыми днями длятся они, когда причина их — ветер — давно уже прекратилась. Та же самая высота волн, то же почти широкое раскачивание «Забияки», только не льет вода через борт, не клубится она в шпигаты, и если злобствовали волны вчера, сегодня они с нами только заигрывают, так да не так. Вчера все было пасмурно, сыро, серо, все рокотало, свистело, было холодно; сегодня все лазурно, волна ласкает своим шумом, не пробуравливаемая вихрями, и солнце ярко, и вам тепло.

А берег? А Мурманский берег? Он был весь перед нами, вытянутый в бесконечность в самой красивой его части. Если про какие-либо скалы в мире можно сказать, что они похожи на остовы, скелеты, так это про Мурман. Они в очертаниях своих костлявы и жилисты, и жилы эти как будто служили когда-то путями какой-то жизни и остались следами погасших геологических процессов от тех дней, когда камни еще двигались и совершали свои странствия. Берег этот, иззубренный, продырявленный, выдвинутый со дна океана, с великой глубины, гол совершенно; граниты и гнейсы обнажены вполне, потому что при этих колоссальных размерах пейзажа ни во что нейдут, конечно, всякие мхи, обильно и цепко растущие повсюду, равно как чрезвычайно миловидная розовыми цветочками своими мелкая вороница и, наконец, березка-лилипут, березка-карлица, стланец, предпочитающая стлаться по земле, поблескивая своими густозелеными, крепкими листиками в серебряный гривенник величиной. Последняя представительница на Севере наших лиственных лесов, березка эта, съжившись и мельчая, все-таки провожает сюда родную землю, гнется к ней, целует, довольствуется тем, что дает ей эта земля, а дает она ей очень мало, и то только в течение короткого двухмесячного лета.

Тысячeverстное обличье Мурманского берега, обращенное к океану, начиная от Святого Носа до норвежской границы, не одинаково ростом: к норвежской границе оно возвышается. Скалы Терского берега, мимо которого мы

плыли третьего дня, скалы Святого Носа, Семи Островов, Оленьего, Териберки не превышают 400'; очертания этих берегов однообразны в высшей степени, больших заливов нет; от Териберки начиная скалы вырастают, достигают 700', и берега изрезываются глубокими бухтами; множество островов, с их разнообразными очертаниями, дробит на многие планы неподвижный, утомительный фасад линии Мурмана и образует множество глубокохудожественных эффектов. Это с художественной стороны, но и со всяких других сторон эта западная часть Мурманского побережья является и характерною, и важною.

Гольфстрим — теплое течение, опоясывающее наше полушарие, направляется, как известно, к западным берегам Норвегии, в ее фьорды; он заходит прямо в них и обусловливает ту мягкость температуры, то развитие рыбного промысла, которые служат главнейшим основанием быта всего Норвежского побережья. Что там все это процветает, что к услугам рыбаков имеются телеграфы и телефоны, срочные пароходства и удобства сбыта — причина этого не в одном только благодетельном, оживотворяющем Гольфстриме, так как он касается и России и приносит и ей свою обильную лепту. Облагодетельствовав норвежские фьорды, он отталкивается ими, огибает Норвегию и направляется прямо на наш Рыбачий полуостров; отсюда, полосой во 150 миль ширины, идет он к SO, O, ONO, постоянно удаляясь от берегов наших, и уже у Святого Носа находится в одном градусе расстояния по прямому пути на Новую Землю. Вся причина обилия трески, сельди и идущих за ними крупных представителей морской фауны — китов, акул и др. — именно в этом теплом течении, отчасти касающемся и нас; от него же зависит и незамерзание многих наших северных бухт в глубокую зиму, когда и Нева и Волга скованы льдами; оно же, одновременно с бурливым характером Северного океана, обусловливает и то, что берега океана местами не замерзают совершенно или замерзают узкою полоской верст на 30, временно, причем этот «припай» льдов, не успев образоваться, уже ломается и разносится по сторонам, унося с собою зачастую промышленников, ушедших на «наледный промысел».

Рыбачий полуостров, почти что омываемый Гольфстримом, самое бойкое место нашего западного Мурмана, служит центром весеннего лова, и к нему-то чрез Колу и другими путями идут те промышленники наши со всех сторон, о мартовских походах которых мы говорили. Тут же, в этих местах Мурманского побережья, еще со времени новгородцев, широко занималась жизнь; сюда глянул, образовывая китобойное дело, Петр Великий; здесь существует Екатерининская гавань, в которой зимовал когда-то наш военный флот; здесь же, наконец, в последние 10–15 лет, когда поднялись первые голоса в пользу нашего забытого Севера, сказалась первая попытка его оживления и эксплуатации: тут в настоящее время скопляется весь промышленный Мурман, и наконец в будущем — вероятно нигде, как тут — должны мы стать твердою военною ногой. Обидно видеть на карте, изданной гидрографическим департаментом, что как раз подле этих мест, на самом северном пункте Норвегии, открытая со всех сторон всем ветрам, обозначена лучистою звездочкой крепостца Вардэ Хус; она словно зарится на наш Рыбачий полуостров.

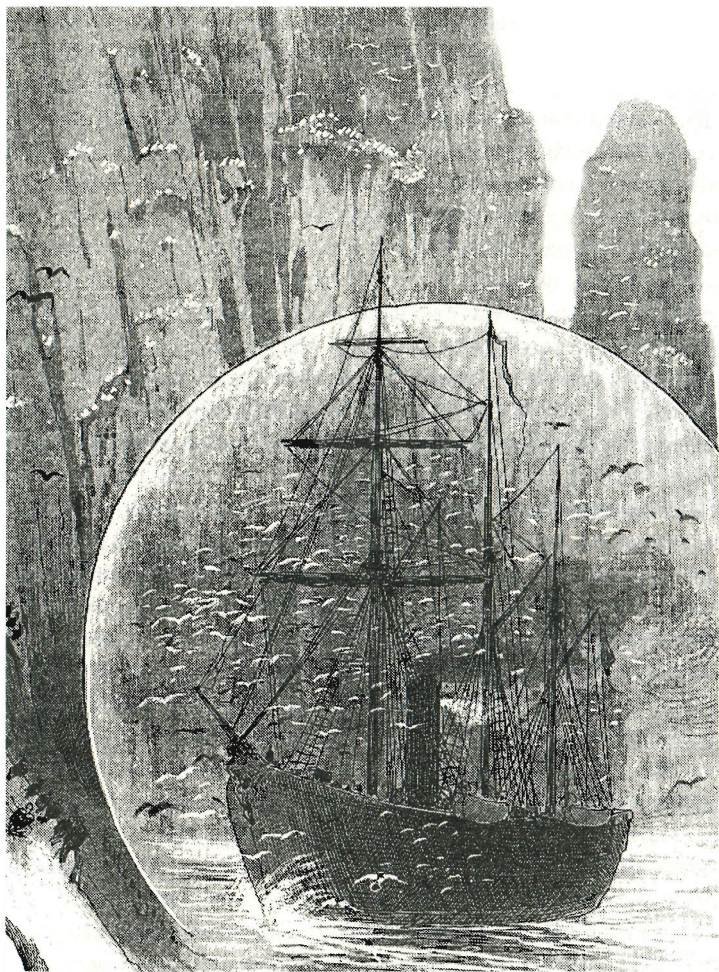
По мере движения «Забияки» на запад, по мере того, как в полной солнечной ясности тянулись пред нами разные очертания скал над глубокою зеленью океана, картины становились все привлекательнее, не жизнью людскою, которой здесь все-таки очень мало, но возможностью такой жизни в будущем. Пример маленькой Норвегии у всех на глазах: север ее оживился только в последнее двадцатипятилетие.

Нам пришлось выйти в океан довольно далеко или, как говорят поморы, «в голомя», в открытое море, для того, чтоб обогнуть самый характерный в геологическом отношении остров Кильдин. Мало на Мурмане таких выделяющихся своей конфигурацией мест, как Кильдин. Он виден за много, много миль, как с востока, так и с запада. Если смотреть на него с моря во всю его длину, составляющую 9 миль, представляется он отвесною, со всех сторон обрубленную скалой в 600–650' вышины, безусловно голою; только снизу будто присыпан к нему песок, чтобы прочнее стояла эта скала и не качалась. Тут, в этом наружном виде Кильдина, все обман. Во-первых, это не скала, а хрупкие сланцы первозданных

пород, песок, если угодно; все острова, весь матерой берег, пройденные нами, начиная от Белого моря, все это гранит; по Иностранцеву, острова Белого моря гнейсовые, а вот именно Кильдин почему-то составил из хрупких сланцев и принял неуклюжую, столообразную форму. Уж не на русское ли хлебосольство намекает он? Другой обман — это пустынность Кильдина. С севера, с моря, он действительно совершенно наг и гол, даже и мхов на нем не заметно, но с юга, там, где отделяется он от матерой земли узким проливом, от 350' до 3 верст ширины, говорят, представляет он из себя ряд террас, возвышающихся амфитеатром и густо поросших богатой зеленью. К югу смотрит эта сторона Кильдина и совсем защищена от северных ветров; есть там и пресная вода, сбегаящая из находящегося на столовой поверхности острова озера, есть и поселенье, и гуляют олени.

Было около полудня, когда, обогнув Кильдин, стали мы сворачивать к юго-западу, направляясь к губе Ара. Отсюда вид становился очень красив, потому что перед нами из волн океана возникла в полной цельности одною своею стороною вся главная, животрепещущая западная часть Мурмана. Впереди, далеко впереди виднелся очень ясно, даже с деталями скал и их очертаний, Рыбачий полуостров, находившийся от нас милях в 30. В сиянии полуденного солнца над глубокою синью моря полуостров этот, состоящий из темных шиферов, был весь розовый, с сильными полосами белых снегов, залегавших на нем в большем количестве, чем где бы то ни было. Он казался нам островом, потому что Мотовский залив как бы отрезывал его от материка совершенно. Влево от нас, на таком же расстоянии, взламывая монотонную линию береговых скал, обозначались один подле другого входы в бухты Уру и Ару; мы направлялись к последней, дальнейшей. Скалы, обрамляющие оба входа, освещаемые солнцем сбоку, очень красиво играли большим или меньшим оттенением. По мере приближения нашего к ним нагота их становилась совершенно наглядною, и могучая зыбь ударяла в них, вытягивая вдоль берегов длинную ленту звездившейся пены.

Если вчера, входя в Териберку, «Забияка» двигался осторожно, сегодня не уменьшал он хода, уверенно направ-

Вход судна в губу Ару. Толстик

ляясь к проливчику. Мы держались более левой стороны; справа на низенькие Арские острова, состоящие из громадных гранитных глыб, океанская зыбь налегала неимоверно сильным буруном. В ярком солнечном свете сине-зеленые волны взлетали на острый мысок ближайшего, совершенно открытого северо-восточному ветру островочка. Тут уже не одною только белую полосой, а несколькими парал-

лельными, разорванными полосами виднелась пена прибоя, вздымаемая бесконечно возобновлявшеюся волной. Полос этой белой пены было много; дальнейшие от берега, старейшие, покачивались будто мертвые, отжившие, и исчезали. И треск, и стон неслись от этой могучей толчеи, и «Забияка» поступал очень благоразумно, держась от нее невозможно далеко, держась левого берега.

Эта левая сторона представляла из себя нечто совершенно противоположное. Тут поднимались совершенно отвесные, высокие скалы, так называемый Толстик; в могучую накренившуюся темную щель, наполненную осколками попадавших в нее камней, скрывался прыгавший с вершины водопадик, след вчерашнего дождя. На всех выступах Толстика, по всем острым кронштейнам и фантастическим карнизам, на мягких подушечках мхов, будто на диванчиках, высоко, высоко, под самый верхний край скалы восседала в огромном количестве морская птица. При приближении клипера с мест своих слетали немногие, но когда «Забияка», чтоб оповестить о своем приходе лежащий в глубокой бухте китобойный завод, дал свой басистый свисток волжского пошиба, большинство птиц шарахнулось со своих сидений и пустилось в лет. Одни из них улетали опрометью, чуть не касаясь трубы и мачт «Забияки», в сторону; другие тотчас же возвращались, покружившись тревожно и немного: должно быть, это были матери.

Мир пернатых по нашему северному Поморью очень богат. Чаек тут больше всего, затем следуют утки. Ценнее всех, бесспорно, гага, *Somateria molissima*, сохранение яиц которой в Норвегии вызвало самые строгие охранительные законы, которых, к несчастью, нет у нас, и бедная гага, которой очень нравились когда-то наши бухты и заливчики, почти покинула их, почти перевелась; за получением гагачьего пуха нам следует теперь обращаться к Норвегии. Характерна из здешних птиц кайра, с белой грудью и черной спиной, с ногами, поставленными далеко назад; кайра высиживает одно только яйцо, синее, испещренное как будто бы еврейскими каракулями. Очень мал и юрок черненький с красным носиком и лапками чистик; крупен и важен черный баклан, обладающий зобом, схожим с тем, что отлича-

ет пеликана; очень велики некоторые сорта морских орлов. Чаек, как сказано, больше других: *Larus marinus*, *L. argentatus*, *L. tridactylis*, *L. canus* — чайка-буревестник; очень характерна *Lestris parasitiens* — разбойник, ворующая рыб, уже схваченных другою птицей; камнешворка, *Streptopelia interpres*, ворочающая камушки для добычи червяков; следуют морские ласточки, морские сороки, морские кулики, гагары, глупыши и т. д. Сычей и сов достаточно; дикие возгласы их по ночам и раскатывающееся эхо пугают поморов, и тогда говорится, что «леший вторьем морочит». Это целый особенный мир пернатых, все больше белых, серых и черных, но почти у всех из них есть какие-либо яркие отметины: красный клюв, клок ярко-синих перьев, пятно на лбу или на груди, напоминающие о других, более счастливых странах красок и света.

Какая именно из этих птиц, вспугнутая свистком «Забияки», кружилась над нами, сказать невозможно, во-первых, потому что их было слишком много, а во-вторых, потому что мы продолжали идти полным ходом, не стесняясь птицами, направляясь к китобойному заводу. «Лотовый на лот!» — кликнул старший офицер; клипер пошел самым тихим ходом; следовали промеры. Завод открылся вправо от нас; он построен вокруг небольшой бухты, совершенно закрытой ото всяких ветров, но очень маленькой. Мы могли вволю налюбоваться действительно красивым видом на это еще так недавно возникшее поселение, потому что «Забияка» еле двигался. Вправо, на скалистом отдельном холме, стоял двухэтажный дом управляющего заводом; прямо против нас поднимались деревянные постройки завода, разместившись у подножия скал; перед ними, частью в воде, на дощатой покатости лежали два убитых кита: большой — синий и малый — полосатик. Темные колоссальные туши их блестели на солнце, будто лакированные; темные крутые полосы бороздили тела. С вершины скалы, поверх завода, сползал небольшой водопадик, бегущий от двух небольших расположенных на горе озер; он будто плакал о судьбе водяных гигантов, привлеченных в эту маленькую бухточку и ожидавших терпеливо и безмолвно своего распластания, и спускался к ним по острым уступам скалы.

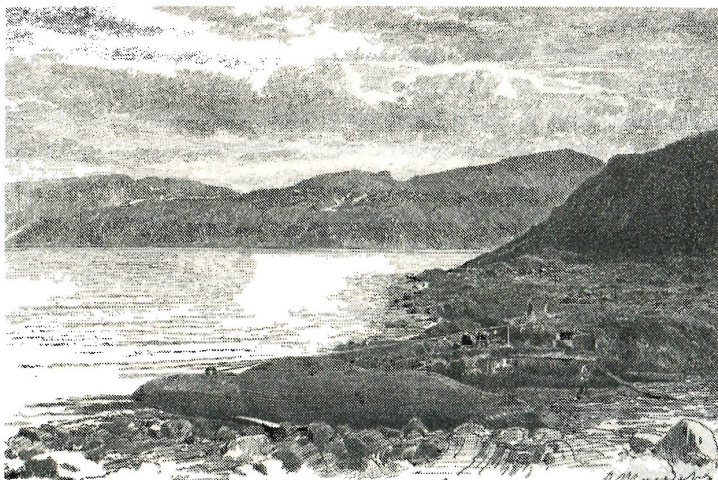

Губа Ара. Китобойный завод

На самой бухте, расцвеченные флагами, слегка покачивались пять китобойных пароходов, принадлежащих двум компаниям: той, завод которой мы посетили, и другой, имеющей свой центр в Еретиках, которой мы посетим завтра. На носях пароходов виднелись небольшие толстенные пушки, которыми стреляют китов; на мачте одного из них висела плетеная корзина, из которой как с вышки высматривают кита.

День был удивительно ясен, прозрачен; глаза наши, утомленные видом голых скал, успокоились на довольно яркой зелени берегов бухточки; тут виднелись небольшие березки и какие-то кустики вербы или лозы и чахлой рябины, просовывавшиеся сквозь груды обточенных камней и кругляков. Мхов и вороницы было тоже вволю; белели ягели; голубая вода бухты так чиста, что тарелка, брошенная в нее, совершенно исчезает от глаз только на глубине 30 сажень. Целые стада рыбы кружились в ней подле клипера, и вся игра их была видна как на ладони. Грохнулся якорь, и мы остановились.

Термометр показывал 20° в тени, и картина была бы прелестною, если бы не запах самых убийственных свойств, доносившийся от поры до времени с особенною ясностью от завода и ждавших своего распластания китовых туш.

Губа Ара. Туши китов близ китобойного завода

Стоявший пред нами завод — центр деятельности «Товарищества китоловства на Мурмане», существующего с 1883 года. Затрачено на все это дело по настоящее время около 300 000 рублей; промышленников и рабочих на заводе всего 109 человек, считая в том числе и те 10 человек, которые назначены исключительно для ловли трески, как главного предмета пищи, и остаются здесь сторожами на зиму. Товарищество имеет два китобойные парохода и еще один, небольшой: на каждом из первых двух по 10 человек народу; собственно на заводе участвующих в обработке китовых туш 50 человек. Одною из первых, но не единственных выгод для местных людей от этого прочно поставленного дела является то, что заработная плата за летний сезон, не превышавшая 60 рублей, поднялась до 90 рублей уже в нынешнем году.

За это лето, ко времени нашего посещения, убито было 12 китов; в недалеких Еретиках другою компаниею убито 14; те два кита, туши которых блистали пред нами на солнце, распространяя убийственное зловоние, были счетом 11-й и 12-й. Из этих двенадцати экземпляров было 3 синих и 9 полосатиков, большинство самки; местные люди сообщали, будто эти женские киты, резвясь по океану, принимают китобойные пароходы за самцов. Сообщают промышленни-

ки и другое наблюдение, касающееся этих же стран и такого же странного характера; толкуют, будто на Новой Земле, опять-таки по наблюдениям над убитыми экземплярами, в противность всяким обычным порядкам, самки и самцы моржей держатся в отдельности на восточном и западном берегу острова. Остров этот величиной чуть не с Англию, и можно себе представить, как трудно этим зубастым, толстейшим и грузнейшим кавалерам быть любезными со своими склонными к отшельничеству плотными дамами. Но опять-таки это, вероятно, один из тех знаменитых охотничьих рассказов, которые сохраняют свою правдоподобность под всеми градусами долготы и широты, совершенно на том же основании, на котором гранит остается везде гранитом, а сланец — сланцем.

Заметим, однако, что эти и тому подобные рассказы далеко не бесполезны. Иностранцы отлично умеют делать ту или другую местность интересною, распуская о ней всякие возможные и невозможные легенды, правды, предположения; люди любят чудеса и ездят к ним. Мурман тоже то и дело посещался и посещается различными иностранцами. Нам сообщали, что какой-то лорд Дудлей с женой и семейством ездит сюда ловить рыбу и зажигать папироску с помощью лупы светом полуночного солнца; какие-то англичане арендуют у лопарей Пазрецкого погоста, Кемского уезда, реку Паз и приезжают летом, на своих яхтах, для ужения рыбы; сообщают о нескольких посещениях какого-то Роланда Бонапарта; ученый француз Рабо недавно появлялся здесь, отыскивая каких-то допотопных черепов, небывалых, исключительных размеров. Почему избрал он для этой цели Россию и именно ее северное побережье — неизвестно.

Едва только бросил «Забияка» якорь, как явились на клипер представиться Великому Князю управляющий заводом капитан 2-го ранга Андреев и наш консул в Гаммерфесте Бухаров. Его Высочество немедленно принял их и в скором времени съехал на берег, прямо к заводу, осмотр которого представлял большой и совершенно новый интерес.

Арский китобойный завод

Распространение кита и добыча продуктов. Распластание. Выварка. Сушка. Осмотр китобойного парохода. Пушка и снаряд. Характер и порядок китового боя. Промысел и его развитие у иностранцев и у нас. Потерянная нами гавань. Норвежский ром. Выезд к губе Ура. Ложные солнца. Промысел палтуса и камбалы. Гастрономическое значение этих рыб.

Зданий Арского китобойного завода, собственно говоря, только два; это деревянные, длинные, в два света корпуса, построенные так, как строят вообще в Америке: из прочного леса, не скрывая стропил и связей, не делая ничего для вида и роскоши, соображаясь только с пользой, с одною пользой. Когда мы вышли на берег, то направились прежде всего к лежащим на наклонном деревянном помосте двум китам. Большой синий имел 80 футов длины, малый полосатик — 60 футов; наибольшие экземпляры первых, водящиеся здесь, достигают 110 футов; наибольшие экземпляры вторых — только 75 футов. При полной обработке кита, при добыче из него жира, китового уса и обращения туши в гуано большой кит дает около 2500 рублей, малый — 800 рублей.

Оба экземпляра, находившиеся пред нами, лежали животами кверху; хвосты их полоскались в воде. Убитые и доставленные сюда пароходом, — причем кит для пути на завод привязывается сбоку парохода, — они были положены на эти места в прилив. Когда при обработке жир с одной стороны кита снят и тушу приходится переворачивать, ждут опять-таки прилива. Гниющая туша заражает воздух и воду, и со временем — в этом нет сомнения — их будут отдалять от воды, пользуясь для переворачиваний кранами. Может ли не быть зловония там, где распластываются и разлагаются по несколько дней эти колоссальные тела? Недалеко от берега, в лазурной, прозрачной воде залива виднелись остатки других китов, громадные белые кости; они же валялись, разбросанные по берегу между камнями, и обуслови-

вали очень характерную, не лишенную сказочной грандиозности картину. Теплый, яркий, солнечный день был как бы создан для того, чтобы в замкнутой со всех сторон скалами бухте плодить неопиcуемый запах. Синий кит, лежавший уже несколько дней, был найден в море убитым. Сколько времени тому назад и кем был он убит — неизвестно; это дело обыкновенное, что кит, смертельно раненный с одного парохода, уходит от него, околеваает и достается в пользование другому, более счастливому.

Синий кит был вздут неимоверно, так что операция распластания, долженствовавшая совершиться при нас, началась с того, что одно место живота его было проткнуто. Невидимую, но ясно обоняемую струей устремились из него газы, и туша начала немедленно опадать и принимать тот облик кита, который всем нам так хорошо знаком. Волей-неволей пришлось уйти с помоста и удивляться носовым нервам того человека, который стоял подле сделанной в туше дыры и готовился приступить к следующей за тем операции. По мере того как мы отступали, всякие мухи, которых мы давно не видели, направились именно к источнику зловония, празднуя в ярком солнечном свете одно из своих роскошных пиршеств.

Подле отверстия, сделанного в ките, человек с крепкими носовыми нервами, продолжая работу, делает в стороне от отверстия вертикальный взрез, приблизительно в один фут длины; он прорезывает весь жир вплоть до мяса и делает это длинным не то ножом, не то серпом. От этого надреза проводит он два другие надреза, параллельные, во всю длину кита, в сторону, обращенную к заводу; затем в отверстие, служившее для выпуска газов, вкладывается крюк на блоках, соединенный системой веревок с тою гильотиной на заводе, которая назначена резать жир в куски. По данному знаку, сообщающему, что крюк всунут, вы видите, как веревки блока мало-помалу натягиваются, полоса жира отдирается от кита, чему помогает опять-таки человек с крепкими нервами, и отдираемая полоса, заворачиваясь, принимает поступательное движение к заводу, сначала по помосту, потом по очень крутому деревянному откосу, и очень величаво, длинною, жирною, оставляющею след змеей, волочится к рабо-

тающей паром в 12 сил гильотине. Полоса, разрезаемая на куски, наполняет подставляемые одна за другою тележки, которыми и подвозится к котлу, растапливающему жир паром же. Вытопленный жир сохраняется в огромных чанах. Он очень чист и почти без запаха; в прошедшем году продано было в Англию около 4000 пудов; за тонну жира синего кита платят 60 фунтов стерлингов, за жир полосатика и кнорра — от 25 до 30.

Когда туша кита ободрана и представляет из себя очень печальный, жалостный, нищенский вид, приступают к ее обработке, причем прежде чего-либо другого добывают китовый ус. Продукт этот от наших китов, не особенно рослых, не пользуется высокою ценой на рынке и не может идти вровень с гренландским. У синего кита он черный, у полосатика иссера-белый; тот и другой, сваленные на землю кучей близ завода, представляются как бы большими полупрозрачными картонажами со множеством мелких щетинистых волосев по краям. Замечательна между прочим тоненькая кожица, покрывающая кожу кита; она полупрозрачна, дымчатого цвета и как нельзя более напоминает самые тонкие сорта гуттаперчи. Добывают и еще один продукт — это китовые уши, могущие служить очень характерными пепельницами. Они удивительно тяжелы, длиною дюйма четыре и по очертаниям своим очень сложны, замысловаты, курьезны.

Обработка туши кита на гуано производится в другом соседнем, гораздо более обширном здании, в которое мы и перешли. Оно поставлено вдоль линии побережья, тогда как первое, жировое, стоит поперек. Тушу, мясо и кости отдельно рубят, пилят и разносят на части, выволакивают и подвергают выварке в котлах тоже отдельно. Мясо перекладывают для этого кусками железа, кости бросаются без перекладки, так как пар под сильным давлением и без того свободно проходит между ними. В котлах два крана; из нижнего выпускают сильно насыщенную клеем воду, из верхнего — жир. Для нагрузки котлов частями туши, сложенными в тележки, они поднимаются по наклонной плоскости машиной в 18 сил.

Когда выварка произведена, оставшиеся твердыми части переходят в сушильни, где мясо и кости просушиваются тоже

отдельно; в сушильнях по семи сковород. Последним актом обработки является раздробление высушенных частей туши и обращение их в порошок, в гуано. Это китовое, смешанное из костей и мяса, гуано идет главным образом для корма скота; для удобрения должно идти исключительно гуано из костей; отделения одного от другого по настоящее время на заводе не делается. Полученное на заводе гуано ссыпается в мешки по шести пудов в каждом и идет в продажу по 12 марок за мешок; требуется гуано за границу, главным образом в Германию, отчасти во Францию и Голландию. Насколько невыносим запах и безобразен вид гниющих кусков китового мяса и раздробленных костей, поступающих в сушильню, настолько же чист на вид розоватый, снабженный легким запахом мясных консервов порошок китового гуано. Вот табличка, изображающая приблизительно при нынешних ценах стоимость продуктов, добываемых из кита средней величины:

Жир	1300 рублей
Гуано	250 рублей
Ус	80 рублей
Челюсти	20 рублей
<i>Итого</i>	<i>1650 рублей</i>

После подробного осмотра обоих зданий завода и всего производства Его Высочество переехал в соседнюю с ними казарму заводских рабочих. Она состоит из двух отделений: в одном помещаются русские, в другом норвежцы. Затем на небольшом баркасе Великий Князь переехал на стоявший подле один из заводских китобойных пароходов «Елену».

На Мурмане вы услышите непременно сообщение о том, что убивание китов из орудий особыми снарядами — дело норвежца Фойна, так сказать, его изобретение. Этот Фойн должен быть человеком замечательным, если судить по рассказам о нем, потому что охота на китов — его страсть, его жизнь. Основав китобойный промысел в Норвегии и нажив себе огромное состояние, главным образом на китах нашего, русского побережья, Фойн теперь человек уже очень старый. Удостоверившись в мельчании здешних китов, он перебрался со своими пароходами к Исландии и орудует

там в размерах более широких, не без материальной выгоды, конечно. Говорят, что он до сих пор первый рабочий на своих промыслах и что миллионное состояние его нисколько этому не мешает. Верно то, что не он изобрел или, лучше сказать, применил к китобойному промыслу огнестрельные снаряды, так как снаряды эти патентованы в Америке еще в 1852 году. Фойну удалось, так сказать, снять сливки с нашего китобойного дела, применив здесь впервые пушку. По сведениям довольно официального характера значится, что Фойном убито: в 1879 году — 97 китов, 1880 — 94 кита, 1881—107 китов.

Обратив все это в деньги, получим сумму очень и очень порядочную, и большое состояние его окажется делом возможным.

Китобойный пароход раз навсегда уничтожил предание о бое китов с лодочек гарпунами. Все эти рассказы, все эти картинки, изображавшие смельчаков, подъезжавших к океанским гигантам вплотную и бивших их с руки, эти замечательные типы гарпунщиков исчезли, как исчезло в свое время рыцарство после изобретения порохового зелья, как исчезли ямщики с железными дорогами. Нет никакого сомнения в том, что нынешний способ боя китов из орудий много безопаснее, много успешнее прежнего, но из этого не следует, чтобы он был совсем легок, совсем безопасен.

Первое, с чем ознакомился Великий Князь, вступив на китобойный пароход, было, конечно, орудие боя и снаряды. Заметим тут же, что китобойные пароходы, отваживающиеся ходить за сотни миль в океан, далеко не велики и очень близко подходят размерами своими к нашим невским буксирам средней руки. «Елена», осмотренная нами, имеет 84' длины, «Покров», находившийся в море, — 90', стоят они около 50 000 рублей каждый. Орудие расположено на шворне, на самом носу, и может быть легко поворачиваемо во все решительно стороны и подо всеми углами склонения, что совершенно необходимо ввиду неожиданности появления и движений кита. Снаряд состоит из двух частей: собственно из разрывного снаряда, вкладываемого в дуло, и соединенного с ним гарпуна, остающегося вне его. Гарпун обладает некоторым механическим приспособлением, состо-

ящим в том, что в случае удачного выстрела снаряд, разорвавшись в ките, раскрывает зубцы гарпуна и этим обеспечивает, хотя не вполне, его довольно прочную связь с тушей животного.

Когда орудие заряжено, гарпун, как сказано, остается вне дула, и это вполне объясняет недостаточную верность выстрела, так как снаряд, снабженный гарпуном, подчиняется сильнейшему отклонению. Если принять в расчет колебания самого парохода и движения кита, то становится ясным, насколько хороший наводчик важен в данном случае, — их действительно немного, и все они наперечете.

К гарпуну прикреплен канат. На «Елене», которую мы посетили, он имеет шесть «линей» длины, из них каждая в 150', т. е. весь канат длиной около двух верст, и помещение, ему отведенное, весьма почтенно: он наворочен в трюме. Снабженный этим кишкообразным канатным нутром, с 10 человеками экипажа, пароход выходит в море, но только в возможно тихую погоду, иначе выслеживание кита и в особенности бой его становятся совершенно невозможными. Океанская зыбь, не прекращавшаяся после бури и в день посещения завода, и еще на следующий день — так долго она держится здесь, однажды начавшись, — помешала и нам присутствовать при китовой охоте, которая была предположена в грандиозных размерах, с пятью китобойными пароходами одновременно. Как заряджение орудия, так и самый выстрел были произведены по постановленной цели в самой бухте, и далекое эхо множеством перекатов ответило на могучий звук.

По киту в океане далее 10' расстояния не стреляют: это было бы лишнею тратой времени и зарядов, потому что даже с такого близкого расстояния, с какого производится стрельба, промахи поглощают около 70'. Заметим еще, что, по уверению местных людей, введение огнестрельной охоты повлияло и на самую натуру китов в прямой ущерб промыслу: прежде кит, выбравшись на поверхность, делал около семи дыханий; теперь, напуганный, делает он не более четырех. Довольно редки случаи попасть в кита так, чтобы быть вполне уверенным в успехе. Хорошо, что кит, научившись сокращать количество дыханий, не научился, будучи ранен, менять направление: почувствовав удар, он уходит по

прямой линии и тем способствует свободному разворачиванию каната; пароходу дают немедленно полный ход. Иногда замечали даже нечто вроде сопротивления или отместки со стороны кита; так, нынешним летом пораненный кит едва не отбил винта у норвежского парохода; в 1883 году 12 июля в Кольской губе пораненный кит в 90' длины едва не опрокинул пароход и перед смертью своею поразил совершенно оригинальную, красивую картину: он вышел из воды головой вверх футов на 30 и потом уже кончил свое существование. Он был убит по второму выстрелу, и на преследование его было употреблено 36 часов времени.

Профессор О. Гримм, встретивший Великого Князя на Никольском рыбопроизводном заводе, о чем мы сообщали, того мнения,

что киты размножаются очень медленно и начинают плодиться поздно, может быть, на 50–60-м году от роду; они производят на свет по одному детенышу в периоды, продолжающиеся несколько лет, так как утробная жизнь длится, вероятно, 2–3 десятка месяцев. К счастью для сохранения расы китов, плодятся они, вероятно, где-нибудь далеко на севере, куда ни гарпун, ни ядро не достигают; совершенно исключительны были случаи, да и были ли они, когда в море встречали матку с детенышем. Не особенно часто попадаются и брюхатые матки; они точно чувствуют гибель, ожидающую их при движении к югу; однажды была как-то убита Фойном брюхатая матка, и величина детеныша, заключавшегося в ней, достигала почтенных размеров: 24 фута длины и 3 аршина в обхвате. Неизвестно даже, скольких детены-

Высматривание кита

шей рождает кит, и судьбы его относятся к самым неопределенным, необследованным в области зоологии.

Бой китов как промысел на нашем Мурмане существует более двадцати лет, но до последнего времени хозяйничали больше норвежцы, взявшие у нас, на памяти местных людей, около 300 китов. Фойн, основав в Вадсэ, в Норвегии, жиротопенный завод, имел сначала один, а потом три китобойных парохода. В настоящее время в Норвегии 17 компаний с 34 пароходами и с 1872 по 1883 год, согласно сведениям профессора Гримма, убито ими 1536 китов. Количество убитых китов до последнего времени постоянно возрастало; если оно понизилось теперь, то едва ли вследствие уменьшения количества китов, а скорее вследствие уменьшения спроса на продукты промысла, на спермацет и китовый жир, так как им обоим перебила дорогу нефть. Ведь точно так же уменьшился спрос и на другой продукт поморских промыслов: моржовое сало, находившее в прошлом столетии сбыт в количестве до 70 000 пудов; с начала нынешнего требования не переходит за 12 000 пудов.

В Америке китобойный промысел существует с 1712 года; с 1807 по 1845 год число китобойных судов увеличилось с 15 до 257; до начала шестидесятых годов промысел по интенсивности своей остается там почти неизменным. Считая на каждое китобойное судно, среднее число бочек китового жира, добытого им, приходится: с 1817 по 1856 год от 1192 до 1560 бочек, с 1857 по 1866 год оно падает на 30%, с 1867 по 1877 год на целых 50%. Нам, русским, остается только радоваться этому уменьшению американской энергии, так как значительная часть побоищ производится ими в наших водах Берингова и Охотского морей. Говорят, будто количество китов там невероятно велико и их до пяти видов, начиная с крупнейших; говорят, будто, запираемые льдинами в Охотском море, они могут быть убиваемы по выбору. Кроме американцев, орудуют на нашем востоке англичане и китайцы, так что в отношении числа национальностей наши берега Тихого океана более гостеприимны, чем берега Мурмана, оказывающие гостеприимство одним только норвежцам. Впрочем, Охотское море так далеко! Но Мурман близко, и подумать есть о чем.

Нет сомнения в том, что наши поморские промыслы вообще падают. Теперь как-то мало слышно, чтобы наши промышленники ходили на Шпицберген, к Медвежьему, на Новую Землю. О том, что они прежде бывали там, свидетельствуют предания и кресты или так называемые «кекуры», или «гурии», — пирамидки, сложенные из камней и лежащие о прежних посещениях. Значение наших промыслов очень правильно и очень рано понимал Петр Великий. Удивительно, право, как это всегда, во всем и везде встречаешься с этим колоссальным именем?! В 1725 году Петр построил три китоловные корабли, и они ходили к Шпицбергену. Екатерина II назначила даже для оседлости китоловов специальную бухту, которая и поныне называется Екатерининскою. Последний китоловный корабль был построен при Александре I министром коммерции Румянцевым и сожжен англичанами в 1806 году.

Об англичанах нам пришлось вспомнить на Мурмане еще и вот по какому поводу. Много толковали нам местные люди о том, что прежде, еще не очень давно, в шестидесятых годах, владели мы несколькими хорошими, незамерзающими гаванями на Мурмане, подле границы Норвегии. Затем гавани эти были уступлены Норвегии, и англичане, говорят, тотчас же будто бы заключили с новой собственницей этих гаваней, Норвегией, секретное условие, в силу которого им никогда и ни в каком случае не возвращать их России. Должно полагать, что Норвегия и без того не уступит их, и горячие сожаления поморов об утраченных гаванях очень сильны и глубоко искренни. Из уступленных нами гаваней этих уже в марте месяце, когда наши поморы только еще направляются пешком сквозь снежные дебри к Мурману, норвежцы уже плывут на всех парусах к Канину, Калгуеву, по пути к Новой Земле, нападают на зимовавшие там стада тюленей и моржей, бьют их, распугивают и оставляют нашим промышленникам, прибывающим значительно позже, одни только остатки того, чем могли бы они поживиться вполне. Обо всем этом говорят на Мурмане, и мы слышали об этом не раз.

Окончив осмотр китобойного парохода, Великий Князь посетил управляющего заводом в его доме. Хотя убийственный запах завода наполняет всю небольшую бухту, но подле

дома этого, расположенного наискось от жиротопни, на берегу, на высоком холму, составленном из могучих гранитов, усыпанных крупными катышами и кругляками, обточенными волной, обрастающими вороницей и березой-карлицей, дышалось все-таки легче. Дом двухэтажный, поместительный, построен в Архангельске и перевезен сюда разобранным на части.

Если до сих пор с самого утра страдало наше чувство обоняния, то здесь предстояло нечто, хотя и кратковременное, но не менее острое, нашему чувству вкуса противное. Его Высочеству угодно было спросить и отведать знаменитого норвежского рома, которым пользуется наше Поморье и распространение которого должно быть отнесено тоже к чудесам земли Русской. Ром этот цвета крепкого кофе, разит каким-то невозможным запахом и дает осадок; это подслащенный, подкрашенный сандалом спирт, которому приданы все свойства опиума примесью кукельвана, стручкового перца и, может быть, чего-либо еще худшего. Если — так говорят — пустить в этот ром полуторахлористого железа, то он обращается в чернила — несомненное доказательство присутствия дубильного вещества; согласно анализу, произведенному медицинским департаментом, это «одуревающая жидкость». Испробовать на вкус этот классический ром было для нас делом одной секунды; гораздо труднее и дольше было избавиться от острого, едкого вкуса, оскорбленного надолго самым положительнейшим образом этим бесподобным ромом.

Если норвежский ром сам по себе чудо, то бесконечно чуднее то, что он распространяется у нас беспощинно. Трудно верится, а между тем это так. Целый ряд губернаторов, целый ряд комиссий, как административных, так и ученых, в особенности «северный», и поморский съезд, все, все решительно ратовали против этого рома, и, к несчастью, бесплодно. По положению 14 мая 1876 года питейная торговля на Мурманском берегу объявлена безакцизною, бесплатною и свободною, и одно из крупнейших, вопиющих, необъяснимейших зол существует, словно насмехаясь над людьми и опаивая поморов. А ведь это очень легко спить поморов: тяжелая работа требует подкрепления, а русская

натура легко переходит от необходимого к излишкам. Особенно тяжело ложится это опаивание насмерть на молодых зуйков и на слабых лопарей; если лопарской расе суждено вымереть, так следует по крайней мере дать совершиться Божьему повелению по его изволению, а не пособничеством норвежского рома с его дубильным веществом.

Сколько именно ввозится на Мурман этого рома, решительно неизвестно; хранить на этот предмет тайну — прямой расчет заинтересованных в этом деле фактористов. О том, сколько земли уступлено было Норвегии, мы приблизительно знаем: на старых картах граница наша доходила до мыса Верес, но была отведена к востоку на 70 верст по прямому направлению и на 500 верст по береговой линии (см. Лудмер, «Разоренная Окраина»). Но сколько переплатили мы Норвегии за ром, сколько взяли они из наших вод рыбьего и животного материала, сколько получили они барышей, продавая нам нашу же рыбу, сколько опоили народу — этого ни в каких списках не значится и контролю не подлежит.

Пока Великий Князь находился в доме управляющего заводом и выслушивал любопытные сообщения и пожелания людей местного дела, «Забияка» набирал воды; через два дня ему необходимо будет запастись углем, что и будет сделано нами подле Иоканских островов, близ Святого Носа. По возвращении нашем на «Забияку» к обеду температура в воздухе начала быстро падать, и около 8 часов вечера, ко времени выхода нашего в море, термометр показывал только 4,5° тепла. Но вечер был удивительно ясен; лучи все еще высоко стоявшего солнца золотыми снопами западали в кают-компанию. Нам предстоял очень недалекий переход в соседнюю губу Ура, а оттуда в бухту Еретики, где мы и намеревались ночевать и осмотреть другой китобойный завод, гораздо менее значительный по обстановке и характеру.

Урская губа значительно более Арской; как гавань она просторнее и удобнее. Она соединяется с морем тремя проходами: большим, средним и малым, образуемыми довольно объемистым островом Шалимом и другим некрупным, Еретики. Вход в губу при вечернем освещении очень красив. Справа тянется длинная, закругленная, невысокая ска-

Губа Ура. Еретики. Фактория

ла, скорее луда, чем скала; слева глядят из пучины морской такие же невысокие островочки; как след долгого, все еще не успокоившегося вполне волнения, поперек проливчика протянулась к нашему приходу густая, широкая полоса белой пены. «Забияка» перерезал ее, и нельзя было не любоваться глубокою, из многих планов состоявшею панорамой губы. Казалось, будто мы входили в какую-то широкую, могучую реку, обставленную жилистыми, футов в 600 вышины, скалами. Эта река — так казалось по крайней мере — должна идти куда-то далеко внутрь нашей родимой России, к нашим центральным губерниям. Если в Арской губе виднелись и березки, и рябинки, здесь все было безусловно голо, даже и мху казалось мало по этим безотрадным гранитам. Но очертания их чудесны. Легкий туман, носясь неширокими, гладкими полосками, давал горизонтальные линии; скалы воспроизводили вертикальные. Это была молчаливая музыка камней и туманов в розовом свете опускавшегося солнца. Завод, фактории и становища, стоящие на самом деле друг против друга на обоих берегах губы, были замечены нами справа и стояли — так казалось по крайней мере — на одном берегу. Колония, имеющаяся в этой губе, расположена на 12 верст дальше внутрь. По-видимому, в этой стране полуночного света мало было света одного только солнца, и вот зажглось над нами, медленно поигрывая широкими

радужными лучами своими, как на туманных картинах, другое, ложное солнце. Мало было и этого: зажглось третье, но уже очень бледное, едва видневшееся светлым пятном в серовато-розовых легких облаках.

Благодаря обилию света этих трех солнц, Его Высочество решил съехать к китобойному заводу и тотчас по прибытии осмотреть его с тем, чтобы иметь полную возможность распорядиться завтрашним днем с утра.

Сегодняшняя матросская пища была совершенно исключительного характера. Его Высочеству поднесен был местными промышленниками громадный палтус, ближайший родственник кривой, но вкусной камбалы. Достигают здешние палтусы, говорят, до 14 пудов веса; тот экземпляр, что был поднесен Великому Князю, оказался весом наверное более 4 пудов. Фигура его была очень оригинальна и даже внушительна, и помимо некоторого запаса мяса этой фигуры, сделанного для великокняжеского стола, приказано было отдать все остальное команде, сварить уху и подать ее испробовать. Приказание было исполнено в точности, и сочность навару этой колоссальной ухи и вкус ее заслужили всевозможной похвалы. Палтус зовется не напрасно «свининой промышленника». Уха из него была действительно чем-то из ряда вон хорошим и питательным. Нам подавали палтус жареный и отварной; которому из двух отдать первенство — осталось неразрешенным. Но команда была в восторге и упитывалась лукулловским обедом на славу, как никогда.

Палтусы — это одно из неисчислимых богатств нашего Поморья. Иногда целые стада палтусов гуляют или лежат подле Рыбачьего полуострова, верстах в 30–40 от берега. Их забирают, конечно, норвежцы, узнающие о присутствии их в том или другом месте по устным или печатным бюллетеням. Ловят камбалу и палтуса на «продольники», укрепляемые по дну якорями. На отмелях, при ясной воде, сквозь синь воды распластавшиеся палтусы и камбалы лежат большими массами и кажутся на белых песках темными пятнами. «Палтусовая карга» идет от Териберки к NW, к Сергееву мысу на Рыбачьем полуострове и тянется в океан, как говорят, на очень далекое расстояние. Несомненно, что добы-

Губа Ура. Китобойные пароходы

ча палтуса и камбалы, как и все остальное, подлежала бы на нашем Мурмане бесконечному развитию, и гастрономы Москвы и Петербурга только бы возликовали успеху этого дела.

Коснувшись кулинарного вопроса, было бы непростительно не вспомнить о том, что если команда «Забияки» насладились лукулловскою едой из палтусины, то и мы были тоже некоторым образом римлянами. Там, в Риме, угощали гостей соловьиными языками, причем иногда для тонкости скупали ученых соловьев; здесь, на Мурмане, к закуске нашей поданы были фритированные языки свежей трески. Это баловство, возможное, бесспорно, только здесь, но сомнительно, чтоб из этого деликатеса, обретающегося на Мурмане в неисчислимом количестве, нельзя было делать каких-либо особых консервов самых высоких достоинств и очень невысокой цены.

Еретики в Урской губе

Второй китобойный завод. Акулы и акулый промысел. Необходимость его поднятия. Полуночный свет. Характеристика поморов. Торосный промысел. Посещение лопарского чума. Характер побережья на вершине скал. Лесной зверь и лесная птица. Китовое мясо как пища. Ловля камбалы. Отъезд в Колу.

Вечер прибытия нашего в Еретики был настолько светел, что Великий Князь пожелал посетить китобойный завод немедленно по прибытии. Слово «посетить» тут совершенно уместно, потому что осматривать было нечего: китов на берегу не виднелось, а производства гуано на заводе нет. Китобойная компания, орудующая в Еретиках, носит довольно длинное название: «Первое русское китобойное и иных промыслов товарищество». Завод ее открыт в 1883 году и имеет два китобойных парохода, качавшихся невдали от него на якорях. Следует пожелать доброго развития и этой компании, но для этого, по-видимому, ей необходимо прежде всего существенно преобразиться. Надобно одно из двух: или поступить так, как поступила Арская компания, задавшись исключительно китобойным делом, или как это сделал «Рыбак», поставив себе главной целью треску. Вероятно, ни чем иным, как недостатком капитала или разбросанностью и неясностью программы, можно объяснить себе то, что завод этот только жиротопенный и что туши китов за известное вознаграждение передаются им соседнему Арскому заводу для переработки в гуано. Если расчеты Арского общества верны и китобойный промысел может дать очень хороший барыш только при переработке всего кита, то расчеты Урского не могут быть верны, так как оно в прямой ущерб себе, взяв с кита жир, уступает тушу своему конкуренту.

Расположен завод очень красиво, на скалах, но растительности на них, кроме мха, нет никакой. Урская губа, в одном из разветвлений которой он находится, самая спокойная

и защищенная ото всех ветров бухта западного Мурмана; врезывается она в материк верст на пятнадцать, и в самой глубине ее, невидная от завода, находится колония Ура, одна из самых больших: в ней жителей около 200 человек, имеющих 15 промысловых ёл², 74 головы скота, одну лошадь (как видно, лошадь остается на всем Мурмане великою редкостью, чуть не курьезом), 60 овец и 309 оленей. Здесь, следовательно, как и раньше, можно было убедиться воочию, что Мурман далеко не вполне лишен возможности скотоводства, как многие упорно и уверенно сообщали; правда, здесь кормят скот не одним только сеном, а со значительною примесью оленьего моха — ягелей. Почти все колонисты Уры финляндцы; в их пользовании река Ура с ее семгой; зимой тут ловится пушной зверь; довольно добычлив акулий промысел в самой губе. «Рыбка — божье дарованье», — говорит помор, причем тут следует разуместь и кита, и акулу. Акулий промысел находится у нас в младенчестве; это, так сказать, Золушка всех наших мурманских промыслов, что очень жаль и очень странно. У норвежцев акула входит самостоятельной цифрой в статью доходов. Северная акула, этот бродяга-разбойник океана, этот морской волк, злейший враг наших поморов, не раз уничтожающий их долгий труд постановки яруса, достигает размеров колоссальных, до трех сажен длины, отнюдь не меньших, чем акулы Южного океана. Восемьдесят лет тому назад на Мурмане акул вовсе не ловили; об этом свидетельствует академик Озерецковский в своем сочинении «Кола и Астрахань» 1804 года. Он говорит, что акул «ни на что не употребляют». По причине великого множества их в Кольской губе, говорит академик дальше, жители в этой губе никогда ярусов не кидают, «потому что рыба, за крючки схватившая, была бы жертвой акул, а не промышленников». В «Архангельских губернских ведомостях» 1868 года сообщено сведение, что одна удачная ночь акульего лова может дать до 300 пудов, до 50 бочек «максы», акульей печени. Вице-адмирал Рейнеке, автор гидрографического описания нашего северного побережья, говорит, что акулам в Кольской губе в его время не было числа и что они положитель-

² Ёла — беспалубная ладья. (Примеч. ред.)

но мешали промышленникам плавать. В шестидесятых годах кольский мещанин Неронин сделал первый опыт их ловли, на что нужно было значительное количество смелости, так как самый удачный лов производится обыкновенно в темные октябрьские и ноябрьские ночи, в глубоко свирепое время океанских непогод. Около того же времени дана была правительственная ссуда в 600 рублей некоему Сулю, для ловли акул и приобретения «максы»; в 1862 году в Кольской губе добыто было около 5000 пудов ее, а цена ей была 1 рубль 30 копеек до 1 рубля 50 копеек за пуд. В 1867 году между островом Кильдином и Кольскою губой, то есть именно там, где мы теперь находимся, акул было так много, что на них даже не осмеливались охотиться: они ударяли толстыми носами в борта лодок, пожирали друг друга и наводили панический страх своими огромными тупо глядящими глазами. В 1874 году в Кольскую губу и другие соседние с нею бухты пожаловало акул столько, что их били из ружей.

Так как нет причины полагать, что количество акул, на которых правильно организованной охоты никогда не производилось, уменьшилось, и так как ворвань, из жира их добываемая, имеет на рынке свою постоянную, установившуюся цену, то развитие этого промысла было бы и желательно, и необходимо. По сообщениям местных людей, большие акулы держатся обыкновенно верст 150–200 от берега огромными стадами; подвижные полчища их должны представлять из себя нечто совершенно противоположное лежащим вдоль палтусовой банки распластанным палтусам и камбалам. Акул ловят у нас, так сказать, случайно, и правильно-го промысла на них не организовано. Они попадаются на большие железные крюки, наживленные жареным тюленьим салом и прикрепленные к цепям полторасаженной длины. Хватившая крюк акула обопрется, нейдет и сдерживается несколькими человеками; живуча она настолько, что разрезанные куски шевелятся. Оставаясь верными преданиям, наши промышленники берут от акулы только «максу» — печень, иногда кожу, всю же остальную довольно ценную тушу бросают в море, совершенно на том же основании, на котором у нас летят обратно в море и десятки тысяч пудов внутренностей трески. Очень жаль, что расспросы наши

о том, насколько пригодны туши акул для переработки их в гуано, хуже они или лучше китовых, не вызвали никаких положительных ответов; но нет никакой достаточной причины предполагать, чтобы разница была очень большая. Чрезвычайно сподручно для ловли акул то обстоятельство, что они обладают замечательно развитым обонянием и что жареный тюлений жир привлекает их с очень далеких расстояний. Полярная акула, *Selache maximum*, достигает, как сказано, трех саженой длины, и местные люди сообщали, что ежели к закинутому ярусу подходит стадо этих чудовищ, то даже самым смелым поморам приходится уходить от них подобру-поздорову, предоставляя им путать ярус сколько угодно и пользоваться насевшею на крючки его треской.

Великий Князь переехал к китобойному заводу на вельботе и прошел к нему сквозь небольшую арку, обвитую мхом, по которому выделялись яркою желтизной своею желтоголовки, купавки, эта желтая роза наших северных пажитей; почему заходит на север так далеко желтоголовик и совершенно не видно нашего плебейского одуванчика и лютика, сказать трудно. Небольшой домик управляющего стоит на довольно возвышенном перешейке, между малым и средним рукавами, соединяющими Урскую губу с океаном, и вид от него, как на губу, обставленную скалами, так и на открытую воду океана, очень хорош. Ожидание наше увидеть полуночное солнце и на этот раз состояться не могло, так как легкие облака затягивали небо; полуночный свет одевал скалы своими как бы бесцветными, безжизненными тенями. Дневным светом назвать его нельзя, но это ни в каком случае не полусвет наших петербургских летних ночей, а что-то такое странное, среднее, хочется сказать — бесполое, если только подобное выражение может быть допущено. Силу этого света можно, конечно, определить, — на то есть всякие приборы, — но едва ли можно с такою же точностью определить влияние, им производимое. Этот не погасающий к ночи свет обуславливает невероятно быстрое развитие местной растительности; в течение шести недель здешняя трава зеленеет, цветет и дает семя; это жизнь без отдыха, жизнь запоем, и если вы человек нервный, то полное отсутствие ночи едва ли может действовать на вас успокоительно.

На заводе, как сказано, смотреть было нечего, и Его Высочество ограничился расспросами о его деятельности, о средствах, о намерениях. Заговорив с поморами, находившимися на берегу и приветствовавшими Великого Князя, Его Высочество сказал им между прочим, что недавно видел их жен, оставшихся в Кемі. Вероятно, они были рады услышать такую неожиданную, самим Великим Князем сообщенную, весточку, но особенною откровенностью чувств поморы не отличаются, они сосредоточенны, опасливы. На вопрос, им сделанный, о том, какой это сарай или домишко поставлен у самой воды, один помор ответил: «Тут уголь живет»; оказалось, что это угольный сарай. У поморов «шкуна живет», «волны в море живут», медведь на зиму в снег зарывается «голодом жить». При расспросах о заработках нынешнего лета, когда зашла речь о большой буре 30 мая, поморы с невозмутимым хладнокровием сообщили, что в Еретиках было нехорошо и что у них потонуло до пятидесяти человек. Эти люди родятся в смелости и опасностях, и все им нипочем. Стоит вспомнить хотя бы один только «торосной промысел», несущий свое имя от «торос» — нагромождения одна на другую льдины, составляющие зимою «припаи», то есть бордюры льдов вдоль берега, на краю незамерзающей океанской воды. На эти торосы взбирается морской зверь: тюлень и нерпа; сюда же идет промышленник в глубокую зиму, верст за двести от жилья, и ночует под открытым небом. «Сколько их, наших, поуносило!» — говорит помор, вспоминая об оторванных льдами и безвестно погибших.

На «Забияку» возвратились мы около полуночи. Ни одной звезды не поблескивало по светлому небу, и слегка темневшие по обеим сторонам бухты фактория и становище опускали свои длинные отражения в тихо колебавшуюся воду и казались рослее, богаче, люднее, чем на самом деле. Поверх становища на скале вырисовывалась небольшая деревянная церковь, построенная кольским городским головою Хипадиным. С мостика клипера можно было видеть, что в глубину матерой земли бухта разветвляется, скалы становятся ниже, как бы милевиднее; нам говорили, что там есть луга и лес растет.

Утром следующего дня, 22 июня, Его Высочеству угодно было выйти на китобойном пароходе «Елена», чтобы спуститься где-либо на самое побережье и осмотреть какое-либо людское поморское жилье. Пока пароход разводил пары, в самой бухте, ближе к южному берегу, произведены были опыты взрыва двух учебных мин; распространение сферы действия их в воде сказалось очень наглядно по всплывшей на поверхность воды массе оглушенной рыбы.

Небольшой пароходик «Елена» резво выбежал в сторону к океану, по волнам синим, в полном смысле этого слова, так как день был удивительно светел и океан играл самыми роскошными красками. Держали к северо-востоку и сделали первую остановку там, где замечен был в расселине скалы лопарский чум. Съехав на берег, Великий Князь пошел скалистым берегом. Поднялись на скалу. Путь этот был совершенно адский, так как тут, конечно, не было никакого пути, предстояло двигаться вдоль поэтической мостовой, сложившейся самопроизвольно из всяких катышей и голяков. С удивительною равномерностью чередовались по этому пути полосы снега и полосы местной флоры.

Снег был, видимо, на убыли, потому что из-под довольно громоздких пластов его сбегала, журча, вода; растительность вся, какая была, мелка и небогата количеством видов; эти белые ягели, эти вороницы с розовыми цветочками, главные, заглушающие всех остальных собратий представители северной флоры, эти приземистые кустики можжевельника и березки-лилипута — все это поблескивало на ярком солнце полною жизнью, жизнью целых двадцати четырех часов в сутки. На котловинах, обращенных к югу и защищенных вполне от дыхания севера, будто в парниках густели травы, точно толкая одна другую, так их было много. Желтоголовиков виднелось больше других; белели нежные цветочки морошки, кустилась брусника, попадалось нечто вроде молочая и блеснул в одном месте своим ярко-розовым цветком небольшой «шипишник», *Rosa canina*, мелкая, очень мелкая, но тем более яркая и заметная. Виднелись повсюду кучками желтые звездочки небольшого растения, вероятно, того же вида, что и «молодило», *Sedum acre*, любящего скалы и пески. Попадалась и брусника; говорят, что встречают-

ся места, усыпанные ею, и тогда они издали резко краснеют, отсюда слово «брусняветь» — краснеть, «девица бруснявет»; места, обильно покрытые цветами или ягодой, называют здесь «грусна». Не так уж гол и мертв оказался Мурман, как его описывают, думалось нам, проходившим подле цветов; впрочем, надо заметить, что экземпляр «шипишника», попавшийся на самом, так сказать, краю Севера, если не исключение, то все-таки явление довольно редкое; это был, вероятно, какой-нибудь искатель приключений, нечто вроде Христофора Колумба или Ермака растительного царства.

Подняться на Мурман на 500–600 футов по скалам вовсе не легко. За вершинами их в бесконечную даль матерой земли пейзаж, по заверениям местных людей, однообразен до невероятия. Это бесконечные тундры, болота, низкорослый лес, совершенное отсутствие людского жилья и дорог, если не считать одиноких, разбросанных на великих расстояниях охотничьих сторожек и тропинок — «путиков», охотниками проложенных. Вот и все, что одевает гранитные основания подпочвы. Удивительная эта страна, Север. Как поражаетесь вы полуночным солнцем, как не сразу увидите играющего пред вами в море кита, так точно не заметите вы того, что называет местный охотник тропочкой, «путиком». Вам говорит охотник, что вы стоите на «путике», что вон он там, дальше, тянется, но вы решительно ничего не замечаете, кроме бесконечной крупной сыпи камней да торчащих между ними кустиков и стволиков растительных лилипотов, покрытых мелким буреломом, от которого в глазах пестрит; так она, окрестность, сера, бесконечна, безотрадна.

А между тем в этих сумрачных пажитях глубокого Севера есть много жизни, своеобразной жизни. По бесконечным озерам и моховым болотам на короткие сроки прилетают бекас, дупель, утка и всякие шнепы в количествах невероятных; там, где в силу особенно счастливых условий защищенный от севера разросся лесок, никем не меренный, мало кем пройденный, там то и дело шарахается в сторону от вас куропатка, рябчик; толкуют, что был такой год, 1860-й, что тетерева сидели в Архангельске, в самой столице Севера, по крышам. По озерам, роняя в тихую заводь залива свое острое отраженье, виднеются целыми стадами журавли, те

самые, что тянутся, покрикивая, в марте месяце над южной Россией сюда, к северу; по песчаным отмелям «жируют» гуси и жестоко бьются друг с другом турухтаны в своем роскошном весеннем оперении, которое они очень скоро, как только пройдет охота драться и любить, потеряют. Говорят, что лебедь, самку которого убил охотник, ежегодно прилетает все на то же озеро и остается всегда одиноким; об этом рассказывает Брэм, но совершенно самостоятельно и, наверно, не читав Брэма, говорили нам и местные охотники. Особенно много чириканья и посвистов в северных странах не раздается. Есть одна гагара, которую называют здесь «ревухой»; «пугачом» называют тут особый вид крупного филина, *Strix bubo*, голос которого, раздающийся только ночью, составляет отличный припев к неприветливым очеркам глубоко безотрадного гранитного пейзажа. Характерно то, что у поморов птицы «говорят», а не поют, свистят или чирикают.

Это все в ветвях над землей, а на самой земле есть своеобразная, тоже широкая жизнь. Волк не менее, чем небрежность лопаря и страсть его к норвежскому рому, сильно уменьшил когда-то многотысячные стада оленей; попадаетеся тут и «белый волк». Дальние родственники волка — одичавшие собаки, ходят здесь, например в Керетьской волости, целыми стадами и устраивают на оленей правильные охоты. Подтверждают рассказ о том, что куница перегрызает птице горло, вцепившись в нее и не оставляя ее на лету. То же продельывает и ласка. Тигром здешних лесов считается россомаха; рысь тоже водится, и один экземпляр ее, как говорят, жил целую неделю, опять-таки в Архангельске, в столице Севера, и только с трудом был убит. Медведь к самой окраине Мурмане не подбирается: леса для него мелки и малы.

Как бы в подтверждение несомненного присутствия зверя, в очень недалеком расстоянии от Великого Князя протянула по белому снегу крупная хвостистая лисица; резкая, почти черная тень волочилась подле нее по снегу; лисица эта, вероятно, имела свой «путик», свою тропинку, по которой следовала. Мы взаимно полюбовались друг другом и разошлись.

Мы сошли на берег с тем, чтобы посетить видневшийся между скалами чум. Так как время было теплое, то вход

в него был открыт и оленья шкура, закрывающая его, отворочена. Чум, лопарский чум, это один из первообразов человеческого жилья, перед которым мы стояли. Применившись к местности, как применяется гриб, когда он растет между кореньями, потягиваясь к свету и теплу, приютился чум в глубокой расщелине скалы, между навороченными от века камнями, защищенный ими ото всяких ветров. Чум — это вязанка жердей: с одного конца, сверху, они связаны так, чтобы между концов оставалось небольшое отверстие для выхода дыма; с другого концы жерди раздвинуты по кругу и понатыканы в землю, в мох, в расщелины между камнями. Поверх этих жердей наложен слой где дерн, а где и досочки; на местах менее прочных настлана оленья шкура, и все это скреплено одно с другим чем Бог послал: веревочкой, прутьями, плетенкой морской травы. Чум этот — полная собственность лопаря. Подобные места по побережью насиживаются, как места нищих у той или другой из папертей церковных. На зиму лопарь уйдет в свое зимнее становище, состоящее тоже из чумов, только покрупнее, и расположенное где-нибудь поблизости, на матерой земле; он захватит с собою то, что поценнее: образочки, оленьи шкуры, посудину; он вытащит на берег свою лодчонку, оставит свой чум до следующей весны и вернется к нему в полной уверенности в том, что никто другой не займет его. Это взаимная гарантия самых бедных на свете людей, прочнейшая, чем всевозможные писанные условия.

Вероятно, что приближение многих человек, не дававших себе обета молчания, движение их по гранитным катышам, перевертывавшимся под ногами, было издали замечено обитателем чума. Внутренность чума гораздо прочнее и приятнее его внешности: оленьи шкуры были разостланы по земле; прямо против входа, мелькая из-за дыма костра, разведенного посредине, виднелись несколько образочков, створней, поставленных на почетное место, на низенькую скамеечку; небольшая кошка — одно из приятнейших достояний лопаря — присоседилась к ним. На жердях висело большими комьями вяленое мясо. Это было китовое мясо. Лопарь объяснил, что его пищу составляет не одна только рыба, но и это мясо, добываемое «даром» с ближайшего

Урского завода, и что с тех пор, как китовые туши по снятии с них жира идут в Арский завод, эта статья хозяйственного обихода, пожалуй, прекратилась.

Не верилось сказанному, но не верить не было достаточной причины; мы вернулись на пароход с запасом нового, довольно сильного впечатления и пошли на запад, чтобы остановиться вторично для присутствия на рыбной ловле. На этот раз невод доставил штук тридцать камбал, крупных и мелких, желтоватых и темноватых, и все они были забраны нами, потому что особенного богатства в припасах наших мы давно уже не знали. Всякое приобретение казалось блaggим, в особенности если это были свежие, жирные камбалы. При морском плавании по таким пустырям, как Мурманское побережье, сохранение припасов — вопрос существенный; были дни, что соленое и копченое составляли главный предмет нашего стола; брали мы с собою живых телят и кур, но количество того, что можно было приобрести, оказывалось далеко не достаточным для всего экипажа и персонала, и если бы не рыбное, имевшееся всегда в изобилии и первого качества, то человеку мало-мальски избалованному было бы не совсем приятно.

Около 1 ½ часов дня, 22 июня, оставили мы Еретики. Согласно ходатайству местных людей, Его Высочество соизволил на то, чтобы в установленном на то порядке бухта Еретики была переименована в бухту Владимирскую.

Нам предстоял переезд очень небольшой, всего в 2 часа времени, к Кольской губе и далее к городу Коле, оставшемуся к югу от нас. С этим вместе началось наше обратное путешествие.

Кольская губа

*Екатерининская гавань. Ее история. Надежды Поморья.
О мурманских гаванях и бухтах вообще. Вопрос воен-
ный и вопрос промысловый. Абрамова пахта. Прибытие
в Колу.*

Глубокий север — 68° северной широты, далеко за полярным кругом. Здесь, после двухмесячной ночи, по народной примете, только с Василия Солноворота — с 1 января — опять «заотсвечивает», т. е. днем светить начинает.

Да не ошибаемся ли мы, так ли это? Чудеснейший день; термометр показывает в тени 20°, и навстречу «Забияке», входящему в Кольскую губу, чуть слышно веет теплый южный ветер. Едва только направились мы к губе и стали поворачивать в нее, не доходя острова Кильдина, как сумрачное обличье Мурмана будто свеялось, исчезло куда-то. Тут, у входа в Кольскую губу, словно огромные зевы раскрываются к океану многие губы, которыми побережье изрезано совершенно; вот слева губа Волоковая, справа — остров Торос, губы Кислая, Сайда, Оленья, Пола. Пред нами тянулась в глубь материка как бы широкая, очень широкая река, обставленная горами, футов в 300–400 вышиной, густо поросшими довольно высоким лиственным лесом. Глаза наши отвыкли от этой яркой, позлащенной солнцем зелени, и вот она опять перед нами, изумрудная, светлая, спускающаяся с вершин вплоть до синей волны, нежно обмывающей ее корни, и это рядом, бок о бок с Мурманским побережьем! Будто воспоминание Мурмана, его жилистых очертаний, его неприветливых теней, там или тут высится в зелени отдельная скала, часто совершенно отвесная, называемая тут «пахтой», но зелени много и на ней.

Север ли это, Мурман, или, может быть, кусок Волги, подле Жигулей, чудом перенесенный к Ледовитому океану

и подсунутый под «Забияку» с полной обстановкой иной, южной картины? Говорят, будто возникали подобные неожиданные картины в степях южной России, ублажая очи шествовавшей когда-то великой Императрицы.

Обратимся, однако, для проверки самого себя к книжкам, к точным исследованиям, и тут первое место как по добро-совестности, так и по новости должно быть отдано книжке «Мурманский берег в промысловом и санитарном отношении» врача В. Гулевича, одного из главных работников Архангельского санитарного отряда. Вот главные данные средней температуры Мурмана по Реомюру: зима — 6 градусов, весна +2,29, лето +8,95, осень +2,5; 20 и более градусов тепла в июне, июле и августе месяцах не редкость. Океан по Мурману зимой не замерзает никогда; по нему плавают льдины, не мешающие движению судов; обмерзают иногда берега на недолгое время так называемым «припаем», который очень быстро разбивается и образует местами «торосы», ледяные горы; совершенно замерзают только небольшие бухты.

Судя по этим коротким, но ясным данным, несомненно, что нельзя считать Ледовитый океан по Мурману побережьем закрытым. Говоря об Устьеге Великом, сообщали мы, что разница между продолжительностью навигации Петербургского порта и Архангельского не превышает 30–60 дней, но это для Белого моря, имеющего нехорошую привычку замерзать, а не для Мурмана. Вопрос о сроке плавания по Ледовитому океану настолько существенно важен для нас как с военной, так и с торговой стороны, что о гаванях и бухтах нашего побережья мы должны поговорить подробнее; это будет совершенно кстати после посещения Екатерининской гавани, предстоявшего нам немедленно по входе в Кольскую губу.

Около 4 часов пополудни круто повернул «Забияка» вправо, в губу Палу, и немедленно переменял в ней курс налево. Это и была Екатерининская гавань. Мы уменьшили ход для того, чтобы прогуляться по ней и напомнить нашим военным судном и его флагом берегам ее, забытым и молчаливым, то время, когда гостили в ней наши флоты минувших царствований прошлого столетия. Было что-то необычно приятное знать, что забытое не совсем забыто и что историческое воспоминание все-таки великая сила, никогда не иссякаю-

щая мощь. Просторная гавань, с тихо плескавшеюся водой, широко раскидывалась вокруг нас, обрамленная скалами, украшенными зеленью лесов. Широкий круг чертил по ней «Забияка», и чудеснейшая декорация кружилась по кругу, как панорама на шкворне, на могучем винте клипера.

Гавань не особенно велика: в ней две версты длины, одна ширины; замерзает она, и то не всегда, только на 1 ½ месяца. Это не бухта, это собственно пролив между островом Екатерининским и матерью-землей. Все берега ее чисты и приглубы, подле них 9–10 саженей глубины; подальше от 60 до 100 саженей. «Нельзя вообразить себе, — говорил Рейнке, — стоянки безопаснее и спокойнее»: единственное неудобство ее — это узкость входа, не допускающая лавировки, что, как известно, для судов с паровыми двигателями вопрос третьестепенный. С давних, давних лет была Екатерининская гавань на виду и считалась кладом, так как выход из нее весной и возвращение в нее позднюю осенью, что существенно важно для успеха промыслов, представляются вполне удобными. Недаром стремятся наши промышленники, еще в марте месяце, к соседней с нею Коле, составляющей главную станцию их на пути к Мурману. С 1741 по 1744 год зимовали в Екатерининской гавани наши военные корабли, так как в Архангельск войти они не могли, вследствие Березовского бара. В 1741 году произведен был подробный осмотр гавани и снятие ее на план; в 1742 году вторично. В апреле месяце 1748 года адмирал Брендаль, зимовавший тут с флотом, получил приказание идти отсюда с двумя соединенными эскадрами в Балтийское море, но оказалось, что кедровый лес, из которого была построена «Диана», «есть как губка», что на двух фрегатах не хватает 48 пушек, а вообще нет пороху, нет мундиров и люди по восьми месяцев жалованья не получали. Так рапортовал Брендаль посылавшей его в Балтику Адмиралтейств-коллегии. В 1744 году из Екатерининской гавани ушли — и на этот раз чтобы более не возвращаться — наши последние три военных корабля.

Навсегда ли? «Забияка» давал по ней большой круг.

Мы сообщали уже о тех печалях поморов, которые были поведаны нам по поводу уступки Норвегии нескольких лучших незамерзающих гаваней. Но что с возу упало, то пропа-

ло, надо беречь остальное. Арская губа не замерзает никогда. Териберка — не совсем; Еретики сковываются льдом недели на две; Екатерининская гавань — это то место, из которого промысловый пароход, прозимовав, может направиться к Новой Земле уже в марте месяце и помешать норвежцам снимать богатые сливки с наших моржовых промыслов. Мы называли только места, посещенные нами, но есть целый ряд других, не менее, если не более удобных: губы Зеленецкая, Шельпинская, Харловка, Семь-Островов, Лица. По обширности, безопасности и удобству лучше прочих бухт Екатерининская и Зеленецкая.

Вопрос о спокойных стоянках на нашем северном побережье — вопрос очень важный и давно уже вызывал всякие изыскания и соображения. В вопросе этом, собственно, две стороны: одна — промысловая, другая — военная; для того и другого совсем разные требования, но чтобы наше северное Поморье оставалось таким беззащитным, как в настоящую минуту, это нежелательно и невероятно. Если рельсы соединят Волгу с Северною Двиной, что несомненно должно совершиться, если значительная часть грузов направится не к Петербургу, а к северному побережью, то неужели же только старички «Бакан» да «Полярная Звезда» будут представлять здесь от имени нашего флота, а остатки земляных валов, поднятых против англичан в 1854 году руками горожан и монахов в Онеге, Коле, Кеми и Соловецком монастыре, примут на себя обязанность внушать людям почтение к нашей береговой обороне? Это немыслимо.

О промысловых гаванях на Мурмане у нас от поры до времени за последние годы подумывали. В 1871 году при Министерстве финансов образована была особая комиссия для рассмотрения в этом отношении различных предположений. От этой комиссии, нашедшей необходимым устройство хорошего порта, была отправлена на Мурман подкомиссия; решено было задаться мыслью устройства порта, свободного ото льда, лежащего приблизительно на полпути от Норвегии к Архангельску, в котором могли бы быть поставлены всякие склады, начиная от угольных. Такою гаванью предположена была комиссией губа Могильная, находящаяся на южной части острова Кильдина, в которой с устройством мола полу-

чилась бы прекрасная стоянка в 12–14 верст в окружности. Тут, в защите ото всякого ветра, подходя к берегам вплотную, суда могли бы запастись всем необходимым; тут были бы: мировой судья, становой, судебный следователь и врач с больницей. Мнение комиссии расходилось по-видимому с мнением департамента мануфактур и торговли, останавливавшегося на губе Ура. Близки ли были все эти предположения к осуществлению — неизвестно, но верен самый факт, что вопрос об устройстве торгового порта поднимался.

Былое Екатерининской гавани гласит, как сказано, о том, что в ней гостили и флоты. Если поискать хорошенько, то и кроме Екатерининской гавани найдутся для той же цели и другие, хотя бы близ Святого Носа, у Иоканских островов. Мечта мечтой, а дело делом, и можно бы, пожалуй, рискнуть изображением следующей мысли: если бы Петр Великий почувствовал всю тяжесть нашего положения в Дарданеллах и Зунде, он едва ли бы обошелся с Архангельском так бесцеремонно, как обошелся с ним, открывая все льготы в пользу Петербурга и Балтийского моря. Иметь море и не пользоваться им — это действительно странно, и Петр Великий непременно обратился бы к нему. Мурман с его неисчерпаемым рыбным богатством, не особенно далекий от Петербурга и Москвы, был всегда Золушкой по сравнению с каспийскими рыбными и тюленьими промыслами. Архив Министерства государственных имуществ за 1850–1870 годы хранит множество бумаг, касающихся последних; не проходило месяца, чтобы какое-либо мероприятие не восходило до Сената, Комитета министров, Государственного совета, до Высочайшей власти; там устроено было и действует по сегодня особое управление, имеется с 1870 года свой пароход, а с 1867 года управлению и всем судам, находящимся в его распоряжении, дан был даже особый флаг и вымпел. Это все для Каспия; для Мурмана до семидесятых годов не сделано было ничего или очень мало, и северное побережье наше не только в натуре, но и в государственном сознании заволакивалось туманами. С Высочайшего соизволения в сентябре 1882 года учреждена была в Архангельске временная совещательная комиссия о потребностях северного края; в октябре того же года особая на этот предмет комиссия при Министерстве финансов,

окончившая свои работы в апреле 1885 года. Меры, ею проектированные, находятся и по сегодня в рассмотрении.

«Забияка», дав круг на Екатерининской гавани, в зеленом кольце ее берегов и в молчаливом, незримом присутствии воспоминаний, вышел снова в Кольскую губу и направился прямо к югу. Эта губа действительно похожа на извивающуюся реку. Некоторые называют всю ее рекой Колой, и это, пожалуй, имеет некоторое основание, потому что близ города Колы губа как бы образуется от слияния двух рек — Колы и Туломы. «Кольская губа что Московская тюрьма», говорят поморы, изображая этим довольно неудачно ту особенность ее, что она, не замерзая во всю зиму, иногда в начале марта покрывается льдом и стоит под ним за Благовещенье, мешая промышленникам, собравшимся в Колу, выйти в океан.

В восьми верстах от города, уже к вечеру, бросили мы якорь подле Абрамовой «пахты», то есть скалы, и Анна «корги». То есть обсушной, песчаной мели: слева от нас поднимались обросшие сплошным лесом, довольно пологие, но не менее возвышенные горы, а подле самой воды виднелся лопарский чум. Скала Абрамова пахта, отвесная, в 100' вышины, совершенно темная, была усеяна, будто светлым бисером, по всем выступам своим морскою птицей; иногда бисер этот приходил в движение; одни из белых бисеринок перелетали к другим, будто делая друг дружке визиты; белые полосы помета нависали по скале отовсюду, и немолчные крики доносились до нас издали, когда «Забияка», выпустив все свои пары, окончательно замолчал; это были, должно быть, разговоры при визитах птиц, более или менее интересные. С якорного места нашего еле-еле виднелась, едва поднимаясь над водой, Кола.

Так как было предположено на завтра, воскресенье, 23 июня, быть у обедни в Коле, то весь вечер представлялся свободным. Двое из нас, путников, пошедших на охоту без собак, конечно, на авось, видели целую массу куликов на берегу и много куропаток и тетеревей, то и дело выпархивавших с великим шумом по зеленому лесу. Ходьба по лесу была очень трудна, так как почва — не что иное, как груды валунов, обросших мохом, между которыми, неизвестно чем питаюсь, растут: ель, сосна, береза, ива. Ходьба по берегу, по сыро-

му песку в час отлива была гораздо приятнее; оставленные водой гроздь морской капусты, *Scladnaria maritima*, пощелкивали под ногами; длинными, зелеными прядями лепились по мокрым камням густые бороды всяких топняков и нитчанок; розовые, белые и голубоватенькие ракушки виделись повсюду; ходить было хорошо, но надо было подумать о возвращении к берегу, так как прилив, следовавший непосредственно вслед за отливом, набегал очень быстро, так быстро, что не в шутку легко можно было быть отрезанным от земли; кругом никого — делай тогда, что хочешь.

Вечером этого дня Его Высочество посетил кают-компанию, и мы пропели Великому Князю хоровую: «Кому чару пить, кому выпивать», чествуя Высокого Гостя радушною, идущею от русского сердца хоровую песнью.

Около 9 часов утра следующего дня, 23 июня, спущен был с «Забияки» паровой катер и вельбот, и при довольно сильном ветре направились мы к обедне в Колу. Вельбот, на котором следовал Великий Князь, шел на буксире парового катера. По мере приближения к Коле залив становился все уже, все более похожим на реку; городок вырастал своими небольшими очертаниями на песчаном, обросшем сочною травой мысу, образуемом слиянием рек Туломы и Колы. Долины этих речек, уходившие вглубь, делили — так казалось — Кольскую губу надвое; особенно широкою, уходившею в холмистую голубую даль, была долина реки Туломы; тут была целая анфилада гор. Резче всего белела на берегу городская церковь, а за городом поднималась между двух долин гора Соловарака, в 250 футов вышины; «варака» по-фински значит «скала», гора «соло» — солнечная. Слева от нее, выше других, почти против города поднималась гора Горела. Берег был усыпан народом или, лучше сказать, женщинами, так что тут повторялось то, что было в Кеми: пред нами возникал из воды амазонский город северного побережья, та же пестрота, тот же характерный тип одеяний, и звон колокола, и «ура!».

Вот мы наконец в самом северном городе России, в Коле. Это древние, древние места новгородской жизни, и несколько исторических черт будут нелишними именно на этом месте.

Кола

*Любопытные исторические данные. Нападение англичан.
Метеорологические особенности. Репутация Колы. Посе-
щение церкви. Опять женщины. Вид города. Кладбище.
Гора Соловарака. Лопарская выставка. Песня и пляска.
Возвращение на «Забяку» и отплытие.*

Чуть не семьсот лет тому назад основана Кола новгородцами. В договоре великого князя Ярослава Ярославича с новгородцами, еще в 1264 году, значится, что в Коле управляли мужья новгородские. Из бояр новгородских видными владельцами здесь были Строгановы, что ясно из грамоты, данной Печенгскому монастырю. В 1500 году был тут крепкий острог, отбивший нападение шведов; он служил местом ссылки. В 1590 году шведы разорили Троицкую Печенгскую обитель, основанную в 1533 году крещеным евреем Трифоном, и она перенесена в Колу, а затем упразднена. Царь Михаил Феодорович снабдил несудимыми грамотами проживавших в Коле старцев, слуг и крестьян Соловецкой обители. В 1664 году царь Алексей Михайлович определил сюда стрельцов и воеводу. При Петре I крепостца перестроена, вооружена 53 пушками и снабжена гарнизоном; при Екатерине II в ней оставалось только 35 пушек, а затем крепость предана разрушению, но почтенные остатки ее видны кое-где и до сих пор.

В 1809 году Кола испытала характерное нападение англичан; они послали в нее со своего флота две шлюпки с 35 матросами; Кола имела тогда гарнизоном всего 50 инвалидов и ни одной пушки. Горожане, завидев врага, немедленно ополчили 800 человек и передали начальство над ними купеческому сыну Герасимову. Этот купеческий сын задумал было взять англичан живьем в плен, преградив им отступление, но исправник (?) Владимиров предпочел встретить англичан иначе и великодушно отдал им свою шпагу. Час спустя по выходе на берег все англичане были мертвецки пьяны и убра-

лись с трудом, потому что горожане, удалившиеся на гору Соловарака, стали мало-помалу возвращаться; более трезвые из англичан положили совсем пьяных товарищей в кольские карбасы и перевезли к своим кораблям. В 1854 году опять-таки англичане бомбардировали Колу и сожгли 64 дома, следы чего видны и до сих пор. Все вооружение Колы тогда состояло из двух орудий: у соляного магазина находилось одно, фальконет без цапф, привязанный к двум бревешкам, заменявшим лафет, а у древней башни — древнее большое орудие с отбитою наискось дульною частью. Но жители все-таки хотели защищаться; они нашли эти оба орудия в Екатерининской гавани и перевезли их с великими затруднениями, чтобы дать неприятелю отпор. Защитой Колы руководил Бруннер, о котором мы говорили при воспоминании о бомбардировке Соловецкого монастыря. Одна из этих курьезных пушек красуется и теперь подле церкви за оградой.

До 1858 года Кола была городом заштатным, затем уездным, потом опять разжалована и в 1882 году повышена снова в уездные. С 1877 года тут есть метеорологическая станция. Здешнее обширное лесничество — что очень характерно — приносит казне всего 5000 руб. дохода, потому что в нем около 8 000 000 тундр, не производящих ничего, кроме лишаев. Ни больницы, ни аптеки в этом уездном городе нет; только что утверждена больница на шесть кроватей, но уездный врач имеется налицо.

В 1867 году архангельский вице-губернатор Сафронов нашел в Коле, бывшей тогда тоже городом уездным, «одного чиновника, правившего должности исправника, городничего, судьи, казначея и стряпчего; одну кобылу и одни дрожки». Видимо, недовольный Колой, вице-губернатор замечает, что «кто же пойдет на север в челюсти полюса?». Другие мнения о городке гораздо лучше. Живший здесь довольно долго судебный следователь находит здешний климат без сравнения лучше петербургского, а шведский профессор Вульфсберг считает его даже лучше итальянского! С 13 ноября по 9 января солнце здесь на горизонт не выходит и в пасмурные дни света не бывает совсем, а только сумерки. С 20 мая по 10 июля, наоборот, солнце с горизонта не удаляется вовсе. В последние зимы холод не превышает 35 ½° по

Реомюру. Сравнительная резкость в количестве тьмы и света обусловила, вероятно, существование поговорки, гласящей о Коле: «город уда, а народ крюк»; сложилась она, без сомнения, в те дни, когда большинство маленького населения, не достигающего тысячи человек мужчин и женщин, были сутягами; с кем и почему сутяжничали они — необъяснимо. Вообще, если судить по поговоркам, репутация Колы очень незавидна: «в Коле с одной стороны море, с другой — гора, с третьей — мох, а с четвертой — ох!»; «кто в Коле три года проживет, того на Москве не обманут». Есть еще и другие поговорки — похуже.

Велико было в былые годы обилие рыбы в Кольской губе. Рассказывают, будто в 1825 году жители черпали тут сельдей ведрами, а ранее того, в 1777 году, на отмелях обсохло однажды стадо сельдей по колено вышиной. Изобильны в Кольской губе, как мы говорили раньше, и акулы. По словам вице-адмирала Рейнеке, сюда заходило столько акул, что сами промышленники молились об избавлении их от этих чудовищ. Акул бывало так много, что их по зарок не ловили вовсе, но когда принялись за них снова, то промышленник в одну ночь зарабатывал на 25 рублей: «Страх забирал глядеть, — говорили они, — как потянут двухсаженную рыбу, а другие, окружив шняку, десятками высматривают из воды, чернея на ее освещенной огнем поверхности своими чудовищными спинами». В прежние времена за недостатком стекол из кожи акул делали «окончины». Заходят в Кольскую губу и киты. Г. Кушелев очень красиво описывает мародерство норвежских китобойных пароходов в наших заливах и бухтах. По десяти и более пароходов вторгаются в залив вслед за китами: «Подводные частые взрывы как попавших в китов ядер, так и ударяющихся в дно; резкий свист пара; шумные плескания издыхающих китов, до пены взбивающих могучими хвостами и плавниками неглубокие воды маленькой бухты; грохот и лязганье цепей и якорей; визг быстро выбираемых талей; крики и возгласы команды; хриплые команды шкиперов; глухой гул морского прибоя; гудение и свист ветра в снастях». А на берегу? Что делается в это время на берегу? Киты вошли в бухту вслед за мойвой; мойва исчезает; промышленники наши остаются без наживки,

и неудивительны неистовые причитания наших мойвенных артелей, пред глазами которых совершается все описанное.

Кола как центр китобойного промысла нашего была намечена давным-давно. В 1723 году иноземец Гарцин представил Петру I проект учреждения китоловной компании, и тогда же велено было построить для этой цели в Архангельске 3–4 корабля и отправить их в главный операционный пункт — Колу. Корабли эти строил Баженин, и один из них назывался «Вальфиш». В 1803 году по ходатайству министра коммерции графа Румянцева устроена была «Беломорская компания» для сельдяных и китоловных промыслов; складочным местом назначена опять-таки Кола; стоянкой для судов — Екатерининская гавань. В 1813 году компания эта прекратила свои действия.

Из коротенького очерка прошлого Колы видно, насколько городок этот представлял интереса. Наш паровой катер и вельбот на его буксире не могли подойти к пристани, устроенной на реке Туломе, шагов на сто расстояния; тут поставлен был на якорь баркас, за который мы и придержались. Между баркасом и берегом Тулома бежала очень быстро по мелкому каменистому ложу; пришлось пересечь на маленькие лодочки и перемахнуть через стремнину, не менее быструю, чем в Кеми, но не порожистую. Великий Князь вышел на берег первым и направился немедленно к церкви, пешком, конечно, потому что и тут лошадей в заводе нет. Солнце блистало вовсю и небо было глубоко лазурно; сине-зеленая бухта, такая же река, кружная панорама гор, уходящих вдаль долиной Туломы, были в полном смысле слова роскошны. Женская толпа, закрыв от нас Его Высочество отовсюду, отвалила вслед за ним, окружая плотным кольцом пестрейших одеяний и златотканых сарафанов, кокошников и кацавеек, называемых здесь «коротенька», не имеющих талии и снабженных массой прямых жестких складок, идущих, как во времена Марфы Борецкой, от шеи вниз, как бы полураскрытым веером. Некоторые из головных, ярко блиставших золотом на солнце, кокошников достигали одного фута и более вышины; самостоятельный предмет украшения составляют здесь цепи на женских шеях, начиная от тонких до грузных серебряных, золоченых, перевитых жемчугом. Так и вспоминался

Лопарь с болком

богатый древний Новгород, прямыми потомками которых являются эти колянки. Существует поговорка: «Кола — бабья воля», что, по объяснению Подвысоцкого в его замечательном «Словаре архангельского областного наречия», значит, что колянки при крепком, дюжем телосложении отличаются энергиею и крутою самостоятельностью не только в хозяйстве, но и в морских промыслах, управляя нередко судами и ходя до Норвегии.

Когда толпа от берега отвалила, непривычно было нам видеть полное отсутствие над нею пыли, обыкновенно окружавшей Великого Князя столбом. Это потому, что вся Кола, невеликая Кола, разместилась без улиц, вразброс и стоит на зеленой, сочной мураве, вырастающей здесь на песчаной почве, искони веков сложенной обеими реками — Туломой и Колой. Жестоко была примята эта трава могучими ножками колянок, шедших за Его Высочеством, и стоило только следовать этою примятою стезей, чтобы дойти до церкви, видной, впрочем, близехонько и без того.

Небольшая каменная городская церковь снабжена луковичеобразным куполом и шатровою колокольней и лежит в уровень с остальными строениями города, тоже на зеленом лугу; купол и верх колокольни зеленые, стены выбелены; церковь небольшая, в два света, с белым деревянным иконостасом. Литургия только что началась, и мы отстояли ее, относясь, конечно, довольно снисходительно к самоучкам-певчим. Есть в городе и другая церковь, кладбищенская, деревянная; она расположена против городской церкви на островку, образуемом порогами реки Колы; серенькая, неподновляемая, она видимо идет к разрушению, и нижняя часть ее резного иконостаса уже выбрана и заменена какою-то серою коленкоровою завесью. Вокруг церкви на островке кладбище; есть много старых, даже провалив-

шихся, полуоткрытых, зияющих могил; тут, судя по надписям на разбитых, накрененных плитах, в мире почивают древние исправники и другие люди, власть имевшие. Перевоз покойников на этот островок не всегда удобен; в весеннюю и осеннюю воду река Кола давно уже и не раз промыла проветривающиеся сегодня могилы: в них вероятно, и костей не сыскать. От этой церкви очень хорошо видна стоящая над Колой гора Соловарка, или Соловарака, едва поросшая кустарником, гора довольно простого, утомительного очертания;

Лопарка с кережкой

слева на ней заметен совершенно гладкий песчаный откос, след землетрясения, приключившегося в 1872 году, в феврале, в самую мясопустную субботу. Говорят, что это было в 4 часа утра; у надзирателя шел пляс и подземные удары длились около пяти минут. Соловарака дала большой оползень к реке Коле и обнажена одним боком и до сих пор.

По выходе из церкви Его Высочество, направляясь к дому Хипагина, бывшего городского головы, построившего в Еретиках церковь, осмотрел своеобразную выставочку местных предметов, устроенную на зеленой мураве недалеко от церкви. Тут была разбита лопарская палатка «куйвакса», состоявшая из жердей, обтянутых парусиной, и населенная обильною семьей лопарей; характерны детские «зыбки», маленькие саночки, в берестовых очертаниях которых, как тела египтян в мумиях, покоятся ребяташки, лежащие обязательно носами кверху. Тут же видели мы два главные дорожные санные экипажа: «кережный болок» открытый, и такой же под парусинным колпаком, называемым «волчок»; они назначены для езды на оленях и тоже непременно лежа, потому что в этом единственное ручательство вываливаться возможно редко, едучи без дороги, а вывалившись, не поломаться.

Виднелись подле болоков и маленькие саночки «кережки», неразлучные спутницы пешеходных странников, перетаскивающих на них необходимые припасы: путник идет, кережка волочится за ним, и если она не опустела, то человек с голоду не умрет. Заметим, что для таскания их, да и вообще в упряжи, важную роль играют здесь собаки, которые и сидели подле нас, впряженные. Во всей Европе, как известно, собака не дармоедничаает; в одной только Великой России, почему — неизвестно, этою двигательной силой, судя по количеству наших собак — колоссальною, не пользуются вовсе. Казалось бы, что некоторые правительственные премии за это нововведение были бы совсем уместны и в крестьянском хозяйстве далеко не бесполезны.

Живой персонал выставки — лопари и лопарки всех возрастов — был очень разговорчив, а женщины положительно болтливы, в особенности одна сорокалетняя баба с мумиеобразным ребеночком в руках. На головах русских женщин, как мы сказали, тут обычны кокошники и повязи; на лопарках красуются «шамшуры», или лопарские «сороки»; это нечто вроде кокошника, но наружной стороне его дан изгиб по форме головы, вплотную, так что вся фигура головного убора очень вычурна; сзади твердый остов шамшуры переходит в мягкую шапочку, покрывающую затылок; цвета выбираются самые яркие; много на них бисеру, блях, пуговочек, нанизанных дробинки и разноцветных вставок сукна.

В доме Хипагина лучшем во всей Коле, причем надо заметить, что тут, как мы сказали при описании Кемии, поморские дома тоже хороши, просторны, чисты, нас ожидал небольшой завтрак, весь целиком приготовленный из местных материалов; красовались: пирог из трески, отварная семга, треска запеченная с картофелем; этот картофель составлял исключение и был привозным; сельдь в разных видах и целый ряд удивительно вкусных печений к чаю, которые и были уничтожены нами в достаточном количестве, потому что свежий хлеб был для нас за последнее время предметом недоступным. Длинные столы едва умещали на себе все эти пестрые угощения. Стол вообще в великом почете у поморов; «Не бей стола: стол — божья ладонь», — говорят тому, кто бьет по нем рукою; по столам, уставленным

Кола. Выставка. Лопарский чум

перед нами всякими яствами, сделать это было бы невозможно — места не хватало.

Особенно удачен был следовавший вслед за угощением пляс. На улице или, правильнее сказать, на лугу перед окнами тянулись постоянные хороводы, неслась бесконечная песня и подвижная радуга женских нарядов отливалась в солнечном блеске под различные размеры ее. Особенно ярко поблескивали «глазнецы» — стеклянные, бусяные монисты. Было как-то странно смотреть на этот женский персонал в одиночестве, безо всякой примеси мужского. Слова песни, от поры до времени доносившиеся четко и резко, сообщали о том, что:

У порядного соседа
Собрана была беседа,

что в этой беседе принимали участие с парнями вместе:

Красна-девица несмотренная
Красавица нецелованная.

Песня сообщала очень оригинальное приглашение:

Сорви мушечку с меня,
Наложь ты на себя, и т. д.

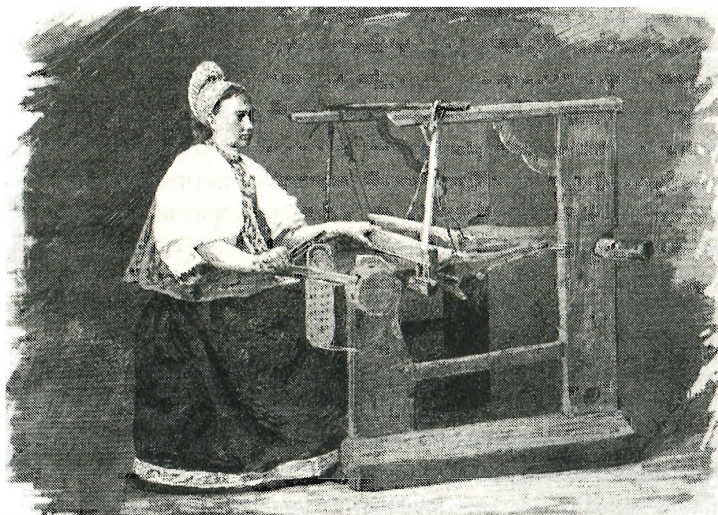
А представителями этих милых дружков, срывающих мушечки, являлись возрастные старики, давно выслужившие всякие пенсии, и дети, никаких прав ни на какие пенсии не имеющие. Все мужское население было в море за делом, за трудом.

Но лучше всего плясало в самом доме. Его Высочество сидел на диване в небольшой угловой комнате, ярко залитой солнечным светом; в соседней с нею, тоже небольшой, в два окна, шел пляс, видный с дивана, уже не хоро-водный, а, так сказать, детальный. Маленький дом мог вместить в себе только очень немногих; по крутой лестнице его стояли вплотную колянки, еле-еле давая дорогу проходившему; еще теснее было в комнате, так что место для плясавших очищалось с трудом. Очень мешал и закусочный стол, занимавший чуть ли не четвертую часть пространства. Тут, на глазах Великого Князя, плясали только по именному приглашению хозяина; из толпы были вызваны кто получше да понаряднее. Тех, что понаряднее, было много, оказалось бы и еще больше, но тех, что лучше... вообще женская красота, по-видимому, не цветет на нашем Севере, в тех двух женских городах по крайней мере, что мы посетили.

Плясали прежде всего «шестерку»; плясали: шкипер, врач метеоролог и три колянки под быстрый такт песни:

Ты хорошая моя, распригожая моя!

Все участники вертелись подле одного центра, давая друг другу руки, поочередно правую и левую, словно гуляя, изображая нечто вроде бесконечного «шэна» наших французских кадрилей. Другой пляс назывался «крестом»: тут тоже подавание рук, но только не по кругу, а по кресту, одна пара сквозь другую. Женщины плясали, опуская очи и только изредка вскидывая их по направлению к Великому Князю, любовавшемуся пляской из соседней комнаты, с дивана, сквозь растворенную настежь дверь; व्यонами вертелись одни подле других цветные шелковые сарафаны, шурша и поблескивая, а всякие цепи, поднизи и монисты на женских шеях постукивали одна о другую в такт быстро уносившейся, подобно стремнинам соседних рек, песне. Одна из

Кемлянка за станиной

сорокалетних матрон, плотная, головой выше других, в богатом наряде, долго подпевавшая со стороны, не выдержала и, помахивая платочком, поплыла своевольно в «крест»; слова песни тем временем шли вперед и становились все бойчее:

Мне пуховая перина
Показалась жестока...

Матрона выплясывала чудесно, и чего не брала она свежестью щек и плеч, то с избытком вознаграждала огненностью, искренностью всего своего явления. В юности была она, несомненно, очень хороша.

Пляска пляской, а расспросы расспросами. Много сообщено было Его Высочеству любопытных местных сведений о Коле и ее значении для всего северного побережья. Много было говорено об оленеводстве как об одной из главнейших отраслей местного хозяйства: многотысячные стада оленей уже отошли в былое, а белого моха, ягеля, пужного для их прокормления, растет столько же, если не больше. И тут опять, как при многих случаях, черный призрак черно-

го норвежского рома побеждает слабого лопаря: лопарь пьет не в меру, теряет способность сообразительности, и случается, что олень идет чуть ли не за стакан одуряющего питья.

Возвратился Его Высочество к своему вельботу тем же путем, в той же толпе и при тех же звуках песни. Ветер тем временем крепчал очень быстро и задул прямо с севера. От «Забияки» сюда ехали мы полтора часа; теперь против ветра, иногда усиливавшегося до шквалов, мы должны были пройти гораздо больше. Паровой катер и вельбот ныряли в брызгах, по волнам, настолько сильно, что ко времени прибытия нашего на клипер все мы были мокры с головы до ног; великое наслаждение доставило нам — осушиться.

Было около 5 часов пополудни, когда раздались обычные пред снятием с якоря команды. Началось с подъема катера и вельбота: «Тали заложить! Слабину выбрать! Пошел тали! Стоп тали! Стопора положить! Тали травить! Брось тали! Тали убрать!», — и оба маленькие суденышка, привезшие нас из Колы, были уже на клипере и прибинтованы к нему самым прочным образом; паровая машина катера поднята была отдельно. Затем следовали обычные: «Канат на шпиль! Пошел шпиль! Встал якорь! Чист якорь! Закладывать кат! Травить канат! Пошел кат! Фиш заложить! Пошел фиш!»

С этими последними словами судно свободно и может идти. На этот раз нам предстоял очень длинный переход. Так как путь к Новой Земле был для нас закрыт окончательно, Великий Князь решил посетить город Мезень, не входивший прежде в общую программу путешествия. Была любопытна Кола, но и Мезень не менее ее. Предстояло пройти вновь вдоль всего Мурмана, перерезать Белое море поперек и очутиться сразу в самом восточном, самом отдаленном из всех его заливов.

Обратный путь вдоль Мурмана

Происхождение его имени. Словарь морских выражений. Матросские игры. Мытье клипера. Двигающиеся островки чаек. Как дерутся киты с касатками. Ночь на Иванов день. Полночное солнце во всем его блеске.

Двинулись мы в путь ровно в 5 часов пополудни 23 июня, накануне Иванова дня; оставляя Кольскую губу, мы поклонились еще раз, проезжая мимо, Екатерининской гавани и, пожелав ей воскреснуть, направились в океан. Опять поднялся перед нами столообразный остров Кильдин, опять возникли жилистые, суровые скалы Мурмана. Между Кильдиным и Кольскою губой побережье как будто голее, изможденнее, многострадальнее, чем где-либо. Отсюда на запад, как мы сказали, побережье, по направлению к Норвегии, становится выше, извилистее, красивее, взломаннее; по пути к Белому морю на восток оно монотонно, утомительно-однообразно; тут на разделе обеих частей Мурмана словно выскочил из моря совершенным особняком геологически странный остров Кильдин: здесь в те дни, когда слагались горы, были, следовательно, встречи каких-то различных сил, различных влияний и шел большой допотопный спор.

Так как солнце светило влево от нас, то гранитный Мурман, находившийся вправо, вытягивался весь розовый, даже нежный; полосы снега были на нем совершенно белые; берег казался тигристым. На плоском песчаном подножье Кильдина, словно приютившись к подножию его, лежал выкинутый на берег пароход. Он был похож издали, как две капли воды, на виденного нами в Арской заводи кита, до его прободения: толстый, раздутый, с тою только разницей, что кит был как смоль черный, днище же парохода сияло ярко-красным цветом киноварью. Что это на пароходе — след ли бури, своя ли оплошность? Во всяком случае, кусочек

какой-то драмы. Издали было видно, что подле берега, подле красного покойника, шныряли какие-то суденышки: уж не пираты ли это какие, думалось невольно, обрадовавшиеся легкой, даровой наживе? Тут, так далеко от какого бы то ни было общественного центра, всякий крик, всякий голос, даже голос требующей помощи пушки, заглухнет, испугавшись беспредельности, и прозвучит напрасно.

Отошли мы от Кильдина, и потянулся подле нас Мурман нескончаемою, однообразною стеной. Конечно, это однообразие только кажущееся, потому что всякая беспредельность непременно однообразна. Название Мурман без сомнения не русское, но какое? Если придерживаться лопарских слов, то будет так: мюр — море, манн — луна, минн — наше, следовательно — Лунное, или Наше, море; если придерживаться норвежских, то выйдет немножко иначе: мур — мать, манн — человек, то есть мать — кормилица человека, в чем норвежцы вполне справедливы, выражая этим заслуги океана относительно своей страны и вспоминая гостеприимство всех русских водяных пажитей, не только отдаленных от берега, но даже и в узенькой черте каботажного плавания. Норвежцы, поселяющиеся на нашем берегу, пользуются многими льготами; ввиду постоянной любезности нашей и хлебосольства, может быть, следовало бы подумать о том, нельзя ли прибавить им еще чего-нибудь?

Роскошен и тепел проходил день пред Ивановым днем, и на клипере только и было работы, что людям, занятым у машины. Всегда перемазанные сажей, они составляют совсем особую статью в рядах остального, очень часто моющегося, из любви к воде персонала. «Духи долой!» — кричит иногда вахтенный офицер, когда несколько человек выпачканных машинных выползут на палубу, чтобы дохнуть свежего воздуха, выползут как раз посредине клипера, в самом узком и бойком месте, и мешают проходу. Черные духи по команде немедленно прячутся, до тех пор, пока не выползут потихоньку опять. Вообще надо заметить, что своеобразный словарь всяких морских кличек, прибауток, выражений очень характерен; он очень часто любит смешивать, как бы кувыркать настоящий смысл слов; например: «Живо копайся!» (как это можно делать что-либо «быстро-медленно»,

думаете вы) или: «Вались наверх!» (собственно говоря, валить можно только книзу). Если вы услышите распоряжение «заложить на одну, на две закуски», то вам и в голову не придет догадаться, что дело касается поднятия люка на ту или другую высоту. Очень жаль, что в короткое пребывание наше на клипере не удалось ознакомиться более подробно с этим характерным словарем.

Зато ознакомились мы с некоторыми из матросских игр, и хороший день нашего обратного плавания к Святому Носу вызвал эти игры на палубу. Не совсем приятна для многих игра «шей-пошивай». Во всякой воинской команде есть непременно свои Золушки, свои замарашки, почему-либо недолюбливаемые другими или, наоборот, очень любимые, но служащие вечным предметом подтруниваний, смеха, острот; последнее достается обыкновенно на долю робких людей, скромников разных сортов, в особенности если эти скромники почему-либо Тартюфы, чего у нас ужасно не любят: робость и тартюфство — нечто совершенно неподходящее русской натуре, и это везде, во всех войсках сухопутных и морских, от западной границы вплоть до батальонов Владивостока. «Шить-пошивать», «шубу шить» очень просто: человек пятнадцать садятся на палубу в кружок, вплотную один к другому, лицами в круг; на ноги к ним кладется парус; руки всех сидящих спрятаны под него, и на этот-то парус приглашается, как на Прокрустово ложе, один из желающих или принуждаемых. На весь круг полагается один жгут, очень прочный и выразительный вовсе не на шутку; жгут идет под парусом по рукам, щелкает по сидящему сверху паруса и тотчас же прячется и передается. Надо поймать жгут. Два раза подряд притащила команда какого-то хмурого матросика, кажется, Попова; доставалось ему невыразимо; искать жгута он не умел, боялся; однажды даже убежал, но с громким смехом возвращен назад и принял крещение преобильное; ему действительно сшили шубу. Другой матросик сам вызвался вместо убежавшего; это был паренек невысокий, юркий, смелый и чрезвычайно оживил игру. Стегали его до невозможности; как кошка или вьюн перебрасывался он по парусу, и любо ему было принимать на себя бессчетные удары. Баня была препорядочная; но всему кругу

бивших его товарищей была сообщена такая подвижность, так они были наэлектризованы пареньком, что парус гулял над матросскими руками настоящим ходуном. Весело было смотреть на этого вьюна; из таких людей на полях сражений выходят у нас чудоеи и охотники; и что любопытнее всего, так это то, что удары получал он только по должным и подходящим местам, тогда как несчастному Попову угораздили много раз в лицо, и он, под громкий смех и посвисты, сошел с паруса с послезившимся правым глазом.

Другая игра основана тоже на битье, но только совсем иначе. Протянута жердь; на жерди верхом сидят двое матросов друг против дружки; у каждого в правой руке по мешку, набитому волосом или пробкой; левая рука должна быть на отвесе и к жерди не прикасаться. Удары наносятся мешками в левую сторону противника; нередко для большей силы удара мешок раскачивается самым прилежным образом. Получивший удар должен усидеть на тонкой жерди, что чрезвычайно трудно; иногда валятся оба противника вместе, и тогда смех окружающих становится гомерическим; большею частью летят с первого удара; выдержать два, три — уже великое искусство; но нашелся один такой герой, что не поддавался решительно никому и валил своих противников неустанно; чем держался этот матрос, что за клещи у него ноги — и представить себе нельзя; видимо, что досада разбирала товарищей, и один лез на смену другому, рассчитывая на успех, но напрасно. Победитель так-таки и остался победителем и с выражением неопишуемой триумфаторской гордости слез с жерди сам.

Третья игра — это доставание монеты ртом с твердой поверхности, на этот раз с палубы. Насколько в тех двух играх шума и гама, настолько эта молчалива и сосредоточенна. Работа губами и языком по довольно пестрой поверхности палубы требовала значительной решимости, и она имела у всех участников игры.

Может быть, последствием ее было то, что к вечеру начальством приказано было приступить к мытью палубы. «Забияка» удивительно чистоплотен, и мытье палубы составляло занятие не то чтобы очень редкое. Для нас это было всегда очень неприятно, потому что обильно заливае-

Острова чаек

мая водой справа и слева палуба клипера становилась совершенно недоступною для ходьбы в обуви; матросы, все босые, вооружались щетками всяких калибров и форм, скребли, терли, полоскали, шлепали ногами по воде; кое-где действовала тряпка, где и скребок. Обширная прачечная не нуждалась в воде, и видимо было, как струи океанской воды, почти черные в начале мытья, возвращались под конец в шпигаты совершенно светлыми, прозрачными. К вечеру работа эта была окончена, и раздалось приказание: «койки брать!»; это всегда одно из последних приятных приказаний сходящегося дня; койки, свернутые и поставленным торчком вдоль бортов, закрывающие с палубы всякий вид на море, исчезают с этих мест, чтобы пойти исполнить свое ближайшее назначение.

Это приказание свидетельствовало о том, что приближалась ночь; на самом деле этого не было заметно вовсе. Светлы были очертания Мурмана, светло и сине море, и солнце, не задерживаемое ни единым облачком, катилось по небу вполне лучезарным. За снятием коек следовала молитва, и на клипере стало сравнительно потише. Тогда одна из оригинальных картин морской жизни нашего Севера не замедлила выясниться во всей своей кажущейся невероятности. Много толковали и печатали о том, будто разная более мелкая рыба ходит иногда по Северному морю такими юрами или косяками, что образуются будто бы целые островки, что остров-

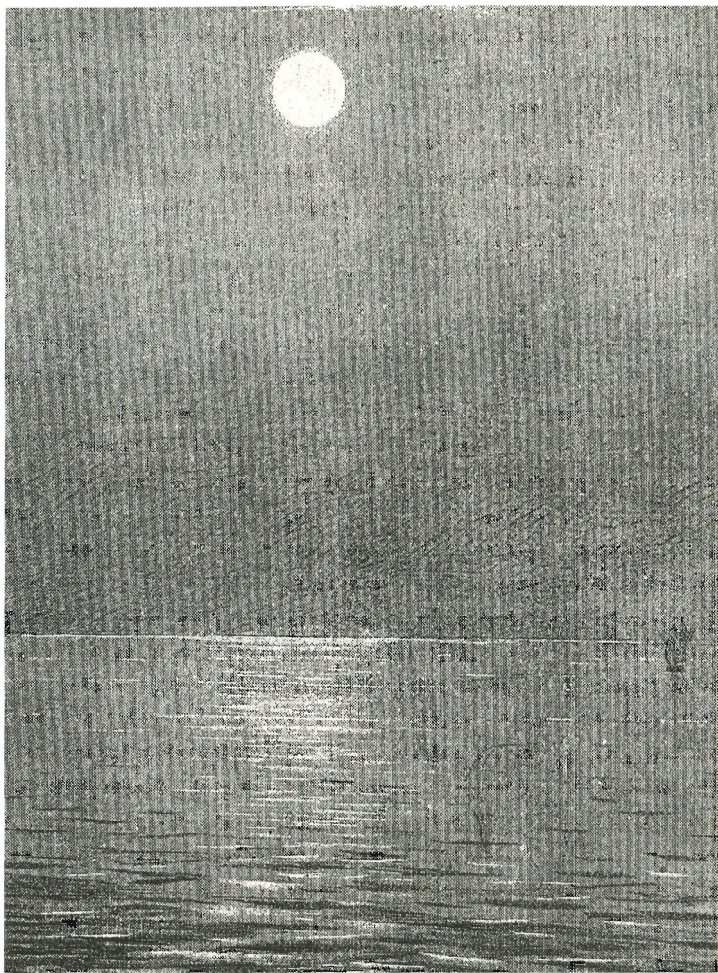
Киты подле Святого Носа

ки эти обладают способностью самовольного передвижения, и что морская птица, отличающаяся большим прожорством, не должна летать над водой, выжидая минуты для того, чтобы клонуть ту или другую жертву свою, а попросту садится на эти острова, ходит по ним и поклевывает. Этого счастливого воплощения птичьей страны с кисельными берегами и молочными реками нам видеть не удалось, но нечто подобное совершилось пред нашими глазами. По обеим сторонам клипера, в недалеком от него расстоянии и нисколько нас не пугаясь, виднелись целые островочки чаек; этих белых островков плавало несколько, и количество чаек, из которых они состояли, было неисчислимо велико. Местные люди сообщили нам, что это явление довольно обыкновенное, что несомненно тут проходит в настоящую минуту какой-нибудь сорт рыбешки, что она идет по самой поверхности почти плотную сбившуюся массой, и чайкам раздолье наслаждаться вволю, во всю свою прожорливость. Таких юров, или косяков, рыбы нашим поморским слабеньким неводом не осилить, а если бы и осилили, то остается, вследствие недостатка и дороговизны соли, сделать то, что сделано было в 1884 году в Кандалакшской губе с сельдью: миллионы вкусных особей преданы были гниению и долгое время заражали воздух местного побережья.

Ночь на Иванов день наступила ясная, безоблачная, при полнейшем штиле в воде и в воздухе. «Море слосело», — говорят поморы. Яркое солнце катилось в небе как ни в чем

не бывало и бросало по палубе «Забияки» хотя и длинные, но все-таки резкие тени. В эту ночь, как известно, совершаются на матерой земле чудеса, ищут чудодейного папоротника и разрыв-травы; само полуночное солнце было чудом для людей, к нему непривычных; как было не верить в возможность увидеть одну из величественнейших картин Северного моря, картину боя китов с касатками! По мере приближения нашего к Святому Носу киты начали показываться снова, и в количестве гораздо более значительном, чем прежде. Хотя никто не возьмет на себя смелость сказать, что плавающих китов, шмыгающих одновременно с разных сторон, счесть можно, но приблизительная верность допускается: одновременно видели мы до тридцати китов. Так как море было безусловно спокойно и обито сильным боковым солнечным светом, то прогулки китов были виднее, чем при первом проходе нашем этими же местами в туман и дождь, в надвигавшийся шторм. Темные массы их вырисовывались резче; фонтаны казались благодаря заметному падению их брызгов в тихую воду гораздо продолжительнее, выше, гуще, и так как китов гуляло несравненно больше, то картина представлялась действительно очень красивою.

Что если бы, так думалось, как одно из чудес Ивановой ночи, да на это стадо китов напали касатки? Касатка или касатик — *Orca gladiator*, *Balaena rostrata*, это злейший враг кита, хотя и свойственник его по зоологическим и биологическим данным; вражда этих свойственников водного царства такова же, как вражда между собакой и волком. Касатка-гладиатор, уничтожающая не одну сотню китов в течение года, быстра, юрка и смела до невозможности. Если несколько касаток — говорит г. Кушелев — увяжутся за китом, то спасения для него нет никакого; как бы ни отбивался он своим могучим хвостом, каждая хватка ловкой и гибкой касатки ее как сталь крепкою и острою челюстью наносит киту зияющую рану, и кровь льется потоками. Сопение, оглушительный плеск и частые удары обезумевшего кита отчетливо раздаются над океаном, и бой слышен за несколько верст, нарушая общую тишину редких штилей полярных широт. Если касатки одолеют, они объедают весь жир кита, но не трогают мяса. Победа касаток несомненна, разве что ошалевший от боли и страха

Полуночное солнце

кит, если бой происходит вблизи берега, выбросится на берег. Г. Михайлову удалось видеть, вероятно, подобного несчастного кита в Керети на Белом море. Выброшенный на берег кит — собственность ближайших селений, и Керетское общество заработало тогда в одну неделю большие деньги; крестьяне быстро обрубали, срезали жир и тут же вытопили. Огромные ребра кита, наполовину занесенного песком, тор-

чали из-под воды, точно бока разбитого корабля. Кит этот был еще жив, когда к нему приступили с топорами. В Иванову ночь все было у нас под рукой: полярная широта, штиль, океан, целое стадо китов, не хватало только касаток, и мы лишены были возможности полюбоваться одною из множества чудеснейших картин жизни Ледовитого океана.

Зато Иванова ночь дала нам полную возможность увидеть наконец ни разу не сиявшее нам полуночное солнце во всем его величии. Когда стрелка часов подходила к двенадцати, Великий Князь находился на палубе. Кроме немногих лиц, сопутствовавших Его Высочеству, двух офицеров на мостике, рулевых у руля и часовых, не было никого, и вся не особенно широкая палуба «Забияки» казалась совершенно пустою, сравнительно с дневным ее оживлением. Небо сияло совершенно чистое, и только над самым солнцем нависало одно небольшое, но длинное облачко, ярко озлащенное снизу. В самую полночь солнце не дошло до горизонта на шесть или семь солнечных диаметров. Оно было ярко, но могло быть созерцаемо, хотя и вызывало в глазах множество бегавших, сбивавших одна другую, огневых точек. Края его лучились золотистым пурпуром, так что оно казалось окруженным искрившимся, будто кишевшим, красным кольцом. Красноват был также и столб отражения солнца в океанских волнах, которые если и блестели, то не давали того аквамаринного цвета, который так хорош, так глубоко бархатен днем. Эти отражения солнца и луны столбами в воде называются у поморов «гралицы». Палуба «Забияки» и все, что на ней находилось: люди, орудия, снасти, рубки — все это обливалось отнюдь не розовым светом утра, но каким-то красноватым, беспокойным сиянием. Тени были далеко не резки, не черны, а как бы сероваты: они тоже будто мерцали тою же краснотой и этим как бы роднились со световыми поверхностями тех предметов, от которых падали.

Едва только стал замечен подъем солнца, что состоялось немедленно после полуночи, нам не оставалось ничего лучшего, как пойти успокоиться. Около 10 часов утра предстояло «Забияке» быть у Святого Носа и грузиться углем близ Иоканских островов. Это одна из тех гаваней, которая, вероятно, имеет большую будущность и о которой мы упоминали.

Иоканская гавань

Ее качества и важное значение. Необходимость решить вопрос. Мурманское общество пароходства. Пароходство по Северной Двине. Их недостатки. Особенности очертаний мурманских скал. Фауна океанской воды. Румбические названия ветров у поморов. Отплытие в Мезень.

Южный ветерок чуть-чуть рябил поверхность океана, когда в Иванов день, 24 июня, около 8 часов утра с «Забияки» заметили утесистые очертания Святого Носа и маяк на нем, но Иоканских островов, которые должны были приютить нас и лежать к западу от него, то есть ближе к нам по пути, видно не было. Океанская гладь подступала — так казалось — к утесистому подножию далекого маяка, и никаких островов на ней не замечалось. Карта между тем говорила противоположное, и действительно, мало-помалу, сначала черточками, потом небольшими возвышениями, начали они обозначаться один за другим. И выплыли они из воды будто вдруг; тумана не было никакого, солнце горело полным блеском. Едва только стали ясны их приземистые глыбы, как «Забияка» уменьшил ход, потому что, несмотря на ясность голубого дня и тишину моря, отыскать пути-ну одного из проходов было нелегко. Это, бесспорно, недостаток гавани, в которую мы направлялись, но один из тех легко устранимых недостатков, о котором, при существующих средствах иллюстрирования берегов маяками, башнями, створами и т. п., не может быть и речи.

Иоканских островов числом семь, но только пять из них участвуют в образовании гавани, имеющей длины около шести миль, в которой, согласно мнению Рейнеке, «многочисленный флот может расположиться весьма покойно». На Иоканский рейд ведут два прохода: один — северо-западный, между островом Чаячьим и материком, в 350 саженой ширины, и восточный, в 800 саженой ширины, между острова-

ми Сальным и Медвежьим. Мы направлялись к последнему, безусловно, лучшему. Пройдя самую серединой его, мы повернули к югу и тотчас же бросили якорь невдали от парохода Мурманского общества «Чижов», ожидавшего нас здесь для снабжения углем. Стоянка наша, как для этой операции, так и для восстановления трех трубок в холодильнике, лопнувших вследствие значительной солености воды, должна была продлиться несколько часов.

Вид на гавань был очень красив. К югу высились скалы берега, образуя несколько углублявшихся декораций к устью реки Иоканки; к востоку ясно очерчивался маяк Святого Носа и помещения команды, при нем находящейся; с севера и запада прикрывали от нас океан невысокие гранитные острова, Сальный и Медвежий, так что мы находились в полном смысле слова в каменном кольце; по недалеким островам и по синей воде гавани перепархивало множество уток, чистиков, бакланов, чаек; глубоко внизу, подле клипера, гуляла всякая рыба, отпугиваемая, а отнюдь не приманиваемая, как это бывает с более образованною рыбой, всяким брошенным в воду предметом. Несколько крестов и каменных пирамидок, «гурий», или «кекурий», виднелось на острове Медвежем; стадо в 10–12 оленей разгуливало по небольшому островку Сальному.

Нет сомнения в том, что устройство хорошей гавани на нашем Мурмане необходимо. Мы уже упомянули об Иоканской. Все, что можно сказать о ней, будет, конечно, только гадательно, но с большою долей вероятия. Ни точных промеров, ни правильных метеорологических и физических наблюдений здесь не производилось, и физиономия этой гавани, как и весь Мурман, остается неопределенною. Тем не менее от будущности не уйти, и в этом отношении полезно решительно всякое указание. Существенно разрешить, например, следующее: правда или нет сообщаемое г. Сидоровым сведение, будто теплое течение Гольфстрима направляется именно на Иоканские острова и иногда приносит с собою американские деревья и каштаны? Основательно или нет существующее у поморов название «живой камень» для плода американской мимозы, заносимой в Белое море? Если

это правда, то на сколько времени, на какое расстояние, как и когда обмерзает эта гавань? Расположение островов и побережья безусловно удобно для возведения целой системы отдельных фортов, и если гавань действительно способна приютить целый флот, то может ли этот флот быть защищен не только со стороны моря? Гавань эта сама по себе обширна и приглуба, но в ней есть про запас еще и другая гавань — это река Иоканка. Подобно слиянию рек Колы и Туломы, река Иоканка уширяется при устье своем в целый кишкообразный залив, имеющий на целые две мили вверх верстовую ширину при глубине трех саженей; приливы в этой реке так велики, что в ней с особенным удобством можно килевать суда; зимовать в ней тоже удобно, потому что ледоплавы и наводнения весны и осени здесь невозможны. Снабжение водой не оставляет желать ничего лучшего, потому что во многих бухточках южного побережья стремятся с вершины Мурмана постоянные водопады нескольких ручьев.

Нужна ли нам вообще гавань на Мурмане? Нужна ли военная или довольно коммерческой? Нужно ли иметь тут военный оплот или достаточно довольствоваться норвежскими крепостями? Если нужно, то подходят ли гавань Иоканская, или Екатерининская, или какая-либо третья? Все это вопросы большой важности, и для такой первостепенной державы, как России, запертой Дарданеллами и Зундом, едва ли не жизненные. Наше северное Поморье, этот существенно важный для нас край, остается как-то вне всяких соображений, и о нем вспоминают только урывками, случайно, часто по личной фантазии того или другого человека. Во всяком случае и что бы там ни говорили, следует выяснить раз и навсегда, стоит ли наше северное побережье чего-либо в отношении общего хозяйства России, стоит ли оно чего-либо само по себе? Если не стоит, так и будем знать на будущее время и пожалеет о том, что край этот совершенно напрасно вызвал целую литературу всяких ученых и беллетристических исследований. Если же он стоит чего-либо, то следует безостановочно, не теряя времени, определить его значение, его средства и начать действовать немедленно в избранном направлении.

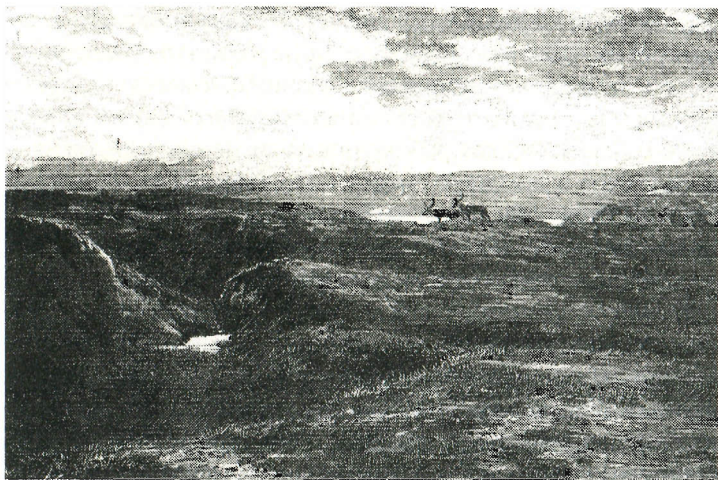
Одно из существенных условий неправильной организации здешней жизни состоит в совершенном отсутствии какого-либо почтового или телеграфного соединения; это чувствуется на каждом шагу. В особенности необходимо упорядочение пароходных сообщений. «Мурманское общество пароходства» имеет четыре парохода; из них два — «Кемь» и «Онега» — назначены для Белого моря, два — «Архангельск» и «Чижов» — для Мурманского берега и Новой Земли. За все лето обязаны они сделать только 11 рейсов, да кроме того два рейса на Новую Землю. За точное исполнение этих рейсов компания получает от казны 55 000 рублей субсидии, так что за каждый рейс по Белому морю ей приходится по 2500 рублей. В пути нашем довелось не однажды слышать жалобы на это общество, на то, что пароходы его то и дело минуют попутные становища. Г. Кушелев называет эти рейсы не «срочными», а «бессрочными», и говорит, что бывают двухнедельные и более опоздания пароходов. Если мы вспоминаем об этом здесь, то это отнюдь не свидетельствует о справедливости сетований; может быть, это так, может быть, не так. Верно то, что сетования существуют и что необходимо убедиться в их справедливости или несправедливости.

Бессрочность сообщений — это гангрена всякого торгового и промышленного дела. Не говоря уже о Мурмане, не угодно ли кому-либо отважиться на путешествие по Сухоне и по Северной Двине, то есть на тот именно путь, который мы сделали? Если не ошибаемся, для сообщений по Двине существуют целых три компании: Булычева, Кострова и Кандакова. Характерно то, что, упоминая о них, мы должны делать это с оговоркой «если не ошибаемся». Эта оговорка свидетельствует лучше всего о том, как мало света и определенности существует в этом деле; если при добром желании, при сравнительном удобстве собрать нужные сведения собрать их все-таки было трудно, то что же должны делать те, а их-то именно и следовало бы иметь в виду, кому эти сведения необходимы? Никаких почти объявлений, никаких четко обозначенных центров, спрятанные где-то конторы, почти безо всяких сношений с Москвой и Петербургом, полнейшая трудность получить какие-либо нужные

торговому человеку справки! Это такая глубокая парализация торгово-промышленных порядков, что решительно удивляешься тому, что еще делается то, что делается. Все это дремлет и свидетельствует о своей жизни временными проблесками, ожидая руководящей смелой указки, ожидая направляющей силы. А богатства много, стоит только приложить к нему руки.

Пока мы грузились углем и чинили трубки наших холодильников, Великий Князь съезжал на оба ближайшие, совершенно пустынные острова. На Сальном гуляли олени. Так как остров очень невелик, то представлялась возможность подходить к ним довольно близко. Это было одно из тех оленьих семейств в 10–12 особей, которые принадлежат лопарям ближайшего Иоканского погоста. Почва острова — гранит, поросший по легонькому слою торфа, там, где торф может держаться, ягелем — *Oladonia rangiferina*, составляющим главную пищу оленя. Мало этого ягеля на небольшом острове, и можно было видеть, как обдирали олени со скал не только ягель, но заодно и весь тонкий слой торфяной почвы, обнажая скалу до щелей. Исхудалые, бродили они, покрытые клочьями обвисавшей местами шкуры, в желтоватых и серых пятнах, и словно скользили своими тонкими струнными ногами, неслышною поступью, по невозможно острым утесам острова, убегая от нас.

Сальный остров, равно как и Медвежий, на который вслед за этим Его Высочество переехал, это целый мир роскошнейших этюдов северных поморских скал. В них есть нечто совершенно самостоятельное в смысле очертаний, то, чего не встретите вы ни в скалах южного берега Крыма, ни в Нормандии. Там, с большею или меньшею ясностью, видите вы, как бы рисуете себе пути их образования, направления щелей, напластование, окаменелое бывшее движение их, живописуемые в резких и определенных чертах; там, при всем разнообразии линий и их изломов, вы как бы чувствуете направляющую совершавшегося геологического переворота и не можете не признать окончательного успокоения. Здесь, в утесах Ледовитого океана, нет ничего подобного; глядя на них, вы ничего сообразить не можете, вы никакого успокоения не находите. Какие-то страшные силы

Остров Сальный. Лопарские олени

наворочали утесы и образовали щели, совершенно невозможные с точки зрения статики; гранитные массы полегли одна на другую в каком-то безумном страдании, в каком-то чудовищном бреду, который — так кажется вам — был сам себе целью и ни к чему не привел. Эти глубокие царапины, зияющие по розовым телам гранитов, эти черные раскрытые трещины, эти сплошные утесы величиной с громадный дом, подпираемые камнями не более обыкновенного хлеба величиной, и между ними на разных уровнях покаяющаяся, словно в чашах, морская вода, вечно возобновляемая приливами и захлестывающими в них волнами, все это говорит вам о чем-то злобном, неистовом, едва-едва умиротворенном. Из всех художников, изображавших скалы, плодovitее и разнообразнее всех был, конечно, Густав Дорэ в своих иллюстрациях, но напрасно искали бы вы в них своеобразных мотивов скал Мурманского побережья. Они — совсем особая статья, до сих пор в художестве никогда и никем не воспроизведенная.

Ходить по берегам обоих островов значило постоянно карабкаться, и не без помощи рук, по фантастическим ступеням гранитов; множество чистиков из семейства утиных, черных как смоль, с ярко-малиновыми клювами и лапками,

постоянно выпархивало из-под ног. В тихих заводях утесов, пригретых, как в аквариумах, теплым солнцем, можно было видеть бесформенные клочья студенистой массы розового или даже малинового цвета с белыми ободками, называемой тут «морским салом», какой-то вид *Ascalerpe*; говорят, что попадаются и несколько видов «морских звезд» — *Astraea*. В одной из подобных высоких гранитных чаш можно было заметить почему-то подкинутых сюда из океана небольших рачков — бокоплавов, которыми между прочим питаются некоторые киты. Вообще говоря, фауна нашей северо-океанской волны далеко не богата видами. Профессор Гримм обобщает это и для всех наших морей. «Наши воды — говорит он — богаты сравнительно, так сказать, на вес, по числу особей, но весьма бедны видами. Если сосчитать все существующие в Европейской России, включая и Каспий с Кавказом, виды рыб, как промысловых, так и непромысловых, то найдем около 300 видов, что составляет немного более 2% того числа рыб, какое известно ученым со всей земли». То, что сказано о рыбах, может быть повторено и относительно всяких моллюсков, червей, рачков, улиток, ракушек и пр. Напрасно было бы искать по Мурману той перламутровой пестроты морской жизни, которая имеется в Средиземном море и гораздо севернее его, на берегах Нормандии. В здешней морской волне царит как бы торжественное молчание, глубокое молчание жизни, и только от поры до времени проявляется она, сосредоточенная в крупных очертаниях китов, акул, палтусов, белух, моржей или необозримых полчищах сельди и трески, образующих в океане как бы свои космические течения.

Около 3 часов пополудни, со свежим запасом угля и исправленными трубками, покинули мы Иоканские острова. Еще раз оглядели мы широкую, покойную гавань, ее гранитные обрамления, ее низкие острова с безмолвными крестами, неизвестно кем поставленными. Олени Сального острова, видимо довольные нашим отъездом, все собрались на центральную, высокую часть его и, откинув рога на спины, повернув головы в нашу сторону, вырисовывались неподвижно целым рядом тоненьких, drobных силуэтиков.

У Святого Носа, как всегда, море было беспокойно.

Закипела в море пена —
Будет ветру перемена,

говорится на Поморье.

Ветер был юго-восточный или, как его здесь называют, «обедник». Все почти ветры имеют на Мурмане свои названия: южный называется «летник», юго-западный — «шалоник», северо-западный — «побережник», северный — «морянка», северо-восточный — «полуночник»; западный и восточный сохраняют свои названия; промежуточные называются «межниками». «Восточники да обедники — заморозные ветречки», — говорит помор. В компасе, как известно, 32 румба, и значительная часть их имеет здесь свои местные названия, причем им придаются нумера, например «7-й меж (межник) востока полуночник»; целых 16 румбов называются «стрыками», и о них говорится: «10-й стрык встрыка к обеднику». Эти названия и их систематика доказывают воочию, насколько наш помор прирожденный мореплаватель, насколько это призвание его четко определено. Из них ли не набрать удивительных матросов?

Ночь на этот раз спускалась не особенно ясная, и полуночного солнца вторично мы не видели. Войдя в горло Белого моря, мы держались правого, Терского берега и не шли наперерез, как бы следовало для краткости пути на Мезень, во внимание ко множеству кошек в горле.

К 8 часам утра, 25 июля, то есть менее чем через сутки, рассчитываем мы быть подле Мезени, то есть перейти все Белое море поперек. Такие *tour de force* может делать только «Забияка».

Мезенский залив. Мезень

Характер уезда. Очертание берегов. Русановский лесотильный завод. Путь по реке Мезени. Старый и новый соборы. Характерность одеяний. Доха и малица. «Ад» подле города. Ничтожность реки Мезени.

Жаль было, обогнув Святой Нос и направившись Белым морем, проститься с Мурманом, с которым ознакомились мы вполне во всю его длину. «От Кеми до Колы сорок три Николы», — говорит поговорка, свидетельствуя будто бы о существовании сорока трех маленьких часовен, поставленных этому высокочтимому, как на суше, так и на море, Святому; говорят, будто в некоторых из часовен имеется до сорока образов с его изображениями, поставленных самыми беднейшими людьми.

То высокое внимание, которое было выказано Великим Князем к судьбам и бытовому положению края, осталось, конечно, вслед за его отбытием надолго не только предметом разговоров, но и светлыми искрами надежды, кинутыми в суровую темень мурманских гранитов. Богатство и государственное значение побережья, снабженного суровым, смелым рабочим населением, людьми, выросшими в океанских волнах и приboях, людьми, способными дать из себя лучших моряков в мире, возможность прочного устройства гавани и оседлости были оценены Его Высочеством по достоинству. Последнее соображение, то есть характер поморов, как контингента для флота, почему-то всегда отступало на второй план при обсуждениях судеб Мурмана, а между тем только при существовании этих людей, так сказать, сотканых в глубоком единении с физической природою побережья, возможно для Мурмана его будущее. Не одни солнечные лучи согревают и оплодотворяют край; труд и любовь человека обращают пажити моря и земли в бесконечную ниву.

Великий Князь — брат Государев — видел то, что есть на самом деле; он желал это видеть, потому что сделал дальний и трудный путь, а в этом залог осуществления возможностей и поднятия экономического положения одного из самых самобытных, богатых краев России.

Насколько быстро шли мы морем, видно из простого взгляда на карту: от Святого Носа, находящегося с западной стороны Белого моря, у самого входа в него, меньше чем чрез сутки были мы, к 8 часам утра 25 июня, недалеко от города Мезени, расположенного в самой глубине самого восточного из его заливов. Утро было вполне золотое, и полнейший штиль вырисовывал недалекие берега. Не далее как двадцать часов тому назад пред нами высились острые, жилистые очертания Терского берега; теперь, насколько видел глаз вправо и влево, расстилался берег совершенно ровный, низкий, точно край какого-то неизмеримо великого картонного листа, разложенного над морем. Вправо, как бы прорывом этого листа, очерчивалось устье реки Кулоя; заметно было, что берег порос лесом; берег этот, как нам сообщили, глинистый. Мы бросили якорь в сорока верстах от города Мезени — так неудобен подступ к городу, так много надо исполнить условий для съезда на берег. Сорок верст, конечно, немало, но мы не предвидели, что и эти версты дадутся нам не даром. До Русановского лесопильного завода, находящегося на реке Мезени, от места нашей якорной стоянки было пятнадцать верст; до города — сорок.

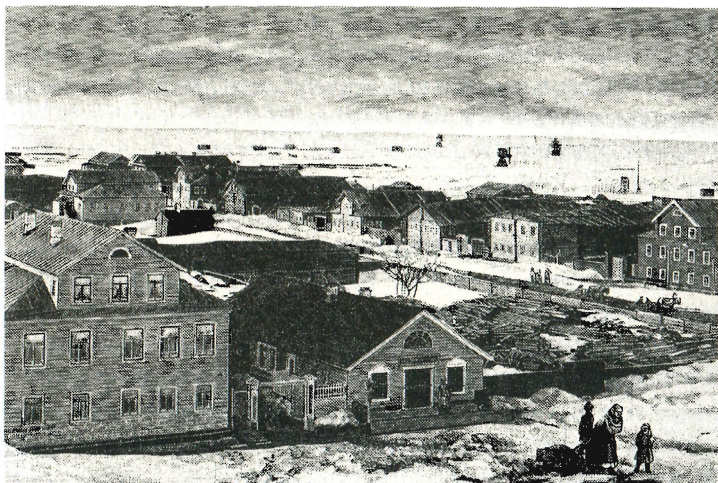
Прихода «Забияки» ожидали здесь два паровых судна: «Бакан», наш старый знакомец, назначенный для доставления нас, если возможно, в реку Мезень, и пароход Русановского завода «Мезень», сидящий очень мелко, только 4 фута, и долженствовавший вести нас дальше, если можно, к самому городу. Так как погода установилась хорошая, и заводской пароход, один из самых старых, с постукиванием в машине, со вздрагиванием колес и значительно искривленную палубой, мог один исполнить эту службу, то и решено было пересечь прямо на него для того, чтобы избежать второй пересадки. Когда «Забияка» бросил якорь, на носу его подняли небольшой, но многозначительный флаг, известный под именем «гюйса». Флаг этот, выставляемый

на носу судна по опускании якоря и означающий, что судно, лишенное возможности двигаться, совершенно беззащитно и что его должны обходить все суда, имеет на себе английские цвета; нам сообщили, будто причина этого историческая и сохраняется как воспоминание союза Петра I с Англией против шведов.

Старушка «Мезень», постукивая и побрякивая всем своим стародавним механизмом, отвалила от «Забияки» ровно в 5 часов пополудни, с тем расчетом, чтобы войти в реку Мезень в самую полную воду и сократить насколько возможно дальнейший переезд к городу в лодках. Много было говорено о том, что если где, то именно в Мезени съезд на берег находится в полнейшей, так сказать, моментальной зависимости от прилива, достигающего здесь огромной — 22-футовой вышины.

Как известно, уезды Кемский, Кольский и Мезенский, посещенные Великим Князем, пользуются по правам службы чиновников особыми льготами; Мезенскому уезду предоставлялись также особые льготы для обмена ассигнаций старых образцов, как это было еще в 1848 году; как почти самый северо-восточный город Европейской России, Мезень, которую нам предстояло посетить, никогда не видал никого не только из лиц Царствующего Дома, но даже гражданских и военных начальствующих лиц в губернии, с малыми исключениями. Так труден к нему доступ. В полутора верстах от него начинается тундра, идущая в бесконечность; почта не приходит иногда по четыре месяца в году. К Мезенскому уезду относятся — шутка сказать! — весь Запечорский край и вся Новая Земля с островами Калгуевым и Вайгачем. Это ни больше ни меньше (и то приблизительно) как 372 208 квадратных верст!

Мезенский уезд очень характерен. В нем три стана. В состав первого входят 10 волостей и тундры Канинская и Тиманская, с населением около 18 000. 2-й и 3-й станы составляют так называемый Запечорский край, состоящий из шести волостей, к которому принадлежит Большеземельская самоедская тундра; в них около 23 000 народу, из них самоедов 4298 человек. Население уезда тройственное: великоруссы по реке Мезени и частью по реке Печоре, зыряне —

Мезень, уездный город Архангельской губернии
(вдали тундра Ад)

четыре волости и самоеды, кочующие по тундрам. Главные занятия — хлебопашество, скотоводство, лесная охота, а в волостях приморских, Долгощельской, Койденской и Пустозерской — рыбные и морские звериные промыслы. В Мохченской Зырянской волости процветает оленеводство, и из всех оленей уезда, около 220 000 штук, этой волости принадлежат 180 000, так что хозяевами тундры должно считать зырян, а не самоедов, обратившихся с течением времени в зырянских работников и пастухов.

Мезенский залив, по которому мы двигались, отличается особенным обилием белух, достигающих здесь 3 ½ сажень длины и составляющих главное основание быта местных поморов. Крупные белухи то и дело обозначались подле нас на поверхности воды своими беловатыми спинами, настолько белыми, что их иногда бывает трудно отличить от пены, бегущей по волне. Хотя белуха водится и в других заливах Белого моря, и их особенно много ближе к Печоре и на Новой Земле, но из всех ближайших мест она почему-то искони полюбила залив Мезенский.

Вправо от парохода, как мы сказали, виднелось устье реки Кулоя. Следует упомянуть, что тут, в этом забытом непосеща-

емом крае, еще существует пользование «волоками». Волок со времени древнего Новгорода имел громадное значение на всем севере России; волоками шли все сообщения; волоком пользовался Петр I. Здесь и в настоящее время существует волок: из Северной Двины идут в реку Пинегу, оттуда, волоком в полторы версты длиной, до реки Кулоя, следовательно, к Белому морю. Близ устья Кулоя чуть-чуть обрисовывалась на низменном берегу деревня Щелье, от которой до города Мезени берегом 85 верст. Население Щелья — рыболовы, и главный их промысел — белуха, особенно обильный весной. Дальше, в глубь страны, тянется тундра, одна безотрадная тундра.

Влево от нас, на совершенно низменном берегу, выяснялась деревня Семжа, с церковью и 18 домами; из нее образовался выселок в две избы; вот и все, что имеется жилья на этом отстраненном ото всякой жизни побережье, тянущемся над морем нескончаемую узенькою тесьмой, песчаную близ воды и только чуть-чуть затемненную по верху жиденьким слоем почвы, на которой даже и лесу не растет. Дальше, за этою полоской, как и за деревней Щелье, лежащею на противоположной стороне воды, опять-таки та же бесконечная тундра. Жители Семжи, кроме белух, добывают еще и семгу.

Пароход наш подвигался, следовательно, в глубоко мертвую область тундр. Хотя он сидел в воде только 4 фута и время прилива было рассчитано как следует, тем не менее надо было торопиться. Нигде решительно не встречали мы такой мутной воды, как в Мезенском заливе; уж не эту ли муть любит белуха? Вода была в полном смысле слова шоколадного цвета, и солнечные лучи, несмотря на всю свою силу, пройти в глубь ее не могли. Эта муть обуславливается песчано-глинистыми берегами и таким же дном и необыкновенною силой приливов и отливов, взбаламучивающих массы воды неустанно: кончится прилив — отлив начинается, и это два раза в сутки, на 22 фута вышины от самого дна начиная. Так же мутна была эта вода во времена Литке, заметившего, что в ведре подобной воды образуется осадок песка и ила в четверть аршина вышины.

Сделав 15 верст и войдя в реку Мезень, мы прошли мимо Русановского лесопильного завода, пароходом кото-

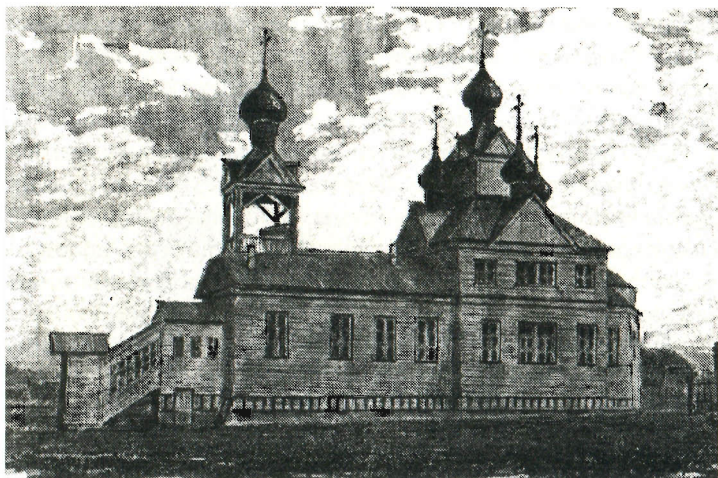
рого пользовались; отсюда до города оставалось 25 верст. Остановки на заводе сделано не было. Годовой оборот этого завода 300 000 руб., рабочих в летнее время 200 человек, зимой только 80. Существует он около 10 лет и доставляет сосну исключительно в Англию, а лиственницу — по заказам нашего Морского министерства; в прошлом году было отправлено отсюда лиственницы по одному пароходу в Кронштадт и в Николаев. Контракт на добычу леса с Министерством государственных имуществ продолжится около 7 лет. Весь решительно лес вывозится распиленным на доски. Сам завод имеет 3 парохода, с которых нагрузка леса производится прямо на английские суда. Тут имеется больница и церковь, но школы нет.

Завод расположен на левом берегу реки; из старых отброшенных реек воздвигнуто подле берега несколько поперечных дамб, необходимых как защита от приливов. Проезд Великого Князя был встречен с берега пальбой из одинокой пушки; бревна, доски, плоты теснились целыми массами у берега, на котором обозначались где луг, где лесок, преимущественно лиственницы. Река и в особенности фарватер ее извилисты до невозможности, и подле нас то и дело высывались из воды где отмель, где целые семьи темневших камней.

Часов около 8 вечера все еще шли мы далее по реке, но уже не на пароходе, а в лодках. Город Мезень, медленно выдвигавшийся влево от нас, стоит на правом берегу и был уже очень ясно виден верхушками своих двух церквей, когда вельбот, на котором следовал Его Высочество, стал на мель; пришлось оставить его и пересесть на местную лодку, но и это не помогло: в полутора верстах от города Великий Князь сошел на берег и направился пешком. Все население было на берегу, у пристани, и, заметив приближение Великого Князя, хлынуло навстречу с громкими кликами «ура!». Тут же, на самом берегу, представились Его Высочеству власти; сев в маленький экипаж, Великий Князь направился немедленно к собору. Экипажей было довольно; благодаря обилию лугов, лошадей здесь много; они малорослые, но бойкие и напоминают петербургских шведок.

Берег, вдоль которого вытянулась Мезень, возвышается над уровнем реки сажени на четыре. В городе есть улицы, есть недурные дома, но тундра пробивается к самым крыльцам их, и кочки почтенных размеров мешают ходьбе и езде. Главная улица, Богоявленская, будет называться Владимирскою. Толпа, окружавшая Великого Князя, была типична, как нигде, потому что большинство мужского населения имело на себе олени «дохи» и «малицы», иногда покрытые полотняными или ситцевыми балахонами; на головах мужчин виднелись меховые шапки; женщины кокошников тут не носят, а обвязывают головы платками, оставляя на лбу два конца их колыхаться небольшими рожками. В самой Мезени жителей 1823 человека; каменных домов один, деревянных — 195. Самоедов в Мезени только двое мужчин и две женщины; живут они подле города в своих чумах и нищенствуют. Прежнее название Мезени — «Большая Слобода» — еще и по сегодня в ходу у местных жителей. Впервые упоминается о Мезени в жалованной пинежанам грамоте 1607 года, как о селе, ставившем подводы до Кулойского посада; грамотою этою мезенцы освобождены от дачи судов и снастей в Колу, но за то увеличен с них денежный сбор «на Пинежанский уезд и на Кеврольской стан, и на Мезень прибавлено 116 рублей 27 алтын 2 деньги», что составляло ровно 1000 рублей годового взноса податей. Ранее 1667 года мезенец Фома Кыркалов посылался для обследования Новой Земли, а в 1667 году, по грамоте 30 марта, тот же Кыркалов отправлен был для разыскания медной руды по реке Цыльме с пустозерским воеводою Нееловым.

Враждебные вторжения сибирских самоедов в Большеземельскую тундру принудили московское правительство иметь на Мезени отдельного воеводу, а значительное движение русских людей за Урал, во избежание платежа податей, обусловило постановку в Верхотурье крепостной заставы с командою. С 1668 года мезенцы, заодно с сошными плательщиками девяти уездов, начали платить по 60 рублей с сохи на постройку гостиного двора в Архангельске. В конце XVII века таможенные и кабацкие пошлины не отдавались более казною на откуп, а собирались целовальниками, что свидетельствует о бедности и ничтожном значении Мезени, тогдашней «Большой Слободы».

Мезень. Свято-Богоявленский («Новый») собор

Новый собор, Богоявленский, деревянный, гудевший во все колокола, в котором Великий Князь отслушал многолетие, освящен в 1861 году; он о пяти чешуйчатых куполах, с небогатым иконостасом, на котором в три ряда виднеются изображения святых; эти изображения новые, старые иконы развешаны по сторонам; над церковью гладкий, будто в комнате, потолок. Подле этого нового собора, рядом с ним, высится старая деревянная, крытая шатром, со сквозною галереей наверху колоколья; ее однолеток, старый собор, находится шагах в полутораста и обведен общею с новым собором решеткой. Оба они стоят на зеленом лугу. Собственно говоря, трудно понять, почему понадобился в Мезени новый собор, заурядный по архитектуре и не каменный, если подле него в полнейшем здравии старого, массивного, неразрушимого леса красуется собор древний, вполне типичный, характерный. Он освящен в 1718 году, следовательно, почти одновременно с церковью Вытегорского погоста, Олонецкой губернии, посещенною нами в прошлом году, построенною будто бы по собственноручному плану Петра I, и имеет с ним некоторое сходство. Центральных куполочков над ним пять, причем средний высится на конусообразной основе; кроме того — есть куполочки над приделами:

все они крыты чешуйками; высокие, плоские кокошники очень красиво взламывают своими изогнутыми очертаниями прямые линии главного кубического основания собора. Древний иконостас в четыре яруса; в соборе два придела, но есть еще и третий, пристроенный не совсем симметрично, во имя Алексия Божия Человека. Престольный образ собора — Рождество Богородицы. В общем, включительно с колокольной, это один из самых цельных сохранившихся до нас деревянных памятников Петровского времени и, как таковой, требует сбережения и поддержки.

Помолившись в церкви, посетив городскую больницу и острог, Его Высочество произвел смотр мезенской местной команде. Команда встретила Августейшего Главнокомандующего в развернутом строю, в полуротном составе. Обойдя фронт, Великий Князь приказал проделать ружейные приемы и уставное учение, по окончании которого была проверена гимнастика. После осмотра обойдены были кухня и столовая и испробована пища. Так как команда разбросана по обывательским квартирам, то помещение столовой заменяет в зимнее время манеж или, лучше, учебный зал. Направившись вслед за тем в канцелярию начальника команды, ведающего призывом новобранцев, Великий Князь ознакомился с порядком самого приема их на службу и последующим отправлением в места назначения. В довершение потребованы были сведения о состоянии в команде грамотности, состоянии в ней нравственности соответственно числу предаваемых суду и подвергнутых дисциплинарным взысканиям, причем Великий Князь лично выяснил начальнику команды всю важность требований этих в отношении войск местных, исключительно предназначенных для несения конвойной и караульной службы. Вопрос о постройке казарм уже решен, и отведенное для них место Его Высочество лично осмотрел; по словам Великого Князя, неудобства не могут служить оправданием неуспешности обучения, так как чем более встречается препятствий, тем больше должно быть рвение ближайшего начальства и тверже с его стороны надзор за ходом обучения.

Остановился Его Высочество в доме купца Ружникова, имеющего в Мезени, кроме торговли, салотопенный завод

Мезень. Собор Рождества Пресвятой Богородицы («Старый»)

белушьего жира; сало топится у него в деревянных бочках, в которые проведены чугунные трубы, нагреваемые горячей водой. Цена белушьего сала здесь на месте три рубля. Из окон дома всю ночь напролет видна была густо теснившаяся толпа. Главные характерные одеяния, как сказано, были «малицы» и «дохи». Первые из них — это нечто вроде длинных рубах из шерсти «неблюя», то есть оленьего теленка, одеваемых через голову и составляющих одеяние, недоступное никакому ветру, так как в нем нет вовсе щелей, имеющих в дохе, запахиваемой на груди. Костюм довершается меховой шапкой «пыжиком» и «пимами», сапогами, сделанными из оленьей шерсти волосом вверх, как и все остальное. Эти «пимы» шьются из самой крепкой жесткой шерсти от ног и лба оленя; для теплоты под них в виде чулков одеваются «липты», сделанные из мягкой шерсти неблюсв. Малиц и пыжиков виднелось в толпе очень много; для защиты от дождя поверх их одевают полосатые ситцевые или полотняные балахоны. Костюм женщин никакими осо-

бенностями не отличался, если не считать обвязки головных платков с двумя рожками на лбу. Хотя красивых женщин не было и тут, но все-таки они были гораздо лучше кемлянок и колянков.

Ясный июньский вечер был очень прохладен. Пользуясь временем, нужно было поехать осмотреть одну исключительную замечательность Мезени. Местные люди сообщили о том, что «Мезень находится в полутора верстах от Ада». Как было не взглянуть на такой близкий к жизни ад. Это было тем необходимее, что о преисподней вспоминает поговорка, гласящая, что «от Колы до ада только три версты»; этих трех верст в Коле никто из нас не сделал, как было не сделать одной версты в Мезени? И действительно стоило того. Невдали от города находится стрельбище команды: оно расположено на зеленом лугу, и подле этого луга, отделяясь от него прямою, резкою чертой, точно плугом проведенною, безо всяких переходов или градаций, начинается бесконечная тундра, идущая отсюда на многие тысячи верст к океану. Решительно нельзя объяснить себе этого удивительного, резкого прямолинейного начала тундры. Она подле города совершенно суха и усеяна громадными кочками темно-бурого цвета с самыми чахлыми следами растительности. Говорят, что на эту тундру не отваживается ни одно живое существо, что сюда не прикочевывает самоед, зверь не идет, птица не залетает. Безотрадную теменью идет она отсюда в бесконечность, начинаясь вплотную у зеленой муравы. Не напрасно называют ее «адам», потому что взгляд на нее так полон бесконечной, молчаливой, безответной смерти, что ничего подобного и представить себе нельзя. Надо стоять на обрезанном прямою чертой краю этой тундры, видеть, как не переходит на нее пасущаяся подле лошадь, как отлетает в сторону птица, чтобы признать возможным то впечатление, которое действительно выносишь. Кажется, безобидна тундра, и молчит она, и не трогает, но смертью веет от нее, смертью со всего бесконечного расстояния многих, очень многих тысяч верст.

Второе чудо Мезени — это сама река Мезень. На географических картах всем нам известные реки Двина, Мезень, Печора обозначаются совершенно одинаковыми темными

извивами. Это глубочайшая ложь. Что Двина могуча, в этом мы убедились, проехав ее всю; говорят, что Печора не слабее ее, но что касается Мезени, то это дрянная, проходимая вброд речонка. Вода точно припухает в ней дважды в день, во время приливов, но и тогда пароход, сидящий в воде только 4 фута, не рискует подойти к городу. Что же должно быть дальше, выше по реке?! Во время отлива река представляется небольшою мутною речонкою, текущею по ломаному фарватеру, в длинных подушках обсушенных песков, истыканных повсюду камнями, торчащими вдоль обоих берегов лентами какой-то неприглядной, острой сыпи. Реки Мезени, такой, какою является она на наших географических картах, положительно не существует.

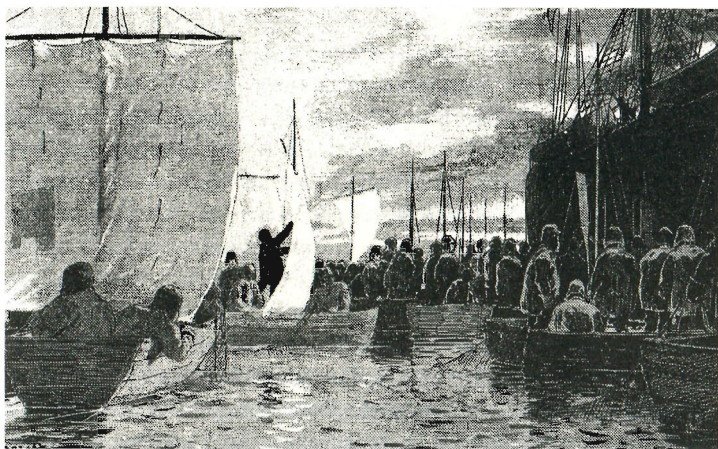
Почти четыре месяца в году в Мезень, как сказано, не приходит решительно никакой почты, если не считать случайно доставляемую через завод. До ближайшего города Пинеги, еще более глухого, чем Мезень, отсюда 303 версты летом и 143 зимой. Очень дешевы здесь шкуры оленя, лисицы, песца; на одном из городских дворов лежали сваленные в большую грудку олени рога; они идут отсюда за границу и цена им от 40 копеек до 2 рублей пуд, смотря по требованию и достоинству самого материала. Недурны образчики местной ржи, которая созревает в Мезени порядочно. Лугов очень много и, сообразно с этим, скота.

Светла и очень прохладна была тихая ночь. Теснившаяся подле дома, занятого Великим Князем, толпа молчала, как и ночь, не позволяя себе нарушить покоя царственного Гостя. Дохи и малицы, как летнее одеяние, были совсем уместны. Отъезд из Мезени назначен был, по соображению с приливом, на завтра, 26 июня, к 11 часам утра. Мы и не предполагали, какую чудесную картину увидим в заливе, подойдя к «Забияке», ожидавшему нас.

От Мезени к Онеге

*Флотилия белушников. Белуший промысел. Онежский рейд.
Город Онега. Историческое о городе. История северного
лесного дела. Нынешнее его положение. Лесопильный завод.
Замечательная выставка in natura в Анде. Местная охо-
та и охотники.*

Флотилия белушников — вот та картина, которою налюбовались мы вволю, выйдя снова в Мезенский залив. В 11 ½ часов утра 26 июня покинули мы характерную Мезень с ее оленьими малицами и дохами, с ее тундровым адом и невозможно мелкою речкой. Мы покинули ее так же, как прибыли, т. е. на лодках. Замечательно характерны все прибытия и отплытия в тех северных городах наших, которые мы посетили: приливы и отливы регулируют их с такою точностью, что в данный час все и вся торопится, суетится, как бы не отстать; не поспеть — значит потерять безвозвратно двенадцать часов времени со всеми последствиями этой потери. Морской прилив к нашему отъезду был в полной высоте, и великокняжеский вельбот стоял у самой пристани. Река Мезень была неузнаваема: куда исчезли все эти камни, лежавшие обнаженными вчера к ночи по всему ее песчаному руслу? Река казалась многоводною, такою, какою обозначается она на наших географических картах, чуть не под стать Двине или Сухоне. Все население города Мезени было на берегу, и по мере движения нашего вниз по течению женщины упорнее мужчин бежали по правому берегу, которого мы держались. Так как в реку то и дело упирались поперечные изгороди, то очень любопытно было наблюдать, как ловко перепархивали через них женщины. На головах большей части из них были повязаны платки; об отсутствии кокошников в Мезени мы уже упоминали, и два кончика этих платков, нависавшие над лбами рожками, то и дело побалтывались самым оригинальным образом. Особенно

Крейсер, окруженный флотилией белушников

упорно сопровождали вельбот две женщины — жены представителей низшего административного класса, нам их даже называли; одну отличало ярко-малиновое, другую — ярко-голубое платье, и несмотря на то, что перед каждой изгородью им, для того, чтобы перелезть, приходилось приставлять к ним зонтики, они от вельбота все-таки не отставали.

Пароход «Мезень» ожидал нас верстах в двух от города. Мы пересели на него и увидели опять его покоробленную палубу и услышали снова стук говорливой машины. По мере движения вниз по течению, следуя очень извилистым фарватером, делая постоянные промеры и постоянно поскребывая о дно, мы любовались на лежавшие на боку суда, ожидавшие полной воды, для того чтобы выпрямиться, стать как следует и выйти в море. Опять увидели мы низкие берега залива, тянувшиеся полосками в бесконечную даль, его густую, илистую воду, отражавшую, но не принимавшую в себя ярких солнечных лучей. Мы направлялись прямо к «Забияке», не замедлившему обозначиться далеко впереди, и вволю налюбовались целой флотилией белушников, собравшеюся перед нашими глазами к клиперу со всей видимой поверхности залива.

Мезенский залив — один из самых важных для промысла белухи, *Delphinopterus leucas*, называемой иногда совер-

шенно неправильно белугой. Это китообразное, достигающее до 3 ½ сажень длины, дает до 22 пудов сала. Барыш, доставляемый белухой, если принять в расчет и кожу, идущую на обувь, около 70 рублей; малая белуха дает не более 20 рублей. Во всем Белом море есть белуха; живет она тут круглый год, и очень много ее по всему бесконечному северному побережью Сибири до самого Охотского и Берингова морей, и везде охотятся на нее, и всюду бьют и выбить не могут. Белуха — существо кроткое и глупое и ходит всегда великими косяками, причем — и это для нее губительно — любит забираться в довольно мелкие заливы. Плавающий по заливу косяк белухи легко выслеживается промышленниками, так как светлые спины особей то и дело обозначаются на водной поверхности. Если такой косяк попадает на более мелкое место, а он именно такого места ищет, то окружается лодками промышленников: лодки эти ходят по две, причем каждая из них несет один из концов невода; окруженный кольцом подобных неводов, косяк подвергается почти поголовному избиению так называемыми пешнями. Косяки белухи достигают иногда огромной густоты по числу особей и, по-видимому, не переводятся. В 1857 году в Кандалакшской губе зимой белухи торчали обледелеными статуями; в 1867 году в Императорском вольном экономическом обществе сделано сообщение, что белуха проходит иногда такими сплошными массами, занимая 5–10 верст поверхности, что заливы подергиваются ею как бы льдом; в 1880 году одним промышленником было добыто белух в два дня на 12 000 рублей, в 1883 году тому же промышленнику в одну тоню попало 400 белух около Новой Земли.

Мезенский залив, как сказано, особенно богат белухами, что мы и видели, любясь державшимся в стороне от нас косяком, поблескивавшим многими белыми спинами; по одной из белух дан был от нас из винтовки выстрел, кажется, удачный; норвежцы много стреляют их; иногда орудуя этим путем и наши поморы. В деревне Щелье, близ реки Кулоя, видной издали, белуший промысел — главный промысел: в прошлом году он делился на 300 паев, и на пай пришлось по 30 рублей. Убитую белуху «бреют», то есть снимают с нее сало, и в бочках везут его в Архангельск; самую

тушу, представляющую значительную ценность, по первобытному способу бросают в море.

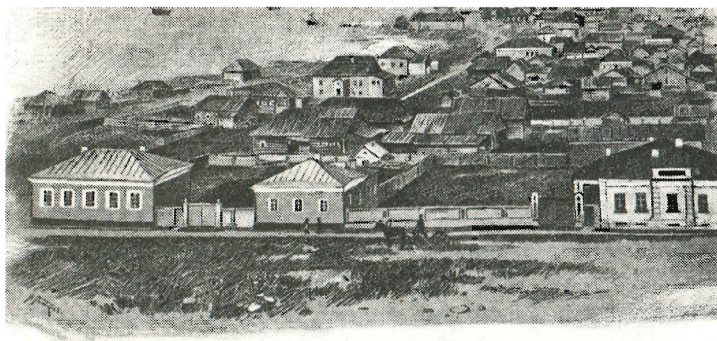
Едва только выехали мы в открытый залив, как не могли не заметить, что со всех концов его, по направлению к «Забияке», как к центру, двинулись рассеянные по поверхности залива карбасы белушников; по счету шло к нам с полсотни карбасов, каждый под двумя четырехугольными парусами. По мере приближения их выяснились классические силуэты поморов в оленьих мехах, меховых шапках; это были норманны, ушкуйники, гунны, если угодно, только не люди нашего времени, а какие-то выходцы далеких, смолкнувших в былом исторических людей. Подобно тому, как был окружен «Забияка» в Кемии водяными амазонками, в их роскошных, пестрых сарафанах, кокошниках и лентах, так виднелись здесь темно-серые, суровые очертания поморов, сплотившихся подле клипера, чтобы взглянуть на Великого Князя. То же яркое, теплое солнце освещало и эту картину, одну из роскошнейших и самостоятельнейших, представших нам на нашем далеком пути. Словом, ее не описать, тут нужны бы были или кисть, или карандаш. Современные норманны окружили нас в самый момент прибытия нашего к клиперу, т. е. в половине 2-го пополудни. Его Высочество с мостика на «Забияке» милостиво разговаривал со стоявшими в своих карбасах, обнажив мохнатые головы, белушниками, от внимания которых, конечно, не ускользнуло, насколько интересовался их житьем-бытьем брат Государев.

Пары на «Забияке» были разведены, и мы не замедлили тронуться в путь; нам предстояло сделать опять-таки очень длинный переезд с восточного берега Белого моря к южному, к городу Онеге. В 10 часов вечера перешли мы, в который уже раз, полярный круг и втянулись в горло Белого моря; довольно однообразное плавание было очень оригинально нарушено прилетевшим к нам воробушком, привлечшим к себе общее внимание. От нас до берега было тогда верст сорок. Смелчак воробей, Бог весть почему занесшийся так далеко, опустил на палубу «Забияки», видимо уставший, изнуренный; он волей-неволей нисколько не пугался обрадованной его посещением команды, отдохнул с полчаса и пустился в обратный лет, по направлению к берегу.

К полудню следующего числа, 27 июня, выяснился вправо от нас, первым из группы знакомых нам Соловецких островов, подле которых мы проходили снова, Анзерский остров, и на нем ярко отмечался над синевой моря белый скит. Скоро, вслед за ним, преобразенные полуденным миражем, поднятые и плоско обрезанные по верхам, обозначились другие Соловецкие острова, и наконец на короткое время глянула вдаль и сама обитель. Мираж удваивал и утраивал очертания скал, делил острова на два и на три яруса, причем нижний слой составляли облака, а твердые массы точно плыли выше их в голубом, совершенно чистом небе. Было 9° тепла, и ветер стоял южный.

Около 2 часов дня, опять-таки вправо, показался остров Жужмуй и на нем маяк печальной памяти, на котором не очень давно люди, привезшие припасы, нашли весь личный состав служивших мертвым; причина смерти осталась до сих пор необъясненной, но полагают, что они угорели. По мере движения нашего к юго-востоку, в самое острие Онежского залива, обозначались все настойчивее многие острова и берег матерой земли, к которой мы наконец приближались, дробимые на части сильнейшим миражем. Мы шли со скоростью 13 узлов, но против нас действовал отлив со скоростью трех узлов, так что в сущности подвигались мы только на 10. К 8 часам вечера вправо от клипера выдвинулся из воды остров Кио, скалистый, лесистый, и на нем монастырь, который предстояло нам посетить завтра. Несколько судов стояло по разным сторонам на якоре; глубина была тут около 30'. Рейд, на котором мы бросили якорь, в 15 верстах от города Онеги, давным-давно служил и служит предмет пререканий между городом и компаниями лесного торго: город находит, что рейд то и дело засоряется балластом, кидаемым в воду с судов, приходящих за лесом, и якорные стоянки что ни год удаляются от города.

Вечер был удивительно прозрачный, при 18° тепла; море расстилалось кругом безусловно зеркальное, серебряное, скорее жемчужное, и целые группы скалистых островов и недалекие берега ясно обрисовывались по округе: те, что были поближе, вследствие какой-то странной игры света казались черными; те, что отстояли дальше, залива-

Онега. Общий вид

лись огнями спускавшегося солнца и ярко, ярко краснели. К нам не замедлил подойти пароход «Онега», на который мы пересели и стали огибать Кио-остров, оставляя его влево и направляясь так называемым новым фарватером, обозначившимся только три года тому назад; до того здесь пользовались старым, идущим с другой стороны острова. Мы обогнули остров почти по целому кругу и начали втягиваться в самую узкую часть залива; к реке, где-то вправо от нас, должна лежать знаменитая Нюхча, та, от которой пошел Петр I к Онежскому озеру; этот берег совершенно низмен, тогда как на другом, лежавшем влево, обрисовывались невысокие лесистые горы. Река Онега благодаря приливу казалась полноводною, но это только казалось, потому что в отлив обнажается и она, хотя и не до такой степени, как Мезень, и в русле, перед самым городом Онегой, глубина не бывает никогда менее 20'. Скоро вслед за входом нашим в реку, с берегами ее, поросшими лесом, увидели мы влево основанный три года тому назад лесопильный завод Шенглейна; вправо, немного повыше, растянулся вдоль воды старинный завод компании Онежского лесного торгова с неисчислимым множеством бревен и досок, сложенных в многоярусные штабели. Шторм, испытанный нами на Мурмане, нанес большие убытки заводу Шенглейна, разметав и унеся около 4000 бревен.

Сильно темнело, когда мы подошли наконец к городу, лежащему на правом берегу реки, плоском, обрывистом, пес-

чаном. В виду его стояло на якоре 15 судов, отчасти нагруженных лесом для отправки за границу, и три парохода; все они были расцвечены флагами; между них теснилось множество лодочек, и вся набережная была усыпана людьми. Город тянется вдоль реки версты на две и, как и все северные города, начиная от Холмогор и Архангельска, придерживается воды и имеет одну только улицу, если не считать коротеньких поперечных переулочков, поросших сочною травой, вполне пригодною под пастбище. Тундра, как и в Мезени, топорщится по улицам и здесь. В глубине, за городом, обозначались невысокие, поросшие густым лесом холмы. В городе 2600 человек жителей, в уезде 36 000. Следует заметить, что тут, как и в Мезени, местная интеллигенция, — очень невеликая впрочем (в Мезени около 20, в Онеге около 10 семейств), — пристыдила нашу провинцию тем, что все они живут в мире и любви и никаких враждебных партий или кружков не имеется.

Сойдя на берег и приняв представившихся ему лиц, его высочество направился немедленно в собор; собор об одном восьмипарусном куполе с колокольной и отличается очень богатым, резным, точеным, белое с золотом, иконостасом. По посещении собора позднее время дня не допускало каких-либо осмотров и посещений.

В городе Онеге, как и на всех остальных пунктах северного побережья, находились мы опять на древней, очень древней исторической почве. Такой маленький, невзрачный городок и такая удивительная историческая давность! Основан город в XV веке новгородцами, под именем «Устьянской волости»; в местном соборе хранится Евангелие с надписью, сделанною на нем в 1601 году. Онега уездный город с 1780 года. В 1756 году императрица Елизавета Петровна дала графу Шувалову привилегии на заведение тут лесопильных заводов и иностранную торговлю лесом; с тех пор и по сегодня Онега один из самых важных лесопромышленных центров. Шуваловы продали это право англичанину Гому на 30 лет; в 1762 году Гом имел при одной Онежской верфи своих 50 кораблей. В 1781 году, по указу Екатерины II, учрежден был в Онеге открытый порт. Если англичане, сжегши в 1856 году Колу и бомбардировав Соловки,

Онега. Собор

пощадили Онегу, так это потому, что тут лежали большие запасы лесных материалов, оплаченные английскими капиталами, и стоял лесопильный завод, принадлежавший английскому торговому дому. Оригинальная защита, не правда ли?

Когда со второй половины XVIII века в здешних лесах начал хозяйничать Гом, то тщетно входила Адмиралтейств-коллегия, видя страшное и быстрое оскудение корабельных лесов, с представлениями о вреде дарованной Гому привилегии. К счастью, у самого Гома дело не пошло, и казна передала права его Гауману в 1769 году. В 1811 году «лесной торг» состоял под управлением особых директоров; с 1833 года его отдали в аренду Бранту; в 1846 году — Кларку; с 1856 года образовалась компания «Онежского лесного

торга». Насколько дурно понимали у нас лесное хозяйство, видно между прочим из того, что еще в 1843 году начальником главного морского штаба сообщено было Министерству государственных имуществ Высочайшее повеление о том, чтобы дозволить лесопромышленникам не вывозить с места рубки вершинник, сучья, щепы и кору, — т. е. дозволено делать именно то, что мешает лесовозращению.

Уже в царствование Петра I начались жалобы на оскудение наших северных лесов. Весь Мурманский берег с малыми исключениями лишен лесной растительности, которая, так сказать, не смеет подступить к Полярному морю и начинается только верстах в сорока от него. Там, где в укрытой бухте виднеются на Поморье сосны и ели, они бывают иногда очень почтенных размеров, но многие из них, если не большинство, пускают ветви только в сторону материка; к морю, боясь его дыхания, словно отворачиваясь от севера, глядят они своими мшистыми, лишенными ветвей стволами. Полярная сосна, в пандан нашей южной Таврической, тоже любит иногда украшаться шатровою вершиной, что при резких очертаниях скал над порожистыми реками дает пейзажу особенно своеобразный, законченный вид. Но крупные, прежние, старые леса, обрамлявшие некогда Двину, Онегу, Мезень и многие другие северные реки, отошли в историю.

Небесполезно будет, говоря об Онеге, служившей тем путем, которым прошли от нас за границу невообразимые лесные богатства, сказать несколько слов о положении нашего лесного дела в этих местах в настоящую минуту. Предпрошлый 1884 год был счастливым годом для Министерства государственных имуществ, ведающего лесом, потому что истекли и истекают сроки очень тягостных для казны контрактов, заключенных этим министерством при других министрах, лет двадцать и менее тому назад. Кончился контракт: 1) с г. Беляевым по реке Выгу, на основании которого с 1867 года он платил за бревно 80–96 копеек, тогда как цена ему по таксе от 1 рубля 84 копеек и до 3 рублей 92 копеек; 2) с компанией Онежского лесного торгова, платившею за бревно 1 рубль 12 копеек, тогда как цена ему от 1 рубля 15 копеек до 3 рублей 92 копеек; 3) в 1888 году истекает срок контракта с фирмой Русанова, действующе-

го с 1870 года, на мезенскую операцию, в котором закреплены цены за бревно 60–80 копеек, тогда как по таксе следует 93 копейки и до 2 рублей 72 копеек; нужно заметить, однако, что на пильный лес таксы эти возвышены в 1880 году на 25%, в 1881 году — на 24%, в 1882 году положено было возвысить их еще на 39%.

Серьезность положения нашего северного лесного хозяйства вызвала особенно тщательные исследования. В июле 1881 года командированы были в Архангельскую губернию лесные чины, и они нашли, что лесная операция идет тут вовсе нежелательным способом: рубки, производимые только по рекам, идут не далее как на 7–10 верст от берегов их и, при возрастании требований на лес, распространяются не в глубь лесных пространств, а к верховьям рек. Министерство пришло к заключению, что на будущее время рубку следует допускать не с общей площади лесных дач, а с тех береговых полос, в которых рубка должна производиться. Найдено было также очень невыгодным, что все лесное дело сосредоточено в руках немногих лиц и что контракты с ними слишком продолжительны; найдено также, что сама эксплуатация ведется неправильно, потому что рубят как бы по недоглядке, много недомерного леса и оставляют его лежать, что, заодно с отрубленным и валяющимся везде вершинником, действует в высшей степени вредно на возобновление леса. Решено было также, ввиду повторявшихся на торгах стачек лесопромышленников, не повторять в том же году однажды несостоявшихся торгов. Мера довольно простая, но для казны очень благотворная, так как лес, простояв на корню лишний год, в ценности своей не убавится, а промышленникам пустующий год — не доход.

Как сказано, кончившиеся сроки контрактов очень помогли министерству, но нельзя не сказать ему спасибо за то, что оно исходатайствовало Высочайшие повеления на расторжение двух контрактов: со «Святнаволоцким товариществом» и с «Вытегорскою лесною операцией». Эти оба контракта были покушением на обезлесение Онежского озера сразу с двух сторон, с восточной и с западной, и этого теперь больше не будет. Громадно значение наших северных лесов и для поморов. Не говоря уже о том, что охота в Олонецкой

и Архангельской губерниях для очень многих людей единственный заработок, но и для развития и поддержания рыбных океанских промыслов наши леса необходимы. Целый ряд комиссий, имевших предметом поднятие благосостояния нашего Севера, ходатайствовал о помощи поморам. От лесного ведомства за последние годы дана им помощь большая. Вот перечень некоторых льгот. В 1882 году разрешен безденежный отпуск леса корелям Кемского уезда, разрешено всем лопарям и Яковлевскому обществу безденежное пользование лесом на домашние потребности, а всей Архангельской губернии по ценам пониженным в таком размере, что кубическая сажень дров отпускается им по 16 копеек, тогда как рыночная цена ее от 85 копеек до 1 рубля 75 копеек, а для норвежцев даже до 2 рублей 55 копеек. В 1883 году распространен льготный отпуск леса для постройки судов всем жителям Архангельской губернии, и, наконец, в 1884 году разрешено местному управлению государственными имуществами допускать крестьян к бесплатному пользованию пнями, корнями и валежником для смолокурения. Если не смотреть на казну как на кошель, открытый всем и каждому, то нельзя не согласиться, что лесные льготы, данные жителям Архангельской губернии, достаточно велики: помор может строиться, отапливаться и поднимать свою шняку для промыслов чуть ли не даром.

На следующий по прибытии в Онегу день, 28 июня, нам предстояло много любопытного: посещение лесопильного завода и замечательной *in naturam* выставки охоты и рыболовства. Доказательством тому, что мы находились в лесной местности, служили необозримые полчища комаров, забивавшихся в комнаты. Чудотворно было жжение на блюдцах персидского порошка при закрытых окнах: едва только растекся синий дымок его по комнате, как комары валились сотнями, и несносное, незатейливое жужжание их, сопряженное с молчаливыми уколами, прекращалось.

Впрочем, эти вечерние и ночные нападения комаров — так думалось нам — должны были прекратиться утром следующего дня при предстоявших посещениях. Ничуть не бывало. Яркий солнечный день нисколько не умалил их ожесточенных нападков. Это было заметно особенно ясно,

когда Его Высочество производил смотр онежской местной команды. Команда была построена для смотра в полуротном составе на поляне при выезде из города. После ружейных приемов и уставного ученья Великий Князь смотрел гимнастику. Посетив вслед за тем казармы, столовую, кухню и цейхгаузы, Его Высочество направился в командную канцелярию, где потребовал ордера предшествовавших инспекций, внимательно их рассмотрел и делал по ним указания; проверив ответственность наряда людей на службу по домашнему обиходу, ознакомился с порядком ведения штрафного журнала и с состоянием в команде грамотности. Молодцами выдерживали солдаты во время ученья невыносимые атаки комаров. По словам начальствующих лиц, мучительность этих жужжащих комариных туч бывает так велика, что жалко становится командовать людям «смирно» и видеть, как облепляют комары неподвижные, подставленные их уколам лица. Впрочем, эти онежские комары были только слабою прелюдией того, что предстояло нам встретить впоследствии.

В Онеге есть портовая таможня и таможенный отряд, и Его Высочество после осмотра посетил казарму отряда. Это была третья подобная казарма, посещенная Великим Князем, и надо отдать полную справедливость чистоте и удобству всех их; помещения даже роскошны.

В 11-м часу на лодках переехали мы к лесопильному заводу, лежащему почти против города. Это один из тех пунктов нашего северного побережья, из которого с давних дней прошло за границу огромное количество наших лесных материалов. Ныне действующая лесная компания приобрела завод в собственность в 1863 году за ничтожную сумму, 65 000 рублей; количество заготавливаемого леса с 1856 по 1885 год до 125 000 бревен, но бревнами он за границу не отправляется, их пилят, обращают в доски и отправляют в Англию в количестве 75 000 дюжин. Рейки, остающиеся с боков бревен, и обрезки концов идут главным образом на дрова. Бесконечно хуже и обиднее судьба опилок, получающихся в громадном количестве и лежащих кругом изжелта-белыми холмами. Подобно тому, как бросаются в море внутренности трески, туши белухи и акулы и еще

недавно бросались туши китов, опилки эти бессовестным образом сжигаются, чтобы не занимали места; мало, в самом деле, места на севере России! Из них можно бы добывать и уксусную кислоту, и соду, и делать древесную массу, но, говорят, устройство специального завода слишком дорого, жечь несомненно дешевле. И мы видели, как за заводом голубым дымком улетучивались значительные капиталы нашей богатой капиталами России.

Во время великокняжеского посещения заготовленного леса лежало на заводе тысяч на 600; главное — сосна, но есть и ель, которая в последнее время, вследствие оскудения сосны, начинает находить сбыт. Самая удаленная от завода доставка леса идет из Каргопольского уезда по рекам Моше и Онеге россыпью; у села Корельского поставлен затон, ниже — другой, подле Анды, откуда лес, связанный плотами бревен в 600, спускается до Онеги. В Англию отпускаются около 24 судов; для нагрузки имеются два парохода. Завод устроен хорошо; рабочих летом 500, зимой — 200 человек, и для них особая казарма; паровая машина в 70 сил. Великий Князь, подробно расспрашивая о судьбах нашего леса, обошел решительно весь завод. Досок четыре сорта, пятый — брак, остающийся, конечно, для сбыта поморам, которые и производят им свою мелочную торговлю.

К 4-му часу пополудни были мы снова в городе и выехали немедленно в экипажах для осмотра замечательнейшей выставки, устроенной в Анде, верстах в 5–6 от города, на высоком, красивом берегу Онеги. Лошадей было приготовлено достаточно, так что пословица, гласящая, что «во всей Онеге нет телеги», оказалась несправедливою. Дорога идет по правому, высокому берегу Онеги, то теряясь в лесу, то выбегая на самую кручу к реке, изгибающейся далеко вниз. В Анде, при впадении небольшой речки Анда, стоит бездействующий старый лесопильный завод. На высокой горе, на расчищенной площадке, в сплошном лесу, поставлен был красивый павильон, из которого открывался богатый вид на протекавшую глубоко внизу, вдоль обнаженных камней, Онегу и на лесопильный завод, видневшийся в поперечной к ней котловине. Сосна, ель, осина, береза, можжевельник образовывали кругом сплошные кущи, и множество народа

Онега. Анда. Группа охотников

в праздничных одеяниях теснилось близ павильона, образуя самые характерные живописные группы.

Главный интерес посещения Анды состоял в выставке, разбросанной по гористому лесу. Устроители задались счастливою мыслью представить Его Высочеству охоту и рыбную ловлю — два главных местных промысла — в образцах, но не уменьшенных, не в моделях, а в натуральную величину. Вся волнистая поверхность леса была изрезана берлогами, обставлена силками и тенетами: на более открытых местах во всю вышину и многосаженную длину протянуты были хитрые, очень сложные сети, мережи, мешки, затоны, заколы, практическую применимость которых можно было видеть на том, как случайно забежавшая в закол собачонка не могла выбраться на свободу и была освобождена только с великим трудом людьми.

В Онежском лесничестве десять волостей, промышляющих охотой. Самый большой процент приходится на лесную дичь, затем на белку и самый ничтожный — на куниц, лисиц и оленей. Промыслы начинаются с 1 октября. Еще зимой, за восемь месяцев до начала охоты, на лошадях или на лыжах, вывозят охотники на места своих охот, к избушкам или лабазам, съестные припасы, состоящие из муки, круп, сухарей и соли; так и ожидают они там все лето и осень. Порох, свинец и котелок приносит охотник с собой. Самая малая доля птиц бывает убита из ружья; остальное количество добы-

вается ловушками, пастями, силками, очапами, наворотами и пр. Каждый промышленник имеет в лесу свой участок по нескольку верст в окружности; деление это, свято соблюдаемое, произошло исстари, совершенно с тою же, нигде не записанною, никакому нотариусу не явленной прочностью, как и владение лопарскими чумами на Мурмане. Каждый промышленник имеет свой «путик», по которому он ходит, и никогда не вторгается в чужое владение. Начинаящий охотиться или покупает путик, или приискивает новый. При разделе семьи, при свадьбах путики делятся, как и прочее имущество. Ловушки, поставленные по путику, промышленник обходит в два дня; у самых богатых выставляется до 3000 силков. Собранная дичь хранится в «лабазах»: это бревенчатые клетки, торчащие высоко на одном бревне. Добываемую птицу крестьяне продают скупщикам: рябчики и глухари по 20–25 копеек за пару, белка — 8–10 копеек, оленьё мясо — 80 копеек пуд, шкура лисицы 3–4 рубля; все это продается или на Шунгской ярмарке, или в Петербурге; медвежьи шкуры, ценой до 50 рублей, находят сбыт в Финляндию.

О характере местной охоты можно бы было написать целую книгу, полную высокого интереса. Главные предметы, служащие ей, видели мы при объяснениях местного лесничего, главного устроителя выставки, сопровождавшего Его Высочество; объяснения были очень яркие и кратки. От медвежьей берлоги и лисьей норы вплоть до колод для ловли выдр и оленей, капканов, пастей — все это было перед нами; виднелись лабазы, промысловые избушки, речные и морские переметы для семги, уремы для налимов, заборы для ловки камбалы, сельдяные рюжи и невода, и все это в натуральную величину, с самыми точными объяснениями.

Некоторые из выставленных вещей и снарядов свидетельствовали о большой хитроумной практичности. К числу таковых надо отнести, например, петлю для ловли рябчика: в момент стягивания петли на попавшую птицу опускается берестяной колпачок, сохраняющий ее от непогоды за все то время, пока отсутствует промышленник; характерна «нодья», или «норья», — костер для поддержания долгого, медленного огня в долгую осеннюю ночь, без ухода за

Онежский охотник с лайкой

огнем: все дело в двух бревнах, положенных одно на другое со щелью посредине и обгорающих только с одного бока.

Очень характерны были 35 местных промышленников, стрелков, в их одеяниях, со всякими навесками у пояса и на груди, стрелявших в присутствии Великого Князя на призы с расстояния 21 сажени с подстав — обыкновенный способ их стрельбы; большинство попадало в яблоко; даже те, у которых нет своего ружья, потому что нет денег свое ружье «вести», и они отлично стреляли из чужих ружей. Ружья эти вполне археологические. Великий Князь раздал призы собственноручно и много расспрашивал охотников.

Осмотр этой любопытнейшей из всех виденных нами выставки продолжался очень долго. Девушки водили хоро- воды и пели, а далеко внизу по реке Онеге на глазах наших производился лов семги; невод тянули две лодки, и эти суденышки, шедшие попарно, казались нам с высоты горы очень маленькими.

Около семи часов вечера покинули мы Онегу на пароходе «Онега» и направились к «Забияке» старым фарватером; по пути, перед тем, чтобы сесть на клипер и сделать на нем последний рейс к недалекому Сумскому посаду, предстояло нам посетить Киостровский монастырь. Ветер свежел, пристать к монастырским скалам было трудно. Звон колокола вещал о том, что это вечер перед Петровым днем.

В Онеге, которую мы покинули, имеется мореходный класс, в зимнее время, конечно. Это учреждение очень полезно, равно как и шкиперские курсы, в основание которых положено Высочайше утвержденное мнение Государственного совета 27 июня 1868 года: «Шкиперский курс», училище третьеразрядное, состоит вполне на иждивении казны, и их в настоящее время на Севере два: в Кеми и Архангельске; «мореходные классы», пользующиеся правами II разряда, открываются только тогда, когда местное общество дает не менее 200 рублей; казна в таком случае приплачивает львиную долю — 800 рублей. Этих классов в настоящую минуту четыре: в Патракеевской волости, близ Мудьюгского маяка, имеющей около 60 собственных судов, в Кушереке, между Онегой и Сумой, в Сумском посаде и в Онеге. В зиму 1883—1884 года в шкиперских курсах было учеников: в Архангельском 35, в Кемском 31; в мореходных классах: в Сумском 17, Кушерецком 21, Онежском 16, Патракеевском 25. Очень немногие из учеников учатся пятую и шестую зиму, большинство ограничивается 2—3 курсами; по выпуске значатся они штурманами, шкиперами, юнгами, коками, матросами, попадают и зуйки. По сведениям «Императорского Общества для содействия русскому торговому мореходству», во всех 40 школах всех наших европейских морей, зимою 1883—1884 года, имелось 1335 учеников; для полноты следует прибавить 15 человек Тобольской, единственной для всей Сибири. При более широком поднятии промыслов на Севере, особенно в сторону Новой Земли, в открытое море, классы и курсы непременно разовьются, так как готовый материал в прирожденных морях существует и потребность есть. То, что нам говорили о выпущенных учениках, свидетельствует о том, что цель достигается вполне, люди знают свое дело, а от дедов и отцов завешаны им качества отваги и сметки, которых в других местах поискать.

Конец морского пути. Сумский посад

Остров Кио. Крестный монастырь и его древности. Последний обед на «Забияке». Сумский рейд и прощание с «Забиякой». Опять женский город. Сумлянки. Сельдяной и семужий промыслы. Река Сума. Сумский посад. Его соборы и подворье. Замечательные древности. Отъезд в Повенец.

Целый день было совершенно тихо и небо светило ясно, но к вечеру появились Бог весть откуда небольшие, порывистые шквалики и поверхность залива подернулась довольно крупною волной. Мы оставили Онегу, идя старым фарватером, гораздо более коротким, чем новый, доступный только в прилив; он обставлен баканами, и вот уже два года, так говорят, по крайней мере, здешние люди ходатайствуют о проверке его и нанесении на карту, но ответа не имеют; если бы это было исполнено, то суда страховались бы до самого города; теперь их страхуют только до рейда.

До Киостровского монастыря близехонько. Легенда сообщает, что название Кио-остров произошло так: Никона, будущего патриарха, когда-то инок Соловецкого монастыря, разбила в этом месте буря; «Кий остров?» (какой это остров) — спросил будто бы Никон, и имя это за островом и за воздвигнутым Никоном монастырем так и осталось.

Остров Кио, или лучше небольшая группа островков, поднимается из моря, в виду устья Онеги, обточенными временем и вечными приливами скалами; при полной воде имеются только три острова, при малой их много; скалы словно обрезаны надвое тою горизонтальною чертой, до которой поднимаются приливы; под нею не цепляется за скалы ни единой травки, ни одного корешка, и они вечно лоснятся в своем розовом обнажении, вечно обмываемые; над этою чертой непосредственно начинаются мхи и травы и поднимается старый хвойный бор, в гущах которого прютились три монастырские церкви. Мы пристали к острову на вель-

боте, и жаль было смотреть, как постукивали белые бока его, как царапался киль о твердые граниты, благодаря двигавшейся волне. От берега идет некрутой подъем, и так как гранитные глыбы, составляющие весь остров, вовсе не удобны для хождения, то проложены по ним доски, по которым мы и следовали. Великий Князь был встречен у ворот обители настоятелем архимандритом Ювеналием и братиею, которой здесь всего десять человек. Звон небольших колоколов тихо разносился по старым хвоям, освещаемым опускавшимся солнцем. Вследствие свежего ветра, несмотря на канун Петрова дня, никого молящихся на пустынном островке не было, кроме нас.

Построен монастырь в середине XVII века. Запрестольный образ главного храма — Воздвижение Креста, и монастырь зовется Крестным. Иконостас старый, резной, четырехъярусный; подле царских дверей, справа, нарушая его симметрию, между четырьмя массивными столбами из розового мрамора, под аркой, поставлен большой деревянный, имеющий триста лет веку крест. Замечательно, что на этом храме всего только три купола: один центральный — побольше, два других поменьше, и помещаются они над абсидами; замечательно и то, что на хорах, под куполом, имеется однопридельная церковка Михаила Архангела, изнутри храма не видная.

Вся обстановка храма, благодаря уединенному положению монастыря, не изменилась, и от нее веет далеко прошедшим. Древняя люстра с двуглавым орлом красуется, низко нависая под главным куполом; имеется портрет патриарха Никона 1665 года, его шапка, описание жизни, суда над ним и ответы Никона. Имеется небольшой архив с грамотами и письмами бывших властителей и властительниц земли Русской; очень недурны некоторые из вкладов, например кубок аугсбургской работы, на который Его Высочество не замедлил обратить внимание, подарок боярина Матюшкина, с характерною припиской к надписи: «А кто украдет, да будет проклят».

Вероятно, не моложе главного храма небольшая деревянная церковка, во имя Всех Святых, стоящая на братском кладбище; немногочисленные крестики окружают ее, и трудно представить себе, как устраиваются могилы в мире ото-

Кио-остров. Крестный монастырь

шедших братьев в этих массах векового гранита. Темень хвои осыпается над ними и наполняет глубокие щели; сумрачно смотрит лесная чаща, но скромные крестики, кое-где покосившиеся, гласят о каком-то невозмутимом спокойствии, о какой-то святой уверенности в том, что есть будущее и что могила — не последнее слово. Скалы холодят впечатление. Но если могут возрастать на них старинные сосны, отчего же не народиться и новенькой могиле?

Мы возвратились к пароходу «Онега» тем же путем, как и прибыли. Вид на монастырь с моря очень недурен; зеленые, луковичные купола его резко выделяются на белых стенах и царят над вечною зеленью сосен; вечернее освещение ударило со стороны, когда мы отъезжали, и картинка просилась в рамку. В 9-м часу вечера были мы на «Забияке» и поднялись на него по трапу в последний раз, так как нам предстоял еще только один небольшой переход морем, до Сумского посада, а затем предвиделось прощание с клипером. К приходу Его Высочества «Забияка» был неузнаваем: весь высокий ют его, вся кормовая часть была обращена в своеобразный столовый зал. Изю всех флагов, всех наций, имеющих на каждом военном судне, устроен был клокотавший на ветре павильон. Крепчавший ветер двигал длинными волнами все

эти изображения орлов, львов, носорогов, змей, солнц, огнедышащих гор и корон, расцвеченных всеми самыми яркими красками радуги; вздувавшаяся волна моря с шумом била в крутые бока «Забияки», но импровизированный фонтан, устроенный за кормой, поднимавший массу воды, заглушал эти всплески и удары. Против наступающих сумерек тоже были приняты надлежащие меры, и над импровизированными столами затеплились белыми звездочками электрические лампы. Свет от заката проникал сквозь флаги, свет от ламп ударял на них с внутренней стороны, и все это одушевлялось ветром, не заглушившим, однако, тоста, провозглашенного за здоровье Его Высочества, и здравицы Великого Князя в честь командира, офицеров и команды «Забияки». Это был последний обед, данный Его Высочеством офицерам. За все время пути на «Забияке» офицеры были гостями Великого Князя; к последнему обеду устроили они ту фантастическую, колебавшуюся столовую из флагов, которую мы описали. По окончании обеда мы снялись с якоря, и 29-го утром, в Петров день, в 8 ½ часов бросили якорь в 13 верстах от Сумского посада, бросили его в последний раз.

Заключительный переезд был наконец сделан. Предстояло прощанье с морем и с «Забиякой». День был удивительный, и термометр показывал 22° в тени. Широко раскидывался серебряною гладью залив; над водой выплывали замыкавшие его почти отовсюду кольцом, где берега, где островки; вдаль чуть-чуть поблескивали строения Сумского посада, составляющего, подобно Архангельску, вторую главную станцию богомольцев, отправляющихся в Соловки. Кое-где по заливу виднелись стоявшие на якоре суда, плывшие к нам карбасы местного отряда пограничной стражи и другие, назначенные для принятия наших вещей.

На самом «Забияке» с раннего утра все было прибрано и блестело на ярком солнце тонами всех металлов, участвовавших в его прочном вооружении. Час спустя после остановки Великий Князь, уведомленный о том, что все готово к съезду на берег, вышел к офицерам и команде, выстроившимся, как и при прибытии Его Высочества на клипер, и сказал им свое милостивое слово благодарности. 15 июня сели мы на клипер, 29-го сходили с него, проведя на нем ровно две

Кио-остров. Кладбищенская церковь

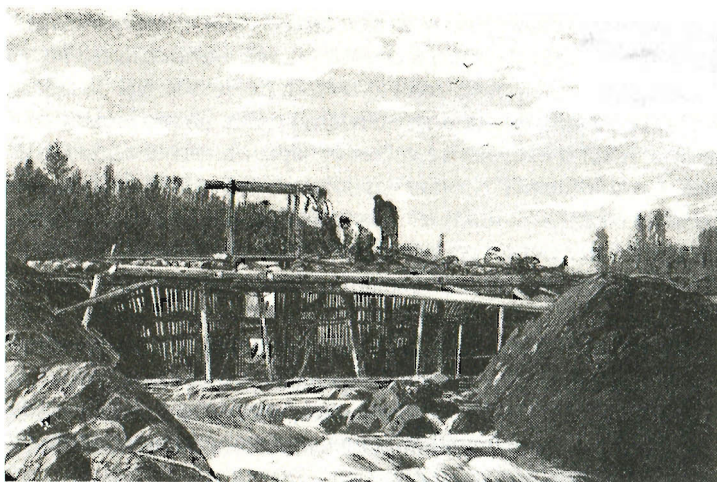
недели, обежав все Мурманское побережье и пройдя не раз вдоль и поперек по всему Белому морю. Сколько было впечатлений, сколько почерпнуто полезных сведений, сколько промелькнуло удивительных картин! Освещало нас в пути полуденное солнце, освистывала буря, поражал глубокою, внушительною молчаливостью серебряный штиль. Только раз, единственный раз, подле Святого Носа, изменили своей обязанности две трубочки в холодильнике вследствие солёности воды; все остальное совершалось с точностью удивительною, и несколько слов, сказанных Его Высочеством, были справедливым воздаянием той доброй славе, которая ходит по нашему флоту относительно «Забияки». Когда мы сошли с палубы и Великий Князь на паровом катере направился к Сумам, высоко над нами зарокотали пушки клипера, прощавшегося с Августейшим Путешественником. Внушительные голоса орудий казались особенно сильными, благодаря глубокому штилю; блеск моря был ослепителен. Северное море хотело оставить по себе самое светлое, самое теплое впечатление, и по мере удаления нашего, «Забияка» облекся весь густым опаловым дымом и скрылся в нем, словно задумался. Он прошел как сон. Мы увидели его вновь, отъехав довольно далеко, когда дым с него сдвинулся и черные бока

клипера и его черные мачты прорезались на глубокой лазури тонким силуэтом, то и дело умаявшимся. Удалялись от нас также, подрезываемые миражем, островки Белого моря: они словно таяли и, приподнимаясь в воздух, исчезали. Миражи встретили нас, миражи проводили.

Сумский рейд так же мелок, как и все остальные, и фарватер направляется к посадку очень извилисто. Для его обозначения поставлены были в открытом море — так мелко оно здесь — березки и елочки, кое-где обвешенные венками. Подле ближайших к нам, первых со стороны моря, вельбот был встречен целою флотилией лодчонок: на веслах сидели все женщины; кое-где на рулях, но редко, виднелись мужчины. Если женщина сядет на руль, здесь, как и на всем Поморье, над этим смеются. Перед нами повторилась картина женского города, виденная нами в Кеми и Коле, с тем же блеском одеяний, пестротой лент и золотом кокошников; с тою же силой и ловкостью управлялись сумлянки со своими лодчонками, так же дружно налегали они на весла, так же громко кричали «ура»; букеты и венки, кинутые навстречу Великому Князю, падая на серебряную водную поверхность, лежали благодаря отсутствию течения неподвижно, и только те из них, что подвертывались под весло, кружились и изменяли место. Великий Князь пересел на одну из лодок, и мы не замедлили войти в самую реку Суму, довольно узкую, извилистую, бегущую в яркой сочной зелени низменных берегов.

Было бы неправильно, покидая Белое море и помянув китовый, тресковый, акулий и белуший промыслы, пройти совершенным молчанием целых два, составляющих существенный вклад в богатство северного побережья. Мы говорим о промыслах сельдяном и семужьем. Хотя оба они имеются по всему побережью, но уместно говорить о них именно тут: беломорские, соловецкие сельди, по мнению людей, очень сведущих в деле гастрономии, лучше голландских, а самая ценная семга — это та, что ловится в недалекой отсюда Кеми и в Онеге; последнюю называют «порогом»; с нею соперничает только двинская.

Сельдь — это один из продуктов, не имеющих у нас и десятой доли того значения, которое она должна бы иметь.

Забор для ловли семги

Кто ел местную сельдь, крупную, жирную, пускающую из себя масло при разрезывании на тарелке, тот поражается тем, что в столицах наших до сих пор еще имеются в продаже сельди голландские, королевские. Количество нашей сельди громадно; в Кандалакшской губе и Сороцком заливе жирует она весной и осенью в количествах необозримых и имеет там обильную пищу во всяких мелких обитателях моря. Нагуливается сельдь в Белом море давным-давно. В 1842 году в Сороцкой бухте, при устье Выга, выловлено было до 40 000 возов; наваливает ее иногда так много, что палка, воткнутая в массу сельди, держится, как вбитая в землю, и не ловят сельди неводом до тех пор, пока не нащупают массы ее палкой. Недавно, в 1884 году, в Кандалакшской губе миллионы сельдей были выкинуты на побережье вследствие недостатка и дороговизны соли; поморы говорят о таких гущах сельди в море, что от поры до времени грести бывает трудно, что «киты в юровах сельдей как в каше жируют». И все это гибнет безвозвратно по двум основным причинам: первая — недостаток соли и неумение солить; вторая — это то, что добыча сельди производится береговым, волоковым неводом, а не прочным, кошельковым, в открытом море. Г. Кушелев совершенно прав, если говорит, что

введение кошелькового невода и правильной посолки сельди произвели бы переворот в беломорском промысле; но переворот этот немыслим, пока пуд соли стоит иногда на месте 1 рубль 60 копеек, да и то не всегда она в потребном количестве есть. В настоящее время откармливают сельдью свиней. Свежая сельдь удивительно вкусна и может быть зажарена в собственном жире. Дождутся ли ее наши столичные гастрономы? Верно то, что ящик с сельдями, свежепросолёнными, соловецкими, прибывает в Петербург сильно попорченным, и о дальнейшем пути ее по России не может быть и речи. В Сороках копченая сельдь стоит от 1 ½ до 4 рублей тысяча, и волость получает от продажи сельди вообще около 35 000 рублей. Солят ее, складывая в кучи, чуть-чуть пересыпая солью и ворочая попросту лопатами. Можно ли ожидать хорошего продукта?

Семужий промысел — это промысел повсеместный. Далеко в глубь России, по всем северным рекам, как мы видели это на Двине и Сухоне, проходит семга, и ловится она более или менее удачно везде. «Семужка — мать родная, барышная рыба», — говорит северянин. Чуть ли не каждая река имеет свою семгу и служит арендной статьей местных волостей, отдающих на разные сроки семужьи «заборы»; попадаются экземпляры до 50 фунтов весу, и если бы хотя какое-нибудь внимание к заготовке ее всеми известными способами, то и здесь, как с сельдью, заграничная семга должна бы была предоставить место своей, ни в чем решительно ей не уступающей. Семга для метания икры входит по осени в реки, тут слабеет она, чахнет, становится безвкусною, «лошает» и называется тогда «лохом»; на нижней челюсти ее за это время вырастает рог; в различные периоды своего развития называется она «вальчаг», «кирьяк». Для входа в реку семга должна перескакивать чудовищные пороги, как, например, сажени две вышиною в Ужьеме недалеко от села Подужемья в Кемском уезде. Совсем изнуренная за зиму, возвращается она, со вскрытием льда, в море, и здесь теряет рог, принимает опять краску, силу и получает возможность перескакивать к зиме двухсаженные пороги.

Из прибылей от всех этих сельдей, семги, наваг, камбал, палтусов, семги и трески женское население Сумско-

го посада снаряжает свои роскошные одеяния. Говорят, не редкость, что сумлянка к Рождеству изготавливает себе наряд в 300 рублей стоимостью; вышивать они великие мастерицы, что нисколько не мешает им, за все полугодное отсутствие мужей на промыслах, исполнять в Сумском посаде обязанности десятских, сотских и возить на веслах почту. «Сума ума не купит, сама продает», — говорит поговорка, выражая этим свое благорасположение к симпатичному посаду.

В зиму, в долгую зиму, у них здесь в ходу беседы «рябишек» и «рябиков», женихов и невест, и златотканые наряды имеют в них, конечно, свое воздействие. Главная пища — сайда и треска помельче; есть и соленая говядина, в значительной степени с душком; очень любимы тресковые головы: их толкут и варят из них щи. Зимой главное дело вернувшегося с промыслов мужского персонала — судостроение; у сумлян около 30 своих судов; с давних лет ходят они отсюда на Новую Землю, и мореходный класс, имеющийся здесь, совершенно на месте.

По узкой, извилистой реке, преодолев с трудом три порожистые места, достигли мы на лодочках к 11 часам дня до самого посада. Если есть где-либо в северной России такой вид на поселение, который французы охарактеризовали бы словом *pittoresque*, а немцы — *romantisch*, который прелестен, типичен, собран в одно удивительно красивое целое и художественен вдоль и поперек, так это Сумский посад. Посад расположен по обоим берегам реки Сумы, пробегающей тут под двумя мостами и образующей подле верхнего, пешеходного, роскошный, блестящий, богатый порог; выбежав, выскочив из-под этого моста, перекинутого дугой, река рьяно кидается на небольшой островок, стараясь снести его, но неудачно, и на нем, под навесом, сохраняется листер-бот Великого Князя Алексея Александровича. Когда вы подъезжаете к посаду с моря, вас поражает характерная его особенность: это бессчетные амбарчики, стоящие заднею стороною к берегу, а переднею нависающие над Сумой, имеющею в посаде сажен 30 ширины. Амбарчики опираются на сваи, стоят рядом, один подле другого, во всю длину посада, и от них к воде сбегает лестнички, ступени которых состоят иногда из целых бревен и служат для удобства выгрузки; между

них просвечивают жилые дома, опрятные, высокие, хорошо обставленные, как и все дома наших северных городов.

Вдоль обоих берегов Сумы тянутся эти дома, двух- и трехэтажные, вплотную один подле другого, так что если вы хотите гулять, то можете обходить вкруговую, от моста к мосту, по обоим берегам. Это главный центр посада, и тут-то именно, в глубокой неприкосновенности и высокой типичности высятся на двух холмах старинные церкви посада и Соловецкое подворье, окруженное стенами. Обе набережные реки Сумы деревянные.

Был день Петра и Павла, 29 июня, день удивительно роскошный, когда лодка Его Высочества причалила к пристани в виду собора; шла обедня, и деревянная церковь, построенная в 1767 году, во имя Николая Чудотворца, предстала пред нами во всей прелести яркого дня и глубокой молитвы. Перед церковью трапеза; иконостас четырехъярусный, и над ним большое изображение Спасителя. Весь храм полон древнейших икон; такова древняя новгородская Троица в типичном черном кольце на красном огненном фоне с грузными цатами³: икона Строгановского письма, Вознесение Спасителя, несомого ангелами, в серебряном кругу; такова икона Успения Богоматери: Спаситель принимает Ее душу, и Богоматерь видна наверху образа восседающую в небе (ризы над обеими из цветной фольги и жемчуга); таков образ Преображения, на котором от Спасителя спускаются три широкие луча, тоже из фольги. Царские врата резные, в гроздьях. Все это, вместе взятое, дышит такою глубокою древностью, такою цельностью впечатления, что не могло не напомнить нам Сольвычегодского собора.

Каменный собор во имя Успения Богоматери находится рядом и построен в 1668 году, но основание его положено гораздо раньше, в XV веке, Марфой Борецкой, подарившею его Соловецкому монастырю; снаружи низ собора весь коричневый; пять куполов его чешуйчатые, зеленые, на длинных шейках. И в нем квадратная трапеза и массивный столб

³ Цата — золотое или серебряное украшение, прикрепленное к окладу возле шеи изображенной фигуры. Происходит от шейной гривны. (*Примеч. ред.*)

посредине; в столбе по крайней мере полторы сажени поперечника, и, расходясь разветвлением своим под круглые арки, он является в виде какого-то колосального цветка, поддерживающего весь верх. Сама церковь маленькая, с приделами Святых Зосимы и Савватия; иконостас, видимо, сборный, из очень древних икон; оба отделения церкви под круглыми сводами. Мы посетили также и отдельную часовенку с мощами соловецкого подвижника Елисея, находящимися под спудом.

Высоко поднимаются на холмах оба названные храма, стоящие бок о бок подле самого моста через Суму. Тут же, так же высоко, взгромоздилось в стенах своих, имеющих еще бойницы, подворье Соловецкого монастыря, вход к которому идет от реки. Тут же, на этих же возвышениях, в самом жизненном центре посада, обозначается крестиками, стоящими вразброс, старое кладбище, не обнесенное забором, и все это вместе взятое, церкви, мост, холмы, кладбище, подворье и оживленнейшая толпа женщин в пестрейших нарядах, с быстрою рекой и античными, на сваях, амбарчиками, составляли картину из ряда вон великолепную, чудесно замыкавшую наше прощание с северным побережьем.

Сумский посад дарован Марфой Посадницей Соловецкому монастырю. В 1586 году поставлен тут острог, который был осаждаем финляндцами, но неудачно. Основания острога намечены и по сегодня: стена его имела около одной версты длины, три сажени вышины, и в нем было шесть башен. В 1800 году, в хорошие годы торгового мореплавания, посад имел до 148 судов, из них 80 мореходных; чрез Сумы шло снабжение кипевшего тогда работой Архангельского порта, так как все нужные материалы шли туда гужом с олонец-

Сумлянка

ких заводов и из Петербурга. Будущее, вероятно, улыбнется Сумам, при осуществлении Беломорского канала, которому, по-видимому, нет причины не осуществиться.

В Сумах жителей 386 мужчин и 481 женщина; значительная часть, более половины, староверы. Больших морских судов у них 32, шняк 61, из числа которых 40 ходят на Мурман. Население всего уезда около 31 000 человек. Говорят, будто в Сумах, как и в Кеми, очень много сутяг, но мало ли что говорят, всему верить не следует.

Было около половины 2-го часа дня, когда Его Высочеству, остановившемуся в доме купца Воронина, доложили, что экипажи готовы. Здесь откланялся Великому Князю начальник Архангельской губернии Пашенко и представился начальник Олонецкой, Григорьев. Нам предстояло сделать 200 верст почтовым трактом до Повенца, на Онежском озере, и проследовать тем путем на Петровский ям, которым шел когда-то Петр I со своими преображенцами и тащил посуху, яко по морю, фрегаты; здесь же состоялась его знаменитая встреча с раскольниками; тут же пройдет проектируемый Беломорский канал. Все это самые любопытные страницы былого и будущего. Мы почти не слышали грохота колес наших экипажей из-за громкого «ура», провожавшего Великого Князя. Могучий голос порога Сумы сквозь блеск его горевших на солнце волн покрывал собою даже это «ура»; он промелькнул мимо нас, весь в пене, брызгах, кудряво-белый, грохочущий, и в радужном сиянии женских нарядов, и в дружном звоне всех посадских церквей скрылось за очень крутыми холмами и извивами дороги хорошо знакомое нам Белое море.

От Сумского посада до Петровского яма

Олонецкий край. Почтовый путь от Белого моря. «Государева дорога» Петра Великого. Нюхацкий поход. Встреча Петра с раскольниками. Раскол в XVII и XVIII веках. Выгода: Даниловский монастырь и Лекса. Петровский ям.

День был жаркий, блестящий. Гранитные холмы, поросшие лесом, озера, речки, болота потянулись мимо нас, выдвигая одну за другою, как, например, в Сумострове, Варенже, Корос-Озере, типические картинки олонцкого пейзажа. Счастливого случайностью было то, что те 193 версты, которые предстояли нам до Повенца на Онежском озере — так близко Белое море к Балтийскому бассейну, — тянулись приблизительно теми же местами, которыми совершил Петр I свой колоссальный Нюхацкий поход, и мы ехали именно в Петров день, 29 июня. Ночью предстояло нам остановиться для ужина в Петровском яме; это то место, на котором останавливался и Великий Император. Еще виднеются кое-где сваи, сохранившиеся от его похода. Мы были, следовательно, в полной мере окружены богатыми, благоговейными воспоминаниями о нем.

Дорога, по которой мы ехали, проложена с 1876 по 1879 год; 154 версты достались на долю олонцкого земства и обошлись около 150 000 рублей; остальные 30 верст по Архангельской губернии стоили 36 000 рублей и построены казной. Дорога чрезвычайно гориста; встречаются подъемы чуть ли не в 40° и такие спуски, что здесь в полном ходу тормоз-башмак, которого так не любят в России и так высоко ценят в Германии. Есть места положительно опасные, с заворотами на крутых спусках, и уже теперь дорогу местами удлиняют, чтобы сделать их более удобными. Говорят, что именно вследствие этой крутизны гужевое сообщение Белого моря с Онежским озером, на которое дорога главным образом рассчитана, идет очень слабо: лошади не берут.

Крутизны начались с Пупок-горы и Сапожничьей, так что мы то и дело тормозили экипажи. Залитая ярким солнцем местность была однообразно живописна; благодаря тому, что путь проложен на гранитных и гнейсовых основаниях Олонецких гор, пыли было не особенно много. Сквозь густую зелень леса то и дело мелькали озерки и речки. Олонецкие горы, так называемые «Масельги», тянутся бессчетными кряжиками, один другому параллельными, с СЗ к ЮВ, от Финляндии к Онежскому озеру, выются, дробятся, перебивают друг дружке дорогу и наполняют собою весь этот угрюмый северный край; того же направления и не уступая им в числе придерживаются и озера. Где не гора, не озеро, там поросшее лесом болото и очень мало полей. Дорога совсем своевольно вьется между них и идет нередко по самому гребню кряжика, весьма неширокого, так что направо и налево обрывы, а под ними болото или озерко. На станциях имеется обыкновенно только по четыре лошади, но к проезду Его Высочества было их вдесятеро и устроены временные станции, к которым отовсюду собрался народ, развел костры, ожидая проезда, построил землянки; близость такой станции, когда мы подъезжали к ней лесом, что было зачастую, сказывалась гарью и слоями синего дымка, расстилавшегося далеко кругом благодаря полному отсутствию ветра. При самых крутых спусках были выставлены колья с надписью «тормозить»: это было необходимо, потому что большинство ямщиков были не местные, а прибывшие издалека, даже из Вытегорского уезда; в наиболее опасных местах стоял народ для накатывания и сдерживания экипажей. Останавливались мы для завтрака в крестьянской избе, в Варенже.

Езда на быстрых лошадках, простоявшихся несколько дней, была после долгого странствия по морю очень приятна. Скоро путь наш не замедлил слиться с так называемою Государевою дорогой, с путем Петра I, обследованною недавно очень добросовестно господином Майновым, и вот вкратце изложение его заключений, освещающих одну из любопытнейших и внушительнейших страниц истории Петра I.

Выехав из Соловков 15 августа 1702 года, на тринадцати кораблях с 4000 войска, царевичем Алексеем и свитой, Петр прибыл к деревне Нюхче 16 августа. Отсюда велел он фло-

ту идти обратно в Архангельск, а при себе оставил только два фрегата. Началось необычайное! Оба военные фрегата были вытащены на берег, и потянул их царь за собою волоком на Повенец, на 160 верст. Он шел к Пуль-озеру, к реке Выгу, на деревню Телекину, чрез реки Мурому и Мягкозерскую, и употребил на это только десять дней. Мы проезжали теми же местами от Вожмосалмы, начиная по проложенной дороге, со всеми удобствами, и проделали указанный путь без малого в сутки. Не верить пройденному Петром нельзя: сваи торчат на местах, но вероятие достигает крайних пределов, после которых начинается сказка.

В Нюхче, на Белом море, царя встретило 5000 народа, согнанного для работ отовсюду. Часть их пошла рубить девственные тогда леса, закладывать топи, строить мосты; часть тащила фрегаты, где волоком, где водою, где на катках. Сам Петр рубил лес и подставлял катки; выпьет бывало анисовки, и снова за работу. На одной реке, очень бурной, нельзя было, говорят, свайку вбить; царь сам поехал, а за ним, конечно, и другие. «Лиха беда, — сказал Петр, — первому оленю в гарь кинуться, остальные все там же будут». И действительно все были там! Первую мостовину царь клал всегда сам, и при этом и боярина, и немца, и всех имевшихся налицо работать заставлял.

В 20 верстах от Нюхчи войска остановились, и царь приказал устроить ям (стан); тут были раскинuty шалаши, и тотчас же пошла торговля; в 40 верстах от Нюхчи был 2-й ям, в 5 верстах от деревни Пуль-озера. За этим ямом идти стало хуже, труднее; начались болезни, потому что сказалось изнеможение. Петр ободрял всех и каждого, а сам не изнемогал.

В 80 верстах, у Вожмосалмы, был устроен 3-й ям. Отсюда предстояло идти в обход Выг-озера, на целых 30 верст, или же строить мост через пролив: царь решил построить плавающий мост. Пока кипела чудесная работа, царь хотел побывать и на празднике Ильи, по зову старшины Выгозерской волости, но дождливая погода помешала; местное предание сообщает о словах Петра: «Верно, Илья Пророк не хочет этого, дождь послал, но снесите ему от меня гостинец», — и вручил посланным несколько червонцев. Предание говорит также

и том, что царь крестил тут сына у крестьянина Никиты, не нашедшего себе другого кума, по бедности.

Переночевав в Вождмосалме, Государь на следующий день хотел перевести войска по мосту, но было опасно; нау-тро все-таки перешли; в 7 верстах от устья Выга был устро-ен еще ям; прежние лодки, служившие на Выг-озере, пере-ведены сюда, и на Выг поставлен другой мост. 22 августа, вечером, войска перешли на левый берег Выга, а с этим вме-сте трудная часть пути была пройдена, оставалось легкое. На полпути могучего царского похода выгорецкие расколь-ники поднесли царю хлеб-соль. «Что за люди?» — спросил Петр. «Это раскольщики, — ответили ему. — Властей духов-ных не признают и за тебя, царь, не молятся». «Ну, а подати платят исправно?» — спросил Петр. «Народ трудолюбивый, без недоимок». «Живите же, братцы, — промолвил царь рас-кольникам, — на доброе здоровье; о царе Петре, пожалуй, хоть не молитесь, а раба Божия Петра во святых молитвах иногда поминайте, тут греха нет!» Конечно, весь этот рас-сказ несет на себе характер раскольниковьего апокрифа, но как он хорош!

Следующий ям был у деревни Телекиной, в 25 верстах от Выгорецкого. Чрез Машозерку и Мурому построены были мосты, остатки которых видны и теперь. На полпути до Повенца поставлен еще ям, но тут идти было легко, и 26 авгу-ста войска вступили в самый Повенец, а фрегаты спущены на Онежское озеро. Скоро, вследствие Нюхацкого похода, зайдя шведам в тыл, царь, со взятием Шлиссельбурга, решил участь Невы. Из Повенца Петр, как утверждают некоторые источники, чрезвычайно скромно писал королю польскому: «Мы, при помощи Божьей, не чаем быть праздны».

Гигантский след царева похода, несмотря на миновав-шие 180 лет, не зарастает и ныне; сваи в некоторых местах имеются несомненно; относительно просек мнения местных людей расходятся, и некоторые не признают их за петров-ские, давая им гораздо позднейшее, чисто хозяйственное значение.

Только что сказали мы о беседе Петра I с раскольни-ками Выгореции. Эта Выгореция, следов которой теперь не имеется, находилась близехонько от пути Великого Князя,

и поэтому уместно будет припомнить в общих чертах о ее существовании. В 1677 году взят был царскими войсками Соловецкий монастырь, после раскольниковьего мятежа монахов. В 1682 году обнародованы так называемые двенадцать статей царевны Софьи — основные положения карательных законов против раскольников. Расселение раскольников на север, юг, восток и запад, до Сирии, до Центральной Азии началось. Раскольник бежал в пустыню; в песне его говорится о пустыне:

Поставлю в тебе малую хижу,
Полезное в ней аз увижу.

Раскольник обращается к пустыне так:

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришел аз тебя соглядати.
Потщися мя восприяти
И буди мне яко мати,
От смутного мира прими мя,
С усердием в тя убегаю.
Пойду по лесам, по болотам.
Пойду по горам, по вершинам.
Да где бы в тебе водвориться.

Знаменитое Даниловское пустынножителство возникло в 1694 году на реке Выг, в Повенецком уезде. Первыми пришли сюда после «сидения» и разгрома соловецкие старцы, и самыми замечательными между ними были Ипатий и Корнилий, особенно первый, образовавший целое поколение раскольниковьих деятелей, каковы Даниил Викулов, в честь которого и самое общежитие названо Даниловским, и два брата Андрей и Семен Даниловы. Быстро размножался раскол по нашему Северу, в различных сектах самосожигателей, запащиванцев, морельщиков. Самым замечательным из деятелей выгорецкого раскола является Андрей Денисов, происходивший от князей Мышецких. Он пришел в пустыню в 1692 году, семнадцатилетним юношей,

и не только сумел соединить разрозненных выговских поселенцев и создать Даниловское общежитие, говорит исследователь господин Абрамов, «но и превратил это ничтожное вначале поселение в большой торговый и промышленный город-монастырь, и сделал его центром беспоповщинской половины раскольников мира». До сего дня рассказывают о постоянных сношениях его с князьями Мышецкими и другими именитыми особами Петербурга и Москвы и о том, что для изучения логики, философии и богословия Андрей ходил в Киев к Феофану Прокоповичу. Он умер в 1730 году, следовательно, в лучших годах своих, и относился несомненно к явлениям народной жизни наиболее выдающимся.

В 1700 году с барабанным боем объявлено было Петром I на всех улицах и площадях повеление снять русское платье и одеть немецкое всем служилым и городским людям; в 1705 году объявлены штрафы за ношение бород; в 1724 году началось гонение на «бородачевых» жен: им велено носить платья, опашни и шапки с рогами. Все это было, конечно, с точки зрения старых людей, «делом антихристовым», и раскольников пустыни населялись все более и более; скоро в Даниловском общежитии не было больше места, и в тридцати верстах от него, в 1706–1709 годах, основан женский монастырь Лекса, на реке Лекс.

Никто не поверит теперь, когда от Данилова и Лексы не осталось более и тени, что пустынный край, по которому мы ехали, был когда-то перерезан дорогами, на которых стояли постоянные дворы, что у даниловцев процветали мастерства, конные и коровьи дворы, была обширная литература (А. Денисовым написано 115 сочинений и составлено уложение), школы, различные древние хранилища, книжные и живописные лавки, были большие капиталы, существовали свои суда, ходившие до Петербурга и Вытегры. Сам монастырь Данилов занимал в цветущее время около 8 квадратных верст в округе; монастырским скитам, из которых некоторые, как, например, Шелтопорожский, имевший 57 дворов, 62 избы, 75 амбаров, 45 хлевов, 22 риги, не было счета, и они были рассеяны повсюду.

И всего этого нет теперь. Если бы в долгие дни лютейшего гонения на раскольников мог найти себе хотя малое место

Петровский ям. Поселок

тот взгляд на некоторых из них, который отличает нынешнее правительство, вероятно, не исчезли бы бесследно ни Данилов, ни Лекса, и дебрям Олонецкой и Архангельской губерний не пришлось бы ожидать вторичного оживления. Нельзя не вспомнить, говоря о Даниловском общежитии, об одной странной игре случая, которыми так часто шутит судьба: в числе его основателей был потомок князей Мышецких, и жандармский офицер, назначенный запечатать общежитие, носил ту же фамилию.

Заметим, что в Даниловом монастыре были люди, добывавшие где-то серебро, в какой-то тундре к северу. Из серебра этого делали они очень хорошо известные нумизматам «Екатерининские рубли», схожие с настоящими, только немного поменьше. Работали они также и другие серебряные изделия. С удалением раскольников пропали и сведения о месте нахождения серебра. В 1871 году сделано было заявление о нахождении серебрясвинцовой руды в окрестностях губы Печенги. Академик Гельмерсен, недавно умерший, нашел, однако, что эти жилы прикосновения, заключающиеся между господствующим здесь гнейсом и пересекающими его жилами диорита, разработки не стоят, и дальнейших исследований произведено не было.

Петровский ям. Часовня

В настоящее время в Повенецком уезде имеются беспоповцы, разделявшиеся на два толка: даниловцев и филипповцев; первых около 530 человек, а вторых — не более 15. Еще в сороковых годах раскольники Данилова и Лексы давали много дела секретному комитету. Странны судьбы Олонецкого края: его оживил раскол, и Министерство внутренних дел хлопотало со своей стороны о том, чтобы для удобства надзора за ним в крае проводились хорошие пути сообщения; это было в 1840 году.

Следуя крутым извивам пути, мы постоянно встречали Петровские ямы. Во 109 верстах от Сумского посада, к вечеру, в Возмосалме, месте очень красивом, переправились мы на пароме через озеро Выг. Хорошенькая часовенка с башенкой и куполочком, выкрашенная желтою краской,

резко выделялась над синими водами озера, окруженная серенькими избами деревни. Отсюда до Петровского яма 14 ½ верст; у Талапога-губы через озеро Выг перевоз; подле самого Петровского яма, через реку Выг — другой.

К Петровскому яму подъезжали мы около полуночи. Дорога, шедшая густым бором, неожиданно уперлась в паром. Река Выг в этом месте шириной с Невку и катит в зеленых берегах свои быстрые, но спокойные воды. На противоположном берегу в ясном свете северной полуночи, словно освещенная голубоватым электрическим светом, видна была новенькая, современная дороге, очень красивая часовня, походящая более на церковь, чем на часовню, и несколько строений. Все они возникли исключительно в силу священных воспоминаний о Петре, потому что поселения не было здесь никакого до 1879 года; часовня освящена в 1882 году. Ночь стояла удивительная, светлая, безмолвная. Глубоко сосредоточенная, лежала она в хрустальной ясности своей над почивающим Петровским ямом; красные рубахи паромщиков, синь воды, глубокая, бархатная зелень леса, фырканье усталых лошадей, легкий скрип каната на пароме, бесконечная прозрачность зеленоватого неба, чириканье какой-то бессонной птички, все это было бы стройно и гармонично, если бы не комариные полчища, одолевавшие нас на берегу реки с возмутительнейшею настойчивостью.

Переехав Выг, Великий Князь посетил часовню. За предложенным от земства при трех представителях его ужином беседа была посвящена исключительно памяти Петра Великого. Петровский ям и Петров день обуславливали это. Его Высочество, как видно было из многих сообщений, им сделанных, знал лучше и полнее нас литературу о Петре, включительно до самых первоначальных источников, рассыпанных в русских и иностранных исторических журналах. Эти сообщения были так разнообразны и богаты по содержанию, что должны быть несомненно отнесены к самым характерным воспоминаниям нашего далекого путешествия.

Чуть-чуть тронула заря своими огнями красноватые стволы стройных сосен, когда, покончив с роздыхом в доме крестьянина Ваганова, мы двинулись далее, по пути на Повенец.

От Петровского яма к Повенцу. Повенец

Повенец — один из богатейших городов России. Исторические сведения. Геологические изыскания. Вопрос о Беломорском канале. Его направление. Оба городские собора. Отъезд Онежским озером. Промеры, делаемые в озере. Характеристика его очертаний.

Резво бежали наши почтовые тройки; утро было прохладно, и туман подбирался не сразу. Дальнейший путь наш от Петровского яма к Повенцу шел той же характерной олонецкой местностью, гранитными кряжиками, озерами, болотами, лесами, как и прежде. Так же точно мелькали по сторонам признаки подсечного хозяйства, наиболее применимого в крае: нивы, колосившиеся по только что расчищенным лесным угодьям; пройдет два, три года — их запустят снова под лес, а под ниву подсекут новое, свежее место. Между Телекиной и Масельгой, так говорили нам, более, чем где-нибудь, следов петровских сваев и мостовин. По замечанию инженеров, занимавшихся проведением почтового пути, направление, которому следовал Петр I, поразительно своею верностью. Очень красив вид близ деревни Телекиной, в которой мы ранним утром меняли лошадей: тут тоже был Петровский ям; розовое утро, розовые туманы, розовые отливы сосновых лесов тихо разметывались по голубоватым очертаниям просыпавшегося озера; вся деревня была, конечно, на ногах, и в маленькой часовенке теплилась неугасимая лампада.

К 7 часам утра подъезжали мы к Повенцу, сделав почти 200 верст в 17 часов времени. Повенец, лежащий в углу, образуемом заливчиком Онежского озера и быстрою, бегущею по камням речкой Повенчанкой, представляется с северной стороны, как мы убедились в этом позже, далеко не так миловидным, как с южной, со стороны озера.

Повенец — один из замечательнейших городов всей Великой, Малой, Белой и прочих России: это один из самых

богатых и не запутанных в делах своих городов. Жителей в нем всего 482 мужчины и 348 женщин, но доходы города, владеющего большим количеством земли и сдающим за богатую арендную плату лесопильный завод, достигают замечательно крупной цифры 97 650 рублей; расходов всего 62 988 рублей, и поэтому финансовое положение Повенца одно из самых радужных как в прямом, так и в переносном значении слова. Неудивительно, что запасный капитал его достигает 146 924 рублей и долгов у него нет. Подобного положения поискать не только в России, но и во всем свете. Если принять в расчет будущее, которое, вероятно, принесет с собою прорытие Беломорского канала от Повенца на север, то маленький городок, в котором жителей менее, чем публики на любом представлении в Большом театре, может только радоваться; спаси его Господь от всяких предприимчивых радетелей и деятелей. Петрозаводск, столица Олонецкой губернии, имеет полное право завидовать Повенцу: доходы его 37 000 рублей, расходы — 37 000 рублей, запасного капитала — 5000 рублей. Как не позавидовать? Вот бы обратить в пригород.

При Борисе Годунове Повенец уже был селом, известным под именем «пристан» или «рядок», а когда село это появилось на свет — неизвестно; с 1784 года село обратилось в город и заменило в своих обязанностях Поданск. При Павле I город упразднен, при Александре I восстановлен. Здесь, в 1701 году, спущены были в Онежское озеро два фрегата, перевезенные Петром I посуху из Белого моря. Развалины чугуноплавильного и железоделательного завода тоже напоминают о Петре I. Остатки петровских доменных печей находятся за рекой Повенчанкою; имеются следы двух печей; камни их простеклянились насквозь, так что нельзя не заметить, что Петр I не шутил и здесь и плавил чугун вовсю. Невысокие развалины обнесены заборчиком, поросли зеленью, и шумливая Повенчанка, бегущая совсем подле, нарушает их вечное молчание своей вечной говорливостью. В соборной церкви имеется икона Святых Петра и Павла, пред которою Петр I служил молебен по случаю избавления его от бури на озере; он вернулся, застигнутый бурей, от острова, который с того време-

ни называется «Воротным». Для великого царя поговорка «Повенец — миру конец», конечно, не существовала, потому что он побывал на Севере далеко за этим концом. Лучшие, чем теперь, времена проходили над мирно живущим Повенцом, когда шла тут заводская работа; лучшие времена должны непременно проглянуть и в будущем, когда состоится наконец проведение Беломорского канала. Насколько безвременно погиб на восточном краю нашего Севера Екатерининский канал, настолько же трудно появление этого нового, совершенно необходимого водного пути. Не только десятки тысяч пудов трески, сельдей, трескового жира и ворвани, идущие в Петербург кружным путем, на Бельты и Зунд, с нашего северного моря, пошли бы здесь, но и обратно, товары и хлеб, необходимые Поморью, потянулись бы каналом, идя из Петербурга. Если Петр I перетасил посуху два фрегата от Нюхчи до Повенца, то что же будет значить пройти каналом десяткам миноносок, со всякими торпедами, в вечно открытое нам наше северное море, если это будет нужно? Это стратегическое соображение далеко не пустая фантазия.

О прорытии канала в Олонецких лесах, хотя и не для соединения с Белым морем, а для сплава леса, ходатайствовал еще купец Громов в 1848 году. О соединении Повенца с Сороками на Белом море постоянно ходатайствовали губернаторы, земство, поморы, частные предприниматели: императоры Александр I, Николай I, Александр II были благорасположены к этой мысли, а канала все-таки нет. Геологические изыскания произведены были очень тщательно господином Иностранцевым по так называемому пути соловецких богомольцев, пути древнему, много раз исхоженному. Богомольцы двигаются от Повенца вдоль Долгих озер; тут постоянно проступают крупнозернистые красные гнейсы, т. е. кристаллические породы, вслед за наносным растительным слоем. Богомольцы двигаются по самому высокому месту гор на 430 футов над уровнем Белого моря и 168 футов над Матко-озером. По сторонам пути их тянутся целые системы моховых болот и озерков, лежащих одно выше другого, и между них виднеются опять-таки красные гнейсы, напоминающие французские «бараньи лбы»; шрамов ледяного пери-

Повенец. Собор

ода на них незаметно; местами попадают наносы с валунами, образующими иногда огромные скопления красноватых и серых гнейсов. По мнению г. Иностранцева, обойти хребет Масельгу можно очень удобно. Из порогов самый значительный Ольховец, на реке Телекинской, падающей на протяжении 44 верст на 116 футов. Самое большое озеро Выг лежит в песках, почти безо всяких обнажений; на нем островов «двумя больше, чем в году дней»; все они состоят из наносов и имеют то же направление, что и Сельги.

Дальнейший путь богомольцев идет от деревни Койницы на деревню Варнихи, Черным Волоком, то взбираясь на Сельги, то опускаясь к моховым болотам. Валуны попадают до трех аршин длиной; самые высокие точки пути лежат на 618 футах над Белым морем. Сумозеро тоже изобилует островами, а река Сума порогами; у самого Сумского посада тоже валуны, пороги и те же обнажения красных и серых гнейсов.

Путь для устройства водной системы совершенно возможен; изыскания 1869, 1870 и 1874 годов доказали это. Проектированное направление следующее: Повенец, Повенчанка, Узкое озеро, Водло-озеро, как раздельный пункт, Матко-озеро, река и озеро Телекинские, Выг-озеро, Выг-река. Длина всего пути была бы 219 верст, причем каналы имели бы

только 40 верст. Раздельное Водло-озеро поднимается над Онежским на 31 $\frac{1}{2}$ сажени, над Белым морем — на 51,72. Эти падения предположено распределить на полсотни шлюзных камер; технических трудностей не предстоит никаких. Стоимость была бы около 8 000 000 руб. Любопытны некоторые геологические, ботанические и геодезические сведения, касающиеся этого края. Онежское озеро лежит на 276 футов выше Белого моря и на 240 футов выше Балтийского. Этою разницей уровня обоих морей очень хорошо объясняются постоянные течения, существующие в Зунде и Бельтах. На основании исследований каменных пород и флоры можно утверждать с большим вероятноиет, что когда-то в доисторическое время Белое море было соединено с Балтийским и наши оба большие озера, Ладожское и Онежское, составляли с ними одно целое. Ледовитый океан и Балтийское море были тогда одним и тем же водным пространством, а на том месте, где теперь Зунд и Бельты, высились скалы, и соединения Балтийского моря с Немецким не существовало.

Проектируемый Беломорский канал, который соединит то, что разрушено геологическим переворотом, один из вопросов, стоящих на очереди. К 1882 году министр путей сообщения внес в Комитет министров записку, которая была выслушана Комитетом министров, вполне согласившимся с ее основаниями и с необходимостью возможно скорого осуществления проекта; журналом 31 августа все обстоятельства этого дела доведены до сведения Государя Императора, удостоившего их рассмотрением 11 сентября. Устроится ли этот путь на средства казны, дано ли будет предпочтение акционерным основаниям — дело второстепенное. Верно то, что для нашего Севера, для промыслов Поморья, для лесных и минеральных богатств Олонецкого края, для стратегических соображений общегосударственного характера, возникновение давно ожидаемого Беломорского канала более чем желательно. Дело не в том, что в течение шести месяцев будет он лежать подо льдом. Дело в остальных шести месяцах. Если северная природа в шестинедельный срок поднимает траву, дает цвет и производит семя, то не будет ничего удивительного в том, что и Беломорский канал последует ее примеру и в короткий срок нави-

гации даст все то, чего от него ожидают. Спорным мог бы быть вопрос о том, не удобнее ли железная дорога, хотя бы узкоколейная, но здесь существенными аргументами явятся лишняя перегрузка, громоздкий характер грузов — руда, хлеб, лес, и большинство мнений склонится в пользу канала. Сообщают, что олонецкому губернатору из Финляндии был представлен характерный проект о соединении железною дорогою Выборга с Кемью прямым путем. Для Финляндии это, конечно, было бы выгодно, но что сказал бы на это наш исконно русский Олонецкий край, для которого стальные рельсы Выборгского пути были бы смертельным ударом, направив грузы всего нашего северного края, Белого моря и Поморья не так, как следует, не по адресу. Олонецкий край от такого удара не поправился бы никогда.

День нашего прибытия в Повенец, 30 июня, был днем воскресным, и Великий Князь после очень короткого отдыха в паровой каюте направился в собор к литургии. Соборов в Повенце два: старый, времен Бориса Годунова, обязанный своим возникновением в 1600 году новгородскому купечеству и схимонаху Анфиму, и новый, в который Его Высочество направился. Оба собора деревянные, во имя Петра и Павла, и стоят рядом на самом берегу залива. Старый собор, ветхий, очень характерен своею малостью и грузною, шестигранною шатровою шапкой; колокольня его снесена была для очистки места новому собору. Икона Петра и Павла — та самая, пред которою молился Петр I. Имеется налицо и несколько икон, писанных в не существующих сегодня раскольничьих монастырях Данилов и Лекс.

Вслед за возвращением из церкви Его Высочество в доме городского головы Васильева принимал властей и представителей городского общества, а затем начал служебный посещения и осмотрел земскую больницу, богадельню и находящуюся тут же общественную земскую библиотеку.

Повенецкая местная команда была осмотрена Великим Князем на казарменном дворе. После уставного ученья была произведена гимнастика. Обойдя затем казармы и все хозяйственные при них заведения, Его Высочество направился в управление уездного воинского начальника, где проверил порядок хранения призывных и отчетных листов, выслушал

доклад воинского начальника об его участии при производстве в уезде призыва новобранцев, о всех действиях, вызываемых применением военно-конской повинности, и наконец рассматривал результаты отчетности о ходе в последние три года занятий грамотностью и о состоянии в команде нравственности по данным штрафных журналов. При посещении земской больницы Великий Князь обратил внимание на отличное содержание ее, которое могло бы быть поставлено примером для многих из наших уездных городов. Таким же порядком отличаются и казармы, при обходе которых на выраженное Великим Князем уездному начальнику удовольствие он доложил Его Высочеству, что таким отрадным результатом обязан постоянной поддержке городского головы, сердечно относящегося к интересам войск. Выслушав такое заявление, Великий Князь обратился к находящемуся тут же голове с выражением особого своего удовольствия.

Около семи часов вечера Его Высочество оставил Повенец на пароходе «Онега», конвоируемом «Петром»; оба эти парохода были знакомы нам с прошлогоднего путешествия. Вид на Повенец с озера не лишен миловидности, и мы могли долго любоваться им, потому что выбраться из речки Повенчанки в открытую воду нашим довольно длинным пароходам было нелегко; мы почти касались бортами амбарчиков, стоящих в воде наподобие сумских. У самого выхода в озеро, подле лесопильного завода, окруженного лавами бревен, лежат пять небольших зеленеющих островков; городок расположен так низко, что кажется выступающим прямо из воды. Очень красив был вид на зеркальную гладь Онежского озера в вечернем освещении: множеством более или менее близких силуэтов обозначались его берега и острова, изрезанные в северной части неисчислимым количеством бухт; вдаль, вправо, виднелись Петрозаводские горы, к которым мы направлялись: согласно маршруту, предположено было исполнить обещание, данное Великим Князем в прошлом году посетить Петрозаводск вторично, и оттуда уже проехать поперек Онежского озера в Пудож, последний город, предстоявший нашему посещению.

На Онежском озере с 1874 года производятся тщательные промеры; из 7 000 000 квадратных верст его поверхно-

сти снято уже около $\frac{4}{5}$, включая в то число и самые трудные части, бессчетные губы и островки северной половины; в этой части озера промеры делаются на каждых пятидесяти саженях, в южной на 100 саженях, так что карта, имеющая быть изданною, будет относиться к числу самых точных и подробных. Определено 45 астрономических пунктов. Насколько в этом отношении наше знакомство с гораздо более обширным Белым морем плохо, видно из того, что на нем таких пунктов определено пока что только десять.

Вечер был исключительно хорош. От Повенца до Петрозаводска водою 172 версты. Двигаясь по озеру, убаюканному полнейшим серебряным штилем, мы видели издали Шунгу, знаменитую своею ярмаркой, мы были недалеко от Палеостровского монастыря, известного самосожжением в нем 2000 раскольников, нам указали на деревню Кузоронда, населенную большей частью плотниками, и на ее счет немного позлословили, объяснив, что кузорондцы по существу недоверчивы и что они для обеспечения друг от друга изобрели особого рода хитрые замки, которые у них в деревне повсюду виднеются. В этих же странах, в Толвуйском погосте, по повелению царя Бориса Годунова около 1601–1605 годов заключена была супруга Феодора Никитича Романова — инокиня Марфа, мать царя Михаила Феодоровича. Следы терема и самое местонахождение, конечно, сгинули, но две недалекие деревни называются и по сего дня Ближнее и Дальнее Царево: их посещала отошедшая в вечность инокиня.

Количество островов в этих частях Онежского озера очень велико, и все они густо поросли темно-зелеными хвойными лесами, отражавшимися своими острыми, бахромистыми вершинами в штилевавшей серебряной воде. Островов и бухточек тут столько же, сколько озер и горных княжиков на матерой земле Олонецкого края. По розовой глади след пароходов не исчезал, а, расходясь по двум линиям, обозначался настолько, насколько видно было воды. Кое-где взламывал их подвернувшийся островок. Мы бросили ненадолго якорь у Ивановских островов, близ которых в прошлом году останавливалась для ночлега великая княгиня Мария Павловна, и к 10 часам утра были в Петрозаводске.

Петрозаводск. Пудож

Новый лагерь. Памятник Александру II. Река Водла. Что такое «гнус»?». Пудож. Его характеристика. Возвращение в Петербург. Главные результаты путешествия. Приказ 5 июля.

Хорош Петрозаводск с озера, в этом нет сомнения. Посещение Петрозаводска, собственно говоря, не входило в наш маршрут, если бы не проявление особого сочувствия к войскам со стороны местного городского общественного управления. Оно приняло на себя обязанность устранить те неудобства в квартировании местного батальона, на которые Великий Князь лично указал при посещении Петрозаводска в прошлом году. Еще тогда поручился городской голова за исполнение некоторых по улучшению работ, на что Его Высочество ответил обещанием осмотреть их и с этою целью посетить город вторично.

Взамен лагерного места, уже много лет бывшего на берегу Онежского озера и постоянно подвергавшегося как влиянию северных ветров, которым оно было совершенно открыто, так и пыли, заносившейся в палатки от проходившего по фронту лагеря скотопрогонного тракта, батальон владеет теперь лагерным местом, находящимся в самых лучших санитарных условиях. Кроме того, холодные батальонные казармы вновь оконпачены, что, по суровости здешних зим, было совершенно необходимо, и, наконец, вместо сгнивших и не соответствовавших составу батальона столовых, требовавших разделения обедавших на несколько очередей, теперь отстроена обширная и светлая столовая, вмещающая в себя весь личный состав батальона.

Олонецкий губернатор представил Его Высочеству, еще до выезда Великого Князя из Петербурга, об окончании перечисленных работ протокол местной думы, с ходатайством

о посещении города по возвращении с берегов Ледовитого океана. Исполняя это ходатайство думы, Его Высочество прибыл в город 1 июля, около 10 часов утра. Как в прошлом году, так и теперь особенно роскошный день озарял Петро-заводск, расположенный по скату берега и разбитый на правильные четверугольники улицами, идущими параллельно побережью, и улицами, им перпендикулярными. Так как последние почти во всю их длину видны были с палубы подходившего парохода, были освещены самым ярким солнцем и полны людьми, торопившимися к главной улице, по которой Его Высочеству следовало проехать, то вид представлялся особенно оживленным, подвижным. Сбегая с горных откосов, пестрые массы людские длинными лентами тянулись к берегу и выползали на подмостки пристани, тянувшейся зигзагами далеко в озеро, к самому пароходу.

На пристани ожидали прибытия Великого Князя власти, представители общества и городские дамы. Его Высочество проследовал в коляске прямо в Воскресенский собор, где встречен преосвященным Павлом во главе всего городского духовенства в пасхальных ризах и стихарях, приветствовал сердечным словом и отслушал многолетие.

Из собора Великий Князь направился прямо к батальону, стоявшему лагерем на вновь отведенном под него месте, в 3 верстах от города, возле петербургской почтовой дороги, в совершенно сухой, возвышенной и даже живописной местности, над небольшим ручьем. Когда обростут деревцами прямолинейные очертания лагеря, он будет несомненно красив.

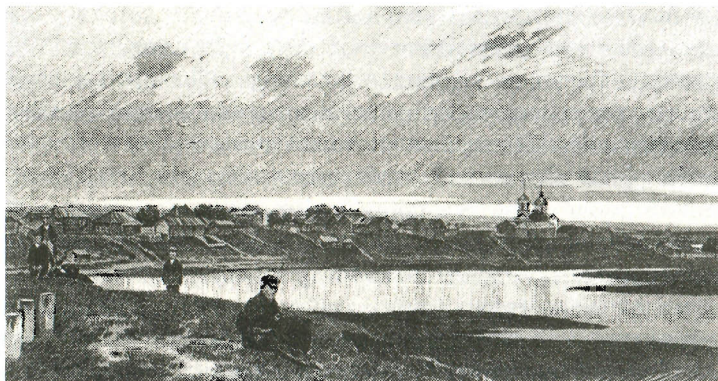
Батальон был выстроен в 4-взводной колонне впереди лагеря. Поздоровавшись и обойдя ряды, Его Высочество избрал 3-ю роту для уставного учения и 4-ю для гимнастики, а из новобранцев первых двух рот приказано было составить сводную роту; произведя им ряд осмотров, Великий Князь подробно ознакомился с лагерем, входил в палатки офицеров и нижних чинов, в офицерское собрание и в устроенную по образцу красносельского большого лагеря обширную солдатскую столовую и кухню. Из лагеря Его Высочество проехал к зимним казармам и вновь отстроенной столовой. Работы исполнены отлично. По окончании

их осмотра Августейший Главнокомандующий обратился к представителям местного городского общества с выражением горячей благодарности за внимание к интересам войск, которые он, Великий Князь, всегда так близко принимает к сердцу, причем подал городскому голове руку.

Так как замечательности Петрозаводска были осмотрены нами в прошлом году и главная цель приезда была достигнута, то нам предстояло начало конца путешествия — переезд в Пудож. Впрочем, было нечто новое, след истекшего года — это приготовленный к открытию⁴ и почти совсем законченный, еще накрытый навесом, памятник царю-Освободителю. Император стоит в порфире, со свитком в руке; он отлит литейщиком Морандом по модели Шредера, сделавшего для Петрозаводска также и изображение Петра I; весь постамент — монолит тивдийского матюковского камня в 900 пудов веса, до отделки имел он 1200; стоимость памятника около 20 000 рублей. Памятник поставлен на средства олонекского губернского земства, которое, как мы уже заметили, относится к очень деятельным, несмотря на то что оно не особенно богато: его деньги есть и в почтовом пути от Белого моря, и в гидрографических работах на Онежском озере, и в осушке Олонецких болот, и в исследованиях Беломорского канала.

В исходе 3-го часа были мы снова на пароходе, чтобы сделать водой 105 верст; на пристани командир местного батальона доложил Его Высочеству о состоявшемся в среде подчиненных ему чинов решении поставить в лагере часовню во имя Св. Владимира, которая бы служила памятником заботливого внимания Августейшего Главнокомандующего к существенным интересам батальона. Далеко в озеро, на целых 45 верст, провожали Великого Князя представители и представительницы местного общества на пароходе «Царь», провожали с музыкой. Погода была так же хороша, как и вчера, и благодаря ясности воздуха пудожский восточный берег озера, к которому мы направлялись, поднимаемый миражем, был виден нам почти со стоверстного расстояния.

⁴ Открыт 30 августа 1885 года.

Пудож

Ночь на 2 июля была удивительно хороша, тепла, безмятежна. Мы входили в реку Водлу, когда сумерки налегли на озеро, спустились по береговым лесам. Кое-где с плотов и берегов сияли красными огнями костры и обозначались, довольно редко, барки и лодчонки; часто поперек пути парохода стремглав проносилась ночная птица и, крикнув, исчезала. Река Водла, мало кому известная, мало посещаемая, достаточно глубока и широка, чтобы принять в себя озерный пароход. Двигаясь между зеленых, поросших плотным лесом глубоко молчаливых берегов, мы слушали с переменной ясностью отдачу звуков колес нашего парохода. Едва только вошли мы в Водлу, как подверглись нападению необозримых полчищ комариных; тишина в воздухе и малый ход парохода обуславливали то, что полчища эти росли по мере движения нашего вверх по реке; местность лесистая и болотистая, мало посещаемая, видимо, создана для расплождения комаров; утром предстояло нам убедиться в том, что в ней имеются и другие прелести: оводы, шершни, шмели всех сортов и величин, обзываемые здесь очень типичным именем «гноса»; гнуснее этих полужесткокрылых трудно представить себе что-либо. На Мурмане «гносом» называют только мышей и крыс.

Было за полночь, когда мы причалили к правому берегу реки близ лесопильного завода Русанова, с тем чтобы прибыть в Подпорожье и затем в Пудож своевременно. Комарам

нетрудно было преследовать нас до этого места, но здесь, при остановке, они одолели в полной мере, чему немало способствовала близость лесопильного завода. Их было так много, что, насадея на пароходные снасти, они словно одевали их какими-то футлярами, и стоило провести по ним чем-либо, рукой или веткой, чтобы снять целую коросту комариной трухи и видеть, к полнейшему своему отчаянию, что на только что очищенную снасть уже насел новый толстый чехол звонко жужжавшего гнуса. Оставалось одно: скрыться в каюты и накурить в них до невозможности персидским порошком.

Около 7 часов утра 2 июля тронулись мы дальше и остановились близ деревни Подпорожье; отсюда предстояло сделать в экипажах 9 верст до Филимонихи, затем переехать на правый берег реки Водлы к деревне Гурьевой, от которой, опять-таки в экипажах, оставалось до Пудожя всего 1 $\frac{1}{2}$ версты. В той части реки Водлы, которую миновали мы на лошадях, есть Мневский порог, в $\frac{1}{2}$ сажени падения; если бы не он, то Пудож был бы соединен с Онежским озером водяным путем; местное земство ходатайствует об осуществлении этого пути, и, согласно сообщениям некоторых местных людей, расстояние от Невы к Архангельску было бы сокращено на целых 300 верст, и транзит трески, семги и льна не должен бы был давать крюк на Вытегру. Шлюзование стоило бы около 80 000 рублей; производительность этой затраты подлежала бы, впрочем, обсуждению. В навигацию 1884 года ходили между Вознесеньем и Подпорожьем парходы купца Фогеля, но за смертью его рейсы прекратились, и возобновления их здесь желают очень сильно. Говорят, что благодаря своему отчужденному положению Пудож замирает иногда совершенно, и бывают дни, что на рынках его ни мяса, ни рыбы достать нельзя.

Мы не могли не вспомнить «двигающегося леса» в шекспировском «Макбете», когда, сойдя с парохода, сели в экипажи для переезда в Пудож и взглянули на себя. Единственную слабою защитой против одолевавшего нас дневного «гнуса», против необозримых полчищ шмелей, шершней, ос и оводов было то, что, нарвав древесных веток, мы окружили себя ими, понасовав куда только было возможно, во все

отверстия экипажей, и не останавливаясь ни одной минуты в отмахиваниях. В жгучих лучах июльского солнца, в густых облаках горячей пыли, «гнус» становился дерзок до невероятия; сентиментальное жужжание ночных комаров сменило резкое жужжанье более крупных особей. Что должны были испытывать бедные лошади, можно себе вообразить, так как «гнус», однажды впившись в коня и ублажаясь его кровью, не отпадает даже при непосредственном прикосновении к нему кнута или ерзающей по коню сбруи: он упитывал ее, наслаждался в полном смысле этого слова до смерти. Нам сообщили, что проселочная дорога от Подпорожья к Пудожу, по которой мы ехали, вся состояла из косогоров и промоин и что только к приезду Его Высочества благодаря особенной заботливости земства она обращена в ровную, гладкую и снабжена даже трубами и мостами.

Около 9 ½ часов утра увидали мы Пудож, стоящий на холмистом берегу Водлы и отделенный от нее небольшими заливными лугами. Время прибытия Великого Князя в Пудож совпало со столетием существования города. В одном из официальных описаний говорится, что городок стоит на трех реках: Водле, Пудог и Журавке — и трех озерах и что он живописен. Расположен он на холмах действительно недурно и сравнительно чисто благодаря пескам. Есть ли какое-либо историческое прошедшее у Пудожя? Несомненно, есть, но оно так же скромно, как и судьбы реки Водлы, на которой он стоит. Учрежден он Екатериной II в 1785 году из села Пудога, при Павле I упразднен, при Александре I восстановлен. В конце XVII века был он известен как место особенного распространения раскола. Церквей в нем две. Собор во имя Святой Троицы, внутренность которого покрыта деревянным куполом, окрашенным в голубую краску; он состоит из двух церквей: летней и зимней, отделенных одна от другой каменною стеной, и обе они с деревянными резными иконостасами; другая церковь города — кладбищенская. Жителей в Пудоже 1426 человек; доходы — 3951 рубль, расходы — 3951 рубль, то есть полнейшее совпадение; запасного капитала всего 1061 рубль, и неудивительно, что Пудож считается одним из беднейших городов не только Олонецкой губернии, но и вообще России. Говорят, будто имя горо-

да идет от реки Пудогы, а Пудога названа так потому, что плыла по ней когда-то какая-то дуга в один пуд весом. Это, конечно, осколок какой-то легенды, свидетельствующий разве о том, что Пудож изобиловал когда-то лесами. Еще в 1828 году тогдашнее Министерство финансов ходатайствовало о допущении пудожских подрядчиков к заготовке леса «несогласно узаконениям», и леса поредели.

В Пудожском уезде 29 000 жителей; главное дело — льноводство, но оно все-таки не превышает годовой продажи на 15 000 рублей в самом уезде; лен этот хороших качеств и известен в продаже под именем «Корелки»; цена его здесь от 3 ½ до 4 ½ рубля пуд; а в Петербурге — около 8 рублей.

По приезде в Пудож, чистенький, разряженный и расцветченный, сквозь густые толпы народа, собравшегося, несмотря на рабочую пору, издали, Великий Князь направился прямо в Троицкую церковь, а затем в отведенное ему помещение в дом купца, почетного мирового судьи Базегского, единственный каменный во всем городе; здесь Его Высочество принял немедленно властей и других представителей, а затем проследовал в казармы Пудожской местной команды.

Команда, в составе взвода, представилась Его Высочеству на казарменном плацу. Обойдя ряды и произведя уставное ученье, Великий Князь осмотрел гимнастику и посетил затем казармы, кухню и столовую. Проверка делопроизводства в управлении уездного воинского начальника заключалась в выяснении значения книг для отчетности по запасу, в докладах воинского начальника о всех его действиях, вызываемых созывом государственного ополчения и приемом новобранцев, об условиях выбора последних при назначении в войска, о порядке перечисления людей из запаса в отставку и о практическом применении требований в отношении сличения отчетности управления по запасным с соответствующими данными местной полиции. В заключение просмотрен был мобилизационный план, от верности соображений которого прямо зависит успех перехода армии из мирного на военное положение.

Посетив затем земское училище и богадельню на 26 человек, устроенную на средства купцов, братьев Мало-крошечных, мужскую и женскую земские больницы, после

завтрака, около 3 часов пополудни, Великий Князь направился обратно на Гурьево и Подпорожье; представители города выехали проводить Августейшего Гостя до Подпорожья. У пристани, обвитой зеленью, ожидал нас пароход и знакомые нам из горького опыта назойливые «гнусы»; мы взошли на палубу, запасшись достаточным количеством ветвей; шмели и оводы, не покидавшие нас даже в доме, в котором останавливался Великий Князь, и облипавшие потолки и окна его живыми, жужжавшими коврами, тут, под брезентом палубы, при полнейшем отсутствии ветра, при тридцатиградусной жаре сделались невыносимыми. Необозримые, блестящие полчища их устремлялись к пароходу от обоих лесных, болотистых берегов реки и провожали нас неуклонно, безостановочно, до невероятности дерзкие и изворотливые. Тут, в этих тихих, забытых странах имеет место обмазывание рабочих людей в рабочую пору дегтем как единственное средство защиты. Мы надеялись, что, оставив реку и выйдя в открытое озеро, мы немедленно избавимся от гнуса, но это было на долгое время тщетною надеждою. Оводы и шмели как будто выползали откуда-то на самом пароходе и провожали нас не один час времени. Нам припомнился рассказ таможенных солдатиков на Белом море о том, что местные комары терзают их даже на открытой воде; комары прячутся в карбасе на берегу, скрываются в дождь и ветер, но, стоит установиться погоде, и они тут как тут, несмотря на стоверстное расстояние, отделяющее карбас от матерой земли.

Дальнейший путь Его Высочества от восточного берега Онежского озера к Петербургу можно назвать почти непрерывным. Для перемены лоцманов останавливались мы у Пидмы; в Лодейном Поле посетил Великий Князь собор, и здесь же отклонялся Его Высочеству олонецкий губернатор Григорьев.

4 июля, в 8 часов утра, были мы в Петербурге. Его Высочество встречен представителями военных и гражданских властей на пристани и проследовал немедленно в Царское Село, к Августейшим детям своим, а оттуда в Красносельский лагерь. После лагерного сбора войск, как известно, предстояло состояться свиданию Государя Императора

и Императора Австрийского в Еремзире, и Великий Князь должен был сопутствовать своему Державному брату. На обратном пути оттуда Его Высочество предполагал посетить Нижний Новгород.

Не позже как на следующий день по прибытии Великого Князя в Красносельский лагерь, по войскам гвардии и Петербургского военного округа, от 5 июля, отдан был следующий приказ:

«С 25 мая по 4 июля текущего года Я осмотрел следующие части местных войск Высочайше вверенного Мне округа: Архангелогородский и Петрозаводский местные батальоны, вторую и третью роты 2-го и 3-го резервных пехотных батальонов, местные команды: Островскую, Сийскую, Холмогорскую, Кемскую, Мезенскую, Онежскую, Повенецкую и Пудожскую, а также Архангелогородский местный лазарет, и ознакомился с делопроизводством в управлениях уездных воинских начальников: Островского, Новоржевского, Холмского, Демянского, Валдайского, Архангельского, Повенецкого и Пудожского и канцелярий команд: Мезенской, Кемской, Холмогорской и Онежской.

Поименованные части Я нашел в следующем состоянии:

Строевое образование. Осмотренные части местных войск отличаются хорошим одиночным обучением, бодрым видом людей, правильною стойкой, молодежатою выправкою, вниманием и тишиною во фронте и верным исполнением требований устава при производстве строевых учений. Выше прочих Я ставлю роты резервных батальонов и Холмогорскую местную команду; слабее показалась Мезенская местная команда. В Архангелогородском батальоне и в некоторых из команд 2-й местной бригады замечено лишь неправильное употребление при строевых упражнениях учебно-го гимнастического шага.

Гимнастика и фехтование. В этих отделах обучения повсюду заметен желаемый успех, и в особенности в Холмогорской местной команде, где гимнастические упражнения, от фельдфебеля до последнего рядового, были исполнены образцово. Необходимо содержать гимнастические машины в большем порядке, в особенности в Мезенской местной команде, где городок совсем обветшал.

Обмундирование и снаряжение. Несмотря на встреченные ротами 2-го и 3-го резервных батальонов некоторые затруднения при постройке одежды, все осмотренные войска представились Мне щеголевато обмундированными и в исправном снаряжении. В пригонке и постройке Я не заметил особых от правил отступлений.

Грамотность. Судя по представленным Мне сравнительным данным за последние 3 года, Я должен сказать, что еще во многих частях необходимы серьезные усилия для достижения лучших результатов.

В Мезенской местной команде за указанный период времени не только ни один нижний чин не обучился грамоте, но и самого занятия этого не производилось. Ссылку начальника команды на разбросанное по обывателям квартирование нижних чинов как на причину такого явления нельзя признать уважительною уже потому, что чем труднее известное дело, тем большие усилия потребны для достижения в нем успеха, и к тому же в соседней с Мезенской, в Кемской местной команде, при том же невыгодном способе размещения людей и сравнительно более тяжелой службе, за то же время обучено между тем грамоте 18 из 34 подлежащих обучению.

Нравственность. Из сравнительной общей таблицы о числе преданных суду и подвергшихся дисциплинарным взысканиям в осмотренных частях Я заключаю, что на поддержание нравственности в Архангелогородском местном батальоне, Островской, Мезенской и Сийской командах следует обратить большее внимание. При пересмотре штрафных журналов Я заметил, что самые взыскания иногда налагались без точного соблюдения правил дисциплинарного устава. В Мезенской местной команде из 124 и в Сийской местной команде из 16 случаев общего числа взысканий за 1884 и 1885 гг., в первой 122 и во второй все 15 наложены исключительно лишь офицерами, притом взыскания эти не превышали предоставленных власти начальникам из нижних чинов. Такое явление может быть объяснено незанесением всех взысканий в штрафные журналы или тем, что начальники из нижних чинов, в ущерб их авторитета, не пользуются законом предоставленною им властью. Такие

упущения, уверен, были бы своевременно устранены, если бы проверка журналов производилась в законе указанном порядке. Из подробно мною рассмотренного ордера одного из начальствующих лиц я видел, что журналы эти им вовсе не были проверены, ни даже просмотрены.

Казармы и хозяйство. Казармы и хозяйственные при них заведения везде содержатся в полном порядке и обставлены для квартирующих возможными удобствами. Лишены казарм в настоящее время лишь местные команды в Мезени и Кемь, из которых в первом городе они должны быть вновь построены военно-инженерным ведомством и во втором будут построены местным городским управлением. Начальнику 2-й местной бригады установить временную отчетность за ходом постройки казарм в этих городах и доносить Мне в случае замеченной медленности.

Останавливает на себе особое Мое внимание улучшение лагеря Петрозаводского местного батальона: взамен местности на берегу Онежского озера, подверженной постоянным ветрам и пыли от проходящего вдоль передней линейки скотопрогонного тракта, на которой застал Я батальон в прошлом году и до того много лет там расположенный, ныне лагерная обстановка неизвестна: лагерь разбит на сухой и возвышенной местности, окруженной кустарником, и вне вредного влияния северных ветров; гг. офицеры имеют хорошо устроенную общую столовую и библиотеку, а нижние чины — обширные столовые и кухни, не уступающие соответствующим постройкам лагеря Красносельского. Современными удобствами батальон пользуется благодаря сочувствию к нему городского общественного управления и похвальной заботливости и распорядительности батальонного командира.

Пища, хлеб и квас в дни смотров повсюду были отличного качества, вполне соответствовавшего требованиям утвержденных раскладок, правильно соображенным с данными на продовольствие средствами и местными на продукты ценами. При обходе столовых и кухонь Я заметил, что те улучшения в хозяйстве, на которые было указано в Моем приказе по округу сего года за № 11, еще не введены во многих частях, квартирующих сравнительно бли-

же к Петербургу, в то время как Архангелогородский местный батальон и Холмогорская команда успели их применить с полным успехом⁵. В кухне одной из местных команд Я не нашел вывешенной на стене ежедневной раскладки. В частях 1-й местной бригады унтер-офицеры, обедая в столовых вместе с рядовыми, сидят за особыми столами. Признавая каждую из мер, содействующих возвышению в войсках почета унтер-офицерского звания, заслуживающего внимания, порядок этот принять к руководству и в других частях Высочайше вверенного Мне округа, там, где он может быть применен без особых неудобств.

Служебные и домашние наряды. Сличая между собою данные составленной общей ведомости и фактически на месте поверив некоторым из них, Я убедился, что на ограничение расхода людей на службу не везде обращено полное внимание. В командах, находящихся в одинаковых условиях обстановки, встречается в нарядах большое разнообразие, при том в частях одной и той же бригады. В одних командах значатся особые посты у пороховых погребов, сторожа у стрельбищных валов, провиантских складов, в управлениях и командных канцеляриях, в то время как другие команды нашли возможность обойтись без некоторых из этих нарядов; в одних допущен наряд в канцелярии вестовых и в командах конюхов, тогда как в других командах таких нарядов не имеется; одними случайные посты в гражданских больницах, в случае содержания арестантов, показываются в ряду нарядов постоянных, другими — временных; в одной из команд к исправлению обязанностей кашевара и хлебопека назначен 1 человек, в другой — сравнительно небольшого состава — 2 и 3. От верности определения расхода людей на службу прямо зависит и степень благосостояния частей: чем, при известном ограниченном штате, общий наряд в команде будет меньше, тем останется больше времени для производства прочих учебных занятий и для отдыха. Придавая крайне важное значение сокращению в войсках служебных нарядов и признавая полезным объединение их

⁵ Применение это Я видел и в Московском военном округе во многих частях 18-й местной бригады.

в районе каждой бригады, предписываю начальникам 1-й и 2-й местных бригад объявить, особо для каждой команды, в приказе по бригаде расписание всех ими признаваемых нарядов людей на службу. Только при выяснении — до последнего человека — служебного расхода и можно вывести правильное заключение о ответственности действительной потребности и штатов частей. Самое уравнивание службы между командами — в чем ныне еще встречается такая потребность — немыслимо без предварительного и точного выяснения действительно неизбежных нарядов.

Остроги и больницы. Посетив во всех поименованных городах остроги и больницы, Я нашел в первых хорошие помещения для караула, а вторые соответствующими санитарным требованиям и содержание в них больных воинских чинов вполне удовлетворительным, хотя и дорогим по сравнению со стоимостью их содержания в войсковых лазаретах.

Состояние управлений уездных воинских начальников и канцелярии начальников местных команд. Все управления и канцелярии удобно помещены в хорошо содержанных зданиях и удовлетворительно обставлены. При произведенной Мною проверке делопроизводства и мобилизационной отчетности, Я убедился в повсеместном их, сравнительно с прошлогодним смотром Моим, улучшении. На месте высказав замечания, на этот раз, так же, как и в прошлом году, могу повторить, что степень исправности прямо зависела от степени личной подготовки уездных воинских начальников. Начальникам местных бригад требовать от подчиненных им воинских начальников таких основательных знаний, при которых они могли бы на самом деле постоянно фактически лично проверять правильность ведения направляемого ими делопроизводства. Из осмотренных Мною управлений лучшими признаю Демянское и Холмское, а более слабыми Архангельское и Валдайское.

Состояние Архангелогородского местного лазарета. Лазарет помещен в деревянных зданиях военно-инженерного ведомства и содержится в большом порядке. Больные были видимо довольны оказываемой им попечительностью, и никто из них претензии мне не заявил. Успех поль-

зования больных, судя по общим результатам, может быть назван благоприятным, и в среде батальона лазарет пользуется должным доверием.

Объявляя о таких результатах Моего осмотра местных войск для руководства им в будущем, высказываю твердую уверенность в дальнейшем их несомненном совершенствовании, к чему наиболее верным залогом служит лично замеченная Мною преданность гг. офицеров своему долгу, как и готовность их всегда точно, по мере сил и возможности, исполнять законом возложенные на них обязанности.

Обращаю особенное внимание на утверждение в частях местных войск мере к правильному воспитанию нижних чинов и к возможному, путем распространения грамотности, умственному их развитию. Надо помнить, что нравственный и в некоторых случаях только грамотный солдат может с честью исполнять караульную и конвойную службу, которая главным образом и падает на местные войска.

Подписал: главнокомандующий войсками,
генерал-адъютант ВЛАДИМИР»

Нижний Новгород. Ярмарка

Причины посещения Их Высочествами Нижнего. Прибытие. Легенда. Историческое о городе и ярмарке. Главный ярмарочный дом. Преображенский собор. Гробница Минина. Кадетский корпус графа Аракчеева. Новодевичий монастырь. Лагерь. Выставочный павильон. Значение кустарно-промышленной выставки. Пароходство Зевеке.

Кремзирское свидание Государя Императора с Императором Австрийским, произведшее на весь европейский мир огромное впечатление, состоялось 15 августа. Государя сопровождали: Государыня Императрица, Наследник Цесаревич, великий князь Владимир Александрович с Августейшею супругою своею Марией Павловною и великий князь Георгий Александрович. 16 августа Высочайшие Путешественники были в Киеве, где и провели четверо суток, и направились обратным путем в Петербург через Москву. Из нашей первопрестольной столицы Их Высочества великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна проследовали в Нижний Новгород для посещения ярмарки и выставки кустарно-промышленной и сельскохозяйственной.

Эта выставка — почин, и почин очень многозначительный. Дело в том, что члены нижегородского городского и биржевого обществ и нижегородского отделения технического общества, принявшие на себя устройство кустарно-промышленной и сельскохозяйственной выставки, видя неоднократные доказательства тому, что Великий Князь постоянно благосклонно относится к интересам нашей промышленности, изъявили желание, чтобы Его Высочество соизволил принять эту выставку под свое покровительство. Составленный по этому поводу адрес был доставлен в Петербург в марте месяце особою депутацией, которую Великий Князь удостоил милостивым принятием. С последовавшего затем Высочайшего соизволения Его Высочество

принял выставку под свое покровительство, и таким образом было предрешиено совершившееся путешествие в Нижний.

В одной из мордовских песен основание Нижнего рассказывается так: ехал русский князь мурза по Волге; на ту пору мордва в белых своих балахонах молилась на горе Богу; спросил мурза своих воинов: «Что это за березник мотается, шатается, к земле матушке на восток приклоняется»; князю объяснили, что это мордва Богу молится. Старики из мордвы, узнав о прибытии русского князя, послали ему с молодыми людьми говядины и пива; молодые люди говядину съели, пиво выпили, а князю принесли земли да воды. Князь поплыл далее по Волге; где кинет на берег горсть принесенной земли, там быть городу, где бросит щепотку, там быть селу. Так покорились русским земля мордовская.

Так, будто бы, возник и Нижний из горсточки земли, брошенной русским князем мурзою. Несомненно, что Нижний основан в 1222 году великим князем Юрием II Всеволодовичем и, по словам Соловьева, является фактом наступательного движения нашего на Азию, на финские племена и, по справедливому замечанию Гациского, является первым звеном той исторической цепи событий, которая на наших глазах завершилась пока что в Мерве.

В 1350 году в отпор Великому Княжению Московскому образовалось здесь свое Великое Княжение, но в конце XIV века подчинилось Москве. Татарское владычество, Иоанн Грозный, лихолетье — все это живописалось в истории Нижнего; ярко теплится в нем имя Минина; тут же имеют что порассказать легенды и история о Стеньке Разине и Пугачеве; отсюда шел Петр I в персидский поход; здесь представился Екатерине II гениальный механик-самоучка Кулибин; здесь же передала Императрице, оставшись с нею наедине, свою глубоко трагическую судьбу известная Осокина, и Екатерина велела снять с нее кандалы; известна также легенда о «Кунавинской куме». Что касается до ярмарки, то, зародившись в Скоморошках, побывав временно в Василе и Лыскове, открыта она в Нижнем, официально с 1817 года; гостиный двор ее построен был под наблюдением генерала Бетанкура в 1822 году; центр его в главном ярмарочном доме.

Много уже веков замышляют «оползни» гор, на которых красуется Нижний, снять с него красоты, принизить его горы, и все-таки это не удастся им. Красив и высок Нижний, как прежде. Последний большой оползень совершился в 1867 году над соляными амбарами; когда-то, в 1597 году, разрушен подобным оползнем Печерский монастырь, основанный в XIV веке; он снес его долой и достиг только того, что монастырь этот стоит по-прежнему, только немного повыше. Боязнь этих оползней принудила очень недавно срезать так называемую Муравьевскую башню — «дылду», над которою в свое время много трунили и которая была так характерна своим длинным розовым очертанием на нагорном берегу Волги, обращенная циферблатом своих часов к лежащей по другую сторону Оки ярмарке.

Рухляки, из которых состоят горы Нижегородские, причина этих оползней. Толкуют, будто бесчисленные свистки волжских пароходов пошевеливают их, но это несомненнейшая неправда, потому что, если бы звуки способны были двигать рухляки, то 22 августа, в день приезда сюда Великого Князя и Великой Княгини, от бесконечных «ура», шедших от многих десятков тысяч голосов, они должны бы были двинуться непременно. Они не двинулись.

С небольшим в 10 часов утра прибыли сюда из Москвы Их Высочества, и тут же на вокзале представились им: начальник 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Корево, начальник губернии, управляющий ярмаркой, генерал-майор Баранов и губернский предводитель дворянства Зыбин. Сев в экипажи и проехав поперек ярмарки, вступили Их Высочества в новый ярмарочный собор, где приветствованы епископом Нижегородским и Балахнинским Модестом и отслушали многолетие. Жаль, очень жаль, что, сообщая о первых шагах Их Высочеств в Нижний, говоря о соборе, приходится, чтобы быть справедливым, отнести к этому монументальному сооружению не сочувственно. Это тем более жаль, что первый камень его, в 1881 году, в июле, положен был собственноручно великим князем Владимиром Александровичем. Постройка обошлась в 508 000 рублей ярмарочному купечеству, обложившему себя для этой

Нижний Новгород. Общий вид города и реки Оки

цели особым сбором. Построен он по проекту архитектора Даля, умершего до окончания постройки; доведен до конца архитектором Килевейном. Все пять шатровых куполов его, кубическое основание, почти плоские абсиды, расчленения стен, их пилястрирование до такой степени неорганичны, так мало связаны одно с другим, так несочувственны в размерах, что невольно сомневаешься в том, исполнен ли проект так, как он задуман? Краснеющая нагота кирпичей и зелень шатровых куполов только увеличивают невыгоду впечатления, и несуразная масса собора решительно подавляет собою невысокие здания лежащей вокруг него ярмарки. Некоторое исправление возможно, если оштукатурить и окрасить его.

Вдоль ярмарочных линий, обрамленных народом, Их Высочества для кратковременного отдыха и приема властей и представителей направились в Главный ярмарочный дом. На площади перед домом был выставлен почетный караул, рота со знаменем от 9-го пехотного полка. На правом фланге стояли старшие над полком начальствующие лица, на левом — депутаты от Нежинского пехотного полка, шефом которого состоит Ее Высочество Великая Княгиня. Приветствовав начальство и поздоровавшись с людьми, Его

Высочество обошел ряды. С депутатами от нежинцев Великий Князь вспоминал время недавнего своего пребывания в Ярославле. Отпустив караул, Его Высочество направился в Главный дом, где Великая Княгиня, Августейший Шеф нежинцев, приняла членов депутации.

Ярмарочный Главный дом, центр обращения тех миллионов, которые за все время существования ярмарки перешли через Нижний, служит во время ярмарки постоянным местопребыванием губернатора, так как губернаторский дом находится отсюда в шести верстах, в кремле, за Окой. При том безудержном наплыве всякого народа, при пестроты и количестве масс его, которые имеют место, присутствие представителя власти в центре самой ярмарки необходимо. Главный дом очень стар, длинен, своеобразен. Одним фронтом с колоннами выходит он на площадь, другим обращен в сторону бульвара и густо оттенен столетними осокорями, тянущими ветви свои к его окнам. Под самым домом в галереях идет торговля и будто выползает отсюда по всем направлениям на целых 16 квадратных верст ярмарки, выползает на волжские и окские пески, вплоть до неисчислимых хлебных, чайных и рыбных караванов, на них приютившихся. Но 16 квадратных верст — это еще не все, потому что вплотную к пескам подтянуты бесчисленные суда, непосредственно соединяемые сходами; за судами в глубокой воде стоят пароходы, и все это та же ярмарка, знаменитая ярмарка, когда-то Макарьевская, существовавшая у монастыря этого имени, но с 1817 года перенесенная в Нижний Новгород. Заметим, что ко дню приезда Их Высочеств в ярмарочном районе значилось 2694 судна, поверхность и вместимость которых надо прибавить к 16 квадратным верстам.

Роскошная совокупность всего этого представилась глазам нашим, когда, приняв в Главном доме властей, представителей дворянства и именитого всероссийского купечества, Их Высочества направились в экипажах чрез плавучий мост на Оке в самый город для посещения Преображенского собора. Предстояло подняться от низменной ярмарки к самой вершине кремля. Внушительная декорация Нижнего высилась перед нами во всей ее высоте и широте, расцвеченная

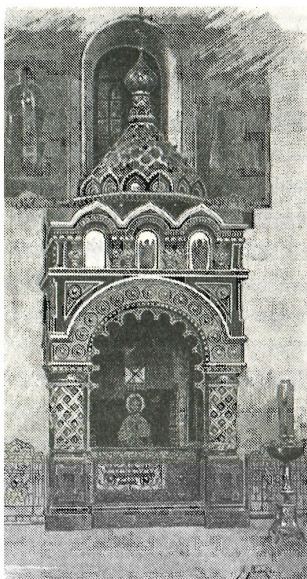

Нижний Новгород. Нижневолжская набережная

бессчетными флагами, двигавшаяся людьми, гудевшая всеми своими колоколами. От Главного дома до собора, находящегося подле дома начальника губернии, около 6 верст. Ехать приходится Нижним Базаром и подниматься Зеленским спуском, глубоко врезанным в самое тело кремлевской горы. С грохотом колес экипажей пронеслись мы под воротами старинной стены и, выйдя из них, очутились в глубокой тишине городского Преображенского кафедрального собора; влево от входа виднелась под красивою сенью могила Минина. Их Высочества были встречены и здесь архипастырем Модестом и прослушали многолетие.

Собор построен в 1221 году, но много, много раз перестраивался. В нем есть церковь верхняя и церковь в подвальном этаже. В верхней светло поблескивают шесть стройных, облицованных алебастром столбов; синими кассетами расписаны изгибающиеся над ними арки; по стенам фресковые изображения; изнутри видны все пять куполов, обильно снабженные окнами; в главном корпусе окна в два света. В соборе почивают многие из великих князей и княгинь нижегородских, целый ряд митрополитов, и между ними Питирим, так много известный в судьбах поволжского раскола.

С глубоким вниманием и почтением отнеслись Высокие Посетители к гробнице Минина. Она поставлена по проекту архитектора Даля, строителя ярмарочного собора, и сделана удачно. Великий гражданин Нижнего почитается в подвальной церкви, к которой сходят вниз по сторонам очень красивой шатровой сени, высящейся в верхней церкви. Узорчатая размалевка внутренних и внешних частей мавзолея строга, выдержана и вполне соответствует характеру сооружения. Немного нужно было усилий воображения, чтобы вспомнить то лихолетье, когда прозвучал голос человека, почивающего теперь в этой могиле, под сенью знамен ополчений 1812 и 1856 годов. Петр I и многие державные лица, посещавшие собор, поклонялись этому праху «Миновича», лежащего здесь «избавителя России». Полусвет подвального этажа только способствует ясности воспоминания, и место это, безусловно, одно из святых мест нашей России.

Нижний Новгород.
Гробница Минина
в Спасо-Преображенском
соборе

В соседстве собора, в кремле, находится Нижегородский графа Аракчеева корпус, куда вслед за тем и направились Их Высочества. Корпус этот был помещен по воле Императора Николая I в 28 верстах от Новгорода, в 4-м округе военных поселений. На содержание корпуса, кроме сумм, ассигнованных из Государственного Казначейства, поступали: часть процентов с 2 ½ миллионов, пожертвованных дворянством двадцати семи губерний на устройство губернских кадетских корпусов, и проценты с 300 000 руб., внесенных графом Аракчеевым. Это был первый из губернских корпусов. Через месяц по открытии корпуса граф Аракчеев скончался; через две недели последовал указ, чтобы доходы с Грузинского имения

Нижний Новгород. Церковь Святого Георгия

графа шли всегда на воспитание юношей этого корпуса. Корпусу передана библиотека графа и многие из его вещей, хранящихся в нем и поныне. Их Высочества обошли большую часть здания: юноши и дети-кадеты, выстроенные фронтом, глядели весело, бодро. Помещение и порядок безупречны. В корпусе два полные оркестра, духовой и струнный, составленные из кадет. Их Высочества слушали очень хорошую, осмысленную игру первого из них, и нельзя не заметить, что подобное участие музыки в деле воспитания, если только оно не идет в ущерб прямому назначению корпуса, как в данном случае, в высшей степени полезно и должно вызвать подражания. Из числа вещей, оставшихся после

Нижний Новгород. Дворец в кремле

графа Аракчеева, следует упомянуть об очень хорошем портрете его, во весь рост, писанном масляными красками, и о бронзовом бюсте; ни в том, ни в другом граф не польщен; бюст, по плечи, безо всякого одеяния, и на шее висит, отлитый с ним заодно, медальон, с изображением императора Александра I. Много воспоминаний вызывалось взглядом на стеклянный бокал и такую же рюмку, которыми чокнулись в Тильзите императоры Александр I и Наполеон.

Довольно далек был переезд от корпуса к Новодевичьему монастырю, составлявшему следующий пункт посещения. Крестовоздвиженский первоклассный общежительный девичий монастырь лежит в густой зелени старых деревьев своих, за такими же старыми стенами. Основан он в конце прошлого столетия; церквей в нем три, и купола их глядят вплотную один подле другого в обильной листве. Их Высочества прослушали в соборной церкви многолетие и сквозь густые ряды инокинь прошли в помещение настоятельницы монастыря на чашку чая. Монахинь и послушниц 174, на испытании 55; должно быть, между ними много мастериц рукоделия, потому что работы, разложенные на одном из столов, свидетельствовали об этом несомненно. Средства монастыря достаточны: это благотворители и вкладчики, родственники которых погребаются или в самом монастыре, или на монастырском кладбище. При монастыре училище на десять девочек.

В соседстве монастыря расположен лагерь 1-й бригады 3-й пехотной дивизии; для совместного занятия с пехотой присоединяются к нему две батареи 3-й артиллерийской бригады и Оренбургский казачий полк. Чрезвычайно оживленна была картина лагеря, расположенного на самых вершинах приволжских гор; там, где открывается вид на понизовье, на лежащую глубоко и далеко внизу ярмарку, он удивительно роскошен. Лагерь был весь обвешен тройными рядами гирлянд и двигался — так казалось — неисчислимым множеством флагов. На арках значились имена городов и местечек, всем знакомые с последней Турецкой войны и имевшие отношение с участием в ней Великого Князя. Их Высочества обошли и объехали лагерь и побывали в офицерской столовой, где Великий Князь беседовал с участниками войны и вызвал не одно воспоминание, особенно интересуясь ранеными тогда офицерами. Солдатики, народ, казаки на юрких конях своих перепутывались самым картинным образом, и любо было смотреть на то, как при отъезде оренбургцы подвижною лавой окружали великокняжескую коляску, заскакивая вперед и сплачиваясь за нею.

Очень далек отсюда был обратный переезд к центру ярмарки — к выставке, главной причине прибытия Их Высочеств.

Выставка помещалась в особом здании — павильоне, устроенном на ярмарочном обводном канале, на сваях. Она, находясь в центре ярмарки, нисколько не стеснила ее и, так сказать, не занимает места. Конкурс предоставил постройку архитекторам Лемке и Григорьеву на коммерческом праве за 21 000 рублей. Павильон очень красив и занимает площадь в 400 кв. сажен. Весь расход по устройству простирается до 27 000 рублей и будет покрыт губернским земством и городскими думами Нижегородской губернии, а также доходами с самой выставки.

Их Высочества провели на выставке около двух часов времени, очень подробно рассматривая ее и выслушивая объяснения. Кустарное производство в России вообще настолько народно, так развито, дает заработки такой массе народа, проявляет такие удивительные способности нашего

Нижний Новгород. Вид на верхнюю часть города
с Ильинского проезда

простолюдина производить вещи поразительных достоинств инструментами самых первобытных свойств, что выдвинуть его вперед, выдвинуть совершенно самостоятельно и оказать всевозможную помощь — необходимо. На выставках в Москве и, кажется, в Петербурге были отделы кустарного производства; здесь, в Нижнем, впервые вошло оно даже в название выставки. Должно надеяться, что оно проявится, наконец, и вполне самостоятельно. Почин сделан Нижегородской губернией. Что, если бы испытать всероссийскую выставку исключительно кустарную, без примеси фабричного производства? Здесь, в Нижнем, посещение Великого Князя вызывает надежду на это. То, что дала здесь одна губерния, дала далеко не полно и не в подобающем правде количестве, узаконивает надежду о возможности будущей выставки, существующей пока что только в мечте, но способной вызвать бесчисленное множество самых благодетельных последствий. Наше кустарное дело — дело народное; оно чрезвычайно велико, и почину Нижнего Новгорода надобно желать всевозможного благополучия.

К 6 часам Их Высочества были у Сибирской ярмарочной пристани для обеда, данного ярмарочным купечеством

на пароходе. Пароход-монстр, назначенный для этого, была «Магдалина», американский пароход Зевеке новой системы. Ненагруженный, сидит этот пароход только 3 четверти; нагруженный 22 000 пудов, опускается он до 7 ½ четверти, то есть особенно пригоден для прискорбного обмеления Волги. Стоимость его 120 000 рублей, и характерно то, что громадное колесо помещено сзади, в хвосте парохода. Таких пароходов у Зевеке в настоящее время пять. Первый пароход американского типа построен Зевеке в 1871 году, назывался тогда «Переворот», называется сегодня «Колорадо». Очень хорошо пошли дела Зевеке со времени ликвидации дел общества «Камско-Волжского», часть пароходов которого перешла к нему. Пароходы с задним колесом — дело последнего времени и, насколько возможно, удачно борются с мелководьем Волги, особенно в плесах Казанском и Рыбинском.

Обед на пароходе «Магдалина» удался вполне; столовый зал, в 140 футов длины, при очень небольшой ширине, казался роскошною лентою золота и серебра, блиставшей сервировкою, оттеняемой цветами, растениями и богатыми одеяниями дам.

* * *

Осмотр ярмарки. Мануфактурные производства: Никольское — Саввы Морозова, Богородско-Глуховское, товарищество Викулы Морозова, товарищество Тверской мануфактуры и др. Чайная торговля Губкина-Кузнецова. Характер и нужды чайной торговли. меховое дело Сорокоумовского и Козлова. Фарфоры и фаянсы Кузнецова. Стекло Нечаева-Мальцева. Склады Караван-Сарая. Поездка по Самокату. Народные столовые и кухни. Ночлежные дома. Сибирская пристань. Пески, железо и рыба.

Резкий ветер дует во весь второй день пребывания Их Высочеств в Нижнем; 23 августа было одним из самых дождливых, холодных, неприветливых. Насколько упало дождя на ярмарку за этот день, можно было убедиться на следующий, 24 августа, когда коляска Их Высочеств, запряженная четвериком, с одним из характернейших, типичнейших куче-

ров на козлах, двигалась по немощным, удаленным частям ярмарки, по Самокату, близ народных трактиров, ночлежных домов, столовых и чайных; коляска словно ныряла по глубоким рытвинам, полным слякоти, и мастерски управляемая четверка, вся собранная, вся взятая в руки, несомненно свидетельствовала о том, что будут даны кучеру серебряные часы, непременно будут даны.

Осмотр ярмарки был главным делом этих двух дней; 23 августа, кроме того, судя по количеству и характеру целого ряда учреждений, посещенных Их Высочествами, было посвящено педагогии и благотворительности.

Осмотр Нижегородской ярмарки — это легко сказать. Волей-неволей приходится придерживаться только крупных черт, только общих набросков; 25 августа закроется ярмарка, спустится флаг, сведутся концы с концами, и тогда получатся определенные цифры. Цифры эти уже намечены довольно четко: какой бы ни был исход ярмарки, но она все-таки центральное, русско-европейско-азиатское все-российское торжище; от него протоптаны исторические тропочки до Тибета и Амура с одной стороны, до Америки на запад с другой. Что бы ни сказали будущие цифры, сколько бы векселей ни было протестовано, но верно то, что существуют уже рынки ситцевого, льняного, фаянсового, чайного товара, отвоеванные нашим купечеством; есть предметы производств, не исключая кустарного, к которому привешиваются иностранные пломбы иностранцами и продаются нам же за произведения чужой земли. Как ни мелка стала Волга, как бы ни становились могучи пески в ней, но наша народная торговля и производительная сила еще могущественнее, еще упорнее. Не такие дурные годы переживали мы, и не из Нижнего ли пошли и Минин, и Пожарский?

В два дня посещения ярмарки Их Высочества объехали и обошли всех крупнейших представителей производств и торговли. Начали с одной из старейших, почтеннейших фирм, или, лучше сказать, с трех самостоятельных крупных фирм, трех братьев Морозовых, преемников известного Саввы Морозова, основавшего мануфактурное производство в 1797 году; этот Савва Морозов был когда-то помощником ткача, с жалованием по 5 рублей в год; начал он с того, что

Нижний Новгород. Ивановский съезд и Ивановские ворота

поставил семь станков; теперь их многие тысячи, и десятки тысяч людей живут ими, и глубоко в Азию шествует наш мануфактурный товар и одолевает английский.

Потомкам Саввы Морозова принадлежат в настоящее время три громадных производства: 1) «Никольская мануфактура Саввы Морозова Сын», Владимирской губернии, Покровского уезда, работает и отделявает в год свыше 1 миллиона кусков товара, дает работу 18 125 рабочим и на жалование им расходует 2 035 000 рублей; 35 паровых котлов в 1078 лошадиных сил двигают механизмы; веретен около 128 000; самоткацких станков свыше 1950; в вечном владении товарищества 35 555 десятин земли, из них 20 000 строевого и дровяного леса, кроме того имеется 1088 десятин торфяных залежей; при фабриках две больницы на 210 кроватей, два училища с 600 учениками, имеются ремесленные курсы, детский приют с колыбельной и богадельня; от Ореховской станции Московско-Нижегородской железной дороги на фабрику проведена своя ветвь; на фабрике 2 артезианских колодца, дающие воды в день свыше 465 000 ведер. 2) «Компания Богородско-Глуховской мануфактуры» в Москве; фабрика при селыце Глухове имеет около 83 000 веретен и 1700 механических станков; рабочих около 10 000 человек; паровые двигатели в 700 лошадиных сил; больница на 300 человек, училище с 800 учащимися,

приют, убежище для сирот; годовой сбыт около 10 миллионов рублей. 3) «Товарищество мануфактур Викула Морозова с сыновьями» в местечке Никольском: 40 000 веретен, 1260 механических станков, работает около 5000 человек; годовой оборот около 6 миллионов рублей, больница на 60 кроватей, школа — на 250 человек. Из приведенного беглого перечня видно, что одни потомки Саввы Морозова дают заработок свыше чем 35 000 рабочих. Все эти неоглядные полосы ситца, зефира, тика, демикотона, миткалей, бархатов, рипсов, пике, со всеми их бесконечными подразделениями, способные опоясать землю, тянутся от названных мануфактур далеко в Сибирь, Персию, Бухару, Хиву, Китай, Мерв, не забывая ни России, ни Царства Польского, ни Финляндии. Роскошь и достоинство отделки безупречны, рисунки и колера то и дело совершенствуются.

Не менее внушительны производительные силы других мануфактуристов. Крупнее прочих является начавшее свое дело в 1859 году «Товарищество Тверской мануфактуры»; оно имеет около 74 000 прядельных веретен и 2185 ткацких станков, рабочих 6000 человек, школу на 1200 человек, больницу на 100 коек, колыбельню, приют, родильный приют, богадельню; продажа товаров достигает суммы 6 000 000 рублей. Из числа других видных деятелей этой отрасли нашей производительности в деле ситцев, бархатов, шелков, льняного товара посещены были: Третьяков и Коншин, Носовы, Лабзин, Осипов, Сапожников, два Барановых и др. Бесконечными вереницами раскатывались пред Их Высочествами куски замечательнейших материй всех видов, цветов, размеров, достоинств, начиная от 8-копеечных ситцев до златотканых парчей и материй на бухарские халаты в 35 рублей аршин. И все это вытаскивалось из необозримых груд, в которых и разобраться-то трудно. Хотя некоторые специализированные работы и существуют (есть, например, обширные мануфактуры, работающие только красные миткали), но, в общем, многие производства идут рука об руку, и, право, трудно сказать, кто и в чем отстают один от другого.

Во главе нашей чайной торговли стоит дом А. Губкина; наследник его Кузнецов. Ящики и цибики громоздят-

Нижегородская ярмарка. Главный дом

ся стенами, выползают во внутренние дворы, имеют свои неиссякаемые источники подле Сибирской пристани, где в характерных, рогожевых павильончиках обретаются приказчики, пробуются и раскупаются различные чаи. Стальной совок пробуравливает цибики, щепоть чая кладется в особый небольшой чайничек, держится в кипятке ровно пять минут — и стоимость цибики определена. Нижегородские склады находятся в прямой, непосредственной связи с русскими торговыми домами Токмакова, Молоткова, Пяткова, Молчанова, Родионова и К^о, крепко сидящими в самом Китае и не боящимися какой-либо конкуренции. Все чайное дело, несмотря на разнообразие сортов чая, делится на два главных, так сказать, органических отдела: байховые чаи, рассыпные, те, что распиваются нами, и кирпичные, плиточные чаи, дешевые, потребляемые инородцами и идущие в простой народ, что ни год, то больше. На два отдела делится оно и по характеру ввоза: чай, идущий сухим путем, чрез Кяхту, и привозимый морем через западную границу; тут, по вопросу о доставке, черным призраком поднимается, по словам торговых людей, необходимость пересмотра и установления большей соразмерности в пошлинах того и другого пути. Министерству

финансов эта нужда известна, и оно, конечно, подумает о ней. Настоятельность пересмотра изображается в цифрах: в 1865 году наш отпуск мануфактурных товаров в Китай по оптовой меновой в Кяхте торговле достигал почтенной суммы: 4 775 000 рублей; в 1884 году он понизился до 1 552 000 рублей. Горячее пожелание купечества состоит в том, чтобы сделана была разница в пошлинах за чай, покупаемый нами у китайцев на деньги и вымениваемый от них на наши товары. Не сделать этого значит понизить все наше мануфактурное производство, находящееся в теснейшей связи с чайным делом. Их Высочества посетили, кроме Губкина, еще чайный торговый дом Боткина, испробовали чай и определили их достоинства по аромату, и при обоих посещениях выслушивали как объяснения, так и выражения пожеланий и нужд. На нынешнюю ярмарку привезено Кяхтинского и Ханькауского чаю 65 000 ящиков от 123 до 160 рублей, кирпичного мелкого 30 000 ящиков от 77 до 80 рублей и кирпичного зеленого 23 000 ящиков, от 65 до 67 рублей. Около 100 000 ящиков пришло чрез Сибирь, остальные из Одессы и Лондона.

Большой интерес представляло посещение фирм Сорокоумовского, основанной в 1793 году, и Козлова, торгующих мехами. Как в мануфактурных складах вытягивались бесконечные аршины кусков, так громоздились здесь пред Их Высочествами различные меха, поочередно закрывая одни другие. К концу осмотров лежали целые курганы мехов. Дешевые шкуры оленей, лосей, белых волков, светлых лисиц, шкуры из лапок и головок накрывались ценнейшими соболями, черными лисицами, песцами, бобрами; связочка очень небольшая, из десяти штук соболей, стоит 2000 рублей, ротонда из совершенно черной лисицы 3000 рублей. И все это грудями, курганами. Целые мозаики мехов завешивали стены, покрывали полы и столы помещений; куницы, норки, горностаи, выхухоли, медведи, еноты, ильки пестрели в глазах, перебивая друг дружке дорогу, удовлетворяя всем вкусам, всем требованиям. Тепла в этих мехах может хватить на всевозможные полярные зимы. Все сырые пушные товары, идущие с Амура и из областей Якутской и Забайкальской, доставляются в Москву глав-

Нижний Новгород. Софроновский сквер на Нижнем базаре
и вид реки Оки

ным образом почтой и поступают в Московскую таможенную, которая, как объясняют купцы, не признавая якобы этот товар за русский, взимает с него за свой родной продукт от 15 до 30 руб. золотом с пуда; это было бы более чем странно, и ходатайство купцов, представленное ими в Министерство финансов года два тому назад, будет, вероятно, разьяснено им как следует.

Фарфоры и фаянсы Кузнецова наглядно свидетельствуют о том, что эта отрасль промышленности нашей делает свое дело. Всяких чашек, начиная от характерных персидских и бухарских, шествующих глубоко в Азию, здесь было как раз столько, чтобы распивать бессчетные цибики всяких чаев. Фирма Кузнецова существует с 1832 года и имеет четыре фабрики в губерниях: Владимирской, Тверской и Харьковской и в городе Риге. На них 4000 рабочих, при каждой школа на 100 человек и больница на 20 коек; фарфоровую глину добывают на собственном заводе в Елизаветградском уезде. Годовой оборот около 3 000 000 рублей: 80% идут в Россию, а 20% — в Персию и Среднюю Азию. Особенно хорошо, что фирма Кузнецова нашла себе путь в Прибалтийский край, прочно утвердилась в Риге, где имеет свои цен-

тральные склады. Она отвоевала себе и дальнейшую дорогу, потому что изоляторы телеграфных проводов для Голландии были изготовлены ею и фигурируют в мануфактурных центрах самой мануфактурной страны Европы. Это хороший знак, добрый почин. Стеклоанное дело Нечаева-Мальцева — тоже одно из громких имен — не только оттесняет, но уже оттеснило заграничные товары; тяжелые свинцовые хрустали его могут выдержать всякое сравнение. Особенно ходок как у нее, так и у Кузнецова так называемый дешевый товар; он находит сбыт самый широкий, самый полезный и вполне удовлетворяет требованиям того огромного рынка, который имеет пред собою.

Для подробного обозрения Их Высочествами избраны были, конечно, только самые характерные, самые разнообразные торговли и производства. Многие из них имели своих представителей на Антверпенской всемирной выставке, привлекавшей десятки тысяч народа именно во время пребывания Их Высочеств в Нижнем Новгороде и вызвавшей со стороны европейских ценителей тот отзыв, что «мануфактурная часть русского отдела самая богатая и разнообразная и составляет славу России». Кроме перечисленных фирм посещены были: склад зеркал Смольяниновых, торговля скупным товаром Титова, существующая более ста лет; Кудрин, товарищество на паях, служащее обмену всяких товаров с центральной Азией; дома Хлебникова, Корниловых, Немирова-Колодкина, занимающиеся ювелирным, золотым и серебряным производством; бухарец Солейбай-Алемжан с его туркестанскими коврами, «каракулями» — овчинками, шелковыми и полушелковыми халатами и особым, специфическим запахом помещения; обойдены были некоторые из складов Караван-Сарая, с тем же запахом, теми же товарами, и осмотрен внутренний двор его, с фонтаном для омовений посредине. Глубоко грязны были некоторые переходы, но жизни, движения, кликов, флагов было еще больше. Каракулей всех сортов привезено до 300 000 штук и продавали от 40 до 45 рублей десятков.

Мы упомянули, что Их Высочества проехали по Самокату. Это, так сказать, подвальный, самый населенный этаж

Нижний Новгород. Общий вид ярмарочной стороны и мост из города на ярмарку

чудовищной ярмарки. Самокат расположен на самой окраине, за татарскою мечетью, за соединительным каналом, близ Мещерского озера, того озера, из которого запрещено брать воду не только для питья, но даже и для прачечных. Тут вечные балаганы, вечные трактиры, тут ночной разгул и надзор полиции. Прежде — так сообщают — мало проходило ночей без убийств; за последние годы их нет вовсе, что должно приписать отчасти уменьшению разгула и, конечно, умелой концентрации этого разгула. Объезд Самоката был очень живописен, несмотря на непролазную грязь и то и дело возобновлявшийся дождик. Русская архитектура любит балкончик; балкончиками всех длин, высот и ширины обведены, обвешены деревянные дома, трактиры и другие заведения Самоката; с них, обставленных вплотную народом, из окон, с крыш глядели на великокняжеский объезд люди, и возгласам не было конца. Этюды для художника кишмя кишели отовсюду; по непролазной грязи, стараясь забежать вперед, стремились женщины и мужчины, русские, татары, бухарцы, люди пестрые, темные, заплатанные, которых нельзя было отнести к какой-либо

национальности. Особенно счастливы были те, кому приходилось быть подле коляски Их Высочеств, когда приходилось сдерживать лошадей, лавируя между рытвинами и косогорами или поднимая коляску с низкого места на высокое, так что можно было опасаться за недостаточную подвижность дышла. Пестроте картины много способствовали рисунки и фигуры, красовавшиеся на лицевых сторонах балаганов, все эти драконы, полулюди, сирены, волшебники.

Их Высочества посетили народную кухню, чайную и народную столовую, бесспорно полезнейшие учреждения. Этих заведений несколько. В кухне, заплатив 3 копейки, вы можете готовить свое кушанье; за 8 копеек получаете вы 2 блюда; за 5 копеек — щепотку чая и сахар. Здесь же кормится масса всяких сидельцев, рабочих, крючников, возчиков, за которых уплачивают хозяева от 10 до 20 рублей и более, за все время ярмарки. Эти заведения — маленькие бараки; чтобы войти в них, благодаря глубокой грязи, подле коляски Их Высочеств накладывались доски. Ночлежный дом на Самокате (другой существует в самом городе) построен в 1881 году, стоил 40 000 рублей и может приютить 528 человек ночлежников; это огромное железное полуцилиндрическое здание; нары в нем тоже железные, в два яруса.

На Сибирской пристани произведена была пожарная тревога. Благоустройство этой части более чем важно, и надо отдать справедливость разумности этого устройства. Существующие пожарные части с каланчами и выездными бочками и бочки, стоящие в разных местах, ничто в сравнении с паровыми трубами. Благодаря пожарным пароходам, находящимся постоянно под парами, и длине пожарных шлангов, можно в полном смысле слова залить ярмарку в данном месте; струи воды из двух и более шлангов могут быть сведены к центру ярмарки, на крышу театра. Случаев пожара бывало много, но они немедленно прекращались в зародыше. Сибирская пристань служит между прочим складом чаев и хлопка; последнего привезено: Хивинского 30 000 пудов, по 8 рублей 50 копеек; Бухарского и Ташкентского до 60 000 пудов, по 7 рублей 80 копеек; Персид-

ского, Мазандаранского, Кабинского и Хоросанского до 30 000 пудов; последние четыре, равно как Ташкентский, продажи не имели.

На паровом катере проехали Их Высочества по Оке на Пески, к складам железа и рыбы. Надо было маневрировать с великою ловкостью, чтобы пройти между всех этих барж, барок, полубарок, косовых и даже древних коноводок, чтобы добраться до Песков, чтобы не задеть за причалы и не коснуться громадных неуклюжих рулей, скрывающих свои широкие боковые поверхности под водой. Всего привезено в нынешнем году на ярмарку около 8 215 500 пудов железа, и эта отрасль торговли, одна из существеннейших, вызывает в нынешнем году наибольшее количество жалоб. Железные ряды тянутся в бесконечность. Вы шествуете вдоль целых формаций металла, вытянутых из недр Уральских гор и положенных на мягкую песчаную поверхность. Железо сортовое, листовое, литье чугунное, чугун, сталь томленая, железная проволока, гвоздь, все это чередуется перед вашими глазами, правильно разложенное и установленное. Имена самых крупных производителей, известных по всей России: Демидов, Стенбок-Фермор, Белосельский-Белозерский, Яковлев, Балашев, Сергиевско-Уфалейцы и др. чередуются с именами торговых фирм Журавлева, Рукавишникова, Пастухова и т. д., значащихся на черных дощечках белую прописью. Это траур, если хотите, и он справедлив, как выражение состояния нашего железного рынка. Как, почему и чем помочь — вопросы существенные. Вот табличка железа и чугуна, привезенного на ярмарку со всех наших заводов:

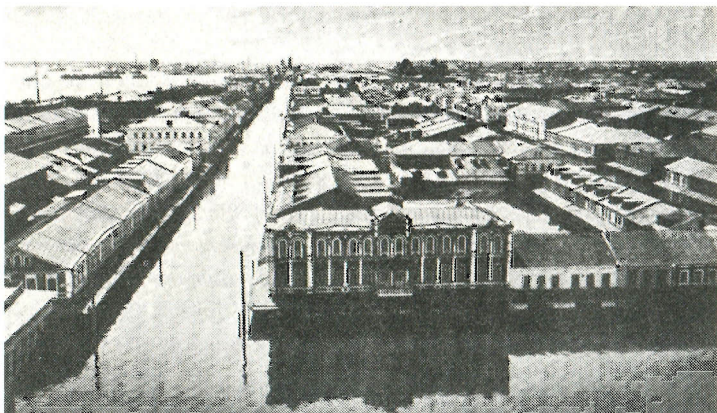
Железа сортового	4 007 000	пудов
Железа листового	3 509 000	
Чугуна	215 000	
Чугунного литья	254 000	
Стали томленной	92 000	
Железной проволоки	78 000	
Гвоздя	30 500	
Изделий	30 000	
<i>Итого</i>	<i>8 215 500</i>	<i>пудов</i>

Лучшие виды Нижнего. Посещение различных воспитательных и благотворительных учреждений. Реальное училище. Мариинская женская гимназия. Александровский детский приют. Мариинский институт. Мариинское родовспомогательное заведение. Второй детский приют. Дворянский институт императора Александра II. Празднество в Караван-Сарае. Цифровые данные о ярмарке. Вопрос о торговле с Китаем. «Беседа» 23 августа. Закрытие ярмарки. Поездка по Волге. Борьба с обмелением. Отъезд.

Чертою очень характерною жизни Нижнего Новгорода является обмирение самого города, лежащего на высотах, на все время ярмарки, расположенной глубоко внизу за Окой. Вид на ярмарку с высоты удивительный. Лучшими видами надобно признать без сомнения два: вид из двух угловых окон третьего этажа губернаторского дома и вид из сада, окружающего дом, принадлежавший когда-то бывшему генерал-губернатору Огареву, расположенный на самом краю Нижнего, вверх по Оке. Их Высочества посетили и этот сад 24 августа.

Красивого вида сделать нельзя: он родится с тою или другою местностью и присущ ей, как ее геологический характер. Наслаждение видом, как чувство вполне самостоятельное, насколько подсказывает история, родилось в человечестве сравнительно довольно поздно; оно сказалось ясно только с того времени, когда, в начале Возрождения, в Италии, певец Лауры, мечтательный Петрарка, стал восходить с этою целью на горы. В истории искусства пейзажная живопись, имеющая тот же источник, родилась гораздо позднее прочих, следом за Возрождением.

Те два вида, о которых мы упомянули, относятся, бесспорно, к самым блестящим, самым роскошным в России. Предпочтение следует отдать виду из губернаторского дома; хотя оба они очень похожи один на другой, но последний имеет то преимущество, что в нем участвуют два элемента, отсутствующие в огаревском: башни и стены кремля, находящиеся

Нижний Новгород. Вид со стрелки на ярмарку во время
весеннего разлива

ся на первом плане, и близость Волги с пристанями пароходных обществ и бесконечностью панорамы низовой стороны ее. Общее обоим видам: ярмарка, разделенная на прямоугольники с нумерованными линиями, занимающая почти прямой угол слияния Волги и Оки; бесконечное побережье Сибирской пристани, тянущейся вдоль Волги и Песков, расположенных по Оке, загруженных товарами, тюками всех сортов и величин, бочками, рассыпанными без числа, между которыми снуют тысячи людей, ломовики и городские экипажи, кажущиеся с высоты такими маленькими; общее обоим видам на этот людской муравейник — вереницы судов, маковки множества церквей и, наконец, эта необозримая даль лесов, лугов и полей, по которой поблескивают местами где Волга, где Ока, а где и невеликое озерко, даль, не имеющая границы, на тающих голубых тенях которой в хорошую погоду вырисовывается отстоящая отсюда за тридцать верст Балахна.

Значительная часть дня 23 августа посвящена была Их Высочествами посещению целого ряда благотворительных и воспитательных учреждений, которые раскрылись перед нами будто бы роскошным веером, одно вслед за другим. Посетив епископа Модеста и классическую гимназию, Их Высочества проследовали на освящение вновь построенного здания Нижегородского реального училища.

Это училище было открыто в 1877 году с двумя классами, теперь их семь, и всего окончило курс в VI и VII классах 56 учеников, из которых 24 поступили в высшие специальные учебные заведения. К 20 августа в нем состояло 182 ученика; на содержание училища в 1884 году издержано 25 300 рублей; участвуют в содержании: государственное казначейство, губернское земство и городское общество в равной части, и кроме того городское общество отпускает по 2000 рублей на содержание училищного дома. При училище библиотека с 6000 томов, естественноисторический кабинет и химический класс, состоящие из 1500 предметов и приборов; в физическом кабинете 381 прибор. Из числа стипендий десять имени Александра I и две Александра II. Новое здание, освященное в присутствии Их Высочеств местным архипастырем, построено роскошно, просторно, удобно. Со времени этого освящения прежнее имя училища должно уступить место другому: по испрошении Высочайшего соизволения, оно будет именоваться «Владимирским».

Мариинская женская гимназия открыта в 1859 году, и на содержание ее расходуется около 22 000 рублей; участвуют в этом: государственное казначейство, губернское и уездное земство и городское общество; самая крупная часть сборов, 8500 руб., составляется из платы за учение. Число учениц 412. В попечительном совете находятся представители учреждений, участвующих во взносах на содержание гимназии. К приезду Их Высочеств ученицы были все в сборе, и очень красиво было видеть всю эту массу девочек и девушек, глубоко приседавших при появлении Августейших Гостей молчаливым и красивым реверансом: это была как будто бы живая волна молодых, большею частью свежих головок. Их Высочества обошли все помещения.

Нижегородский Александровский детский приют существует с 1845 года, помещается в собственном доме и содержится на проценты с приютского капитала 100 000 рублей, доходы с Главного ярмарочного дома, членские взносы, взносы городской управы и единовременные пожертвования. «Александровским» называется он с 1885 года, со дня исполнившегося сорокалетия его существования. Мальчиков, живущих в приюте, 40; приходящих 85; первые обходятся

Нижний Новгород. Китайские ряды на ярмарке
во время наводнения

приюту по 90 рублей, вторые по 30. По достижении 12 лет, по выдержании экзамена, дети переводятся в состоящее при приюте ремесленное училище, существующее с 1878 года. Оно содержится на те же средства, что и приют; в нем 30 мальчиков, обучающихся мастерствам: портняжному, сапожному и переплетному, и содержание каждого из воспитанников обходится приюту до 100 рублей; курс пятилетний; годовой заработок в ремесленном училище по всем трем мастерским 4200 рублей, поступающих в общую сумму его расходов.

Нижегородский Мариинский институт благородных девиц основан дворянством в 1852 году, в ознаменование дня бракосочетания императора Александра II. В 1858 году помещен институт в то здание, в котором находится и которое построено опять-таки на средства нижегородского дворянства. В 1875 году он преобразован из закрытого трехклассного в семиклассный, с допущением полупансионеров и приходящих. В нем 260 девиц. Проценты с капиталов и сборы с учащихся дают институту до 53 000 руб. в год; недостающие на содержание его 6–9 тысяч рублей приплачивает управление учреждений императрицы Марии. С открытия института окончили курс 301 девица, из них с шифрами 26. Посещение института Их Высочествами ознаменова-

лось раздачей Ее Высочеством наград за прошлый учебный год. Одна за другою подходили к Великой Княгине девицы и девочки и вслед за глубоким поклоном принимали из рук Ее Высочества присужденную награду. Розданы были: 1 шифр, 1 золотая медаль, 2 серебряные и 26 книг. Выпущено в нынешнем году 28 девиц. Моложе десятилетних в институте нет. По окончании акта Их Высочества посетили начальницу института и отбыли, спускаясь по лестнице между непрерывных шпалер девиц и девочек.

Посещенное вслед за тем Мариинское родовспомогательное заведение с сиропитательным отделением открыто в 1869 году в память посещения наследником цесаревичем Александром Александровичем и цесаревной Марией Феодоровной, ныне царствующими Государем Императором и Государыней Императрицей. Здание, в котором оно помещается, сооружено городом и освящено в 1882 году. Сиропитательное заведение открыто в 1878 году. В прошлом 1884 году в заведениях было: в родовспомогательном 181 роженица, в сиропитательном 31 питомец. Содержится заведение на городские средства; кроватей в заведении 25, из них только три для платящих. Приют назначен для родившихся и осиротевших в родовспомогательном заведении младенцев; в нем содержат их до десятилетнего возраста, а затем определяют в учебные заведения. Стоимость содержания заведения и приюта около 8000 рублей в год. Тут же находится Александровская бесплатная лечебница для приходящих, учрежденная в память 25-летия царствования императора Александра II. Число больных ежедневно от 30 до 50; лекарства бесплатны. С особенною заботливостью и сердечною приветливостью обходила Ее Высочество рожениц и ко многим из них обращалась с милостивым словом. Не забывала Великая Княгиня ласками своими и малюток, которые, как бы сговорившись, были во время посещения чрезвычайно тихи и скромны.

Нижегородский второй детский приют, с Высочайшего соизволения, будет называться отныне «Мариинским», именем посетившей его Великой Княгини. Он существует с 1852 года, помещен в зданиях, ему принадлежащих, и содержится на проценты с приютского капитала

Нижний Новгород. Благовещенский монастырь

100 000 руб., доходы с Главного ярмарочного дома, членские взносы, средства, отпускаемые городской управой, и единовременные пожертвования. Девочек в приюте 155; приходящие платят по 30 рублей, живущие в нем 105 девочек — по 90 рублей. При приюте существует мастерская для обучения рукоделиям.

Последним был посещен Нижегородский дворянский институт императора Александра II, основанный в 1884 году, в память приезда в 1837 году в Нижний наследника цесаревича Александра Николаевича, впоследствии императора Александра II. Институт имеет широкою целью доставить воспитывающемуся в нем юношеству всех состояний, без различия звания и вероисповедания, кроме нехристиан, общее образование и служит пригласительным заведением для поступления в университеты и другие высшие заведения. Институт этот классический, восьмиклассный, и при нем существует пансион. Он содержится за счет сумм Нижегородского дворянского банка, до 43 000 рублей ежегодно, из процентов небольших капиталов и платы с пансионеров. Воспитанников в нем 250 человек.

При всех посещениях длинного ряда перечисленных учреждений Их Высочества внимательно обходили здания,

выслушивали объяснения сопровождавшего их начальствующего персонала, милостиво разговаривали с воспитанниками, воспитанницами и больными. В учебных заведениях раздавалось пение народного гимна и «Славься», двери и стены пестрели вензелями и гирляндами.

23 августа завершилось празднеством в Караван-Сарае, 24-е — обзором выставки при электрическом освещении и ужином, предложенным членами комитета и экспонентами выставки. В Караван-Сарае устроен был роскошный павильон, весь обложенный и обвешанный персидскими дорогими коврами, стоимостью приблизительно до 100 000 рублей. Устройством праздника руководил персидский генеральный консул Мир-Джафар-хан; при электрическом освещении усовершенствованными электрическими лампами персидские ковры стен, потолка и пола отливали глубоко мягкими, бархатными цветами; особенно хорош был углубленный альков с портретами Их Высочеств, весь в цветах. Ужин состоял из персидских блюд: гаржари-плов, бера-бериаш, куки, мураба, очень характерных, любопытных, но не на европейский вкус. Во время ужина пели и плясали цыгане. Ужин 24 августа, напротив того, был чисто русский, и приготовление отдельных блюд его приняли на себя главные рестораторы ярмарки: Барбатенко, Ермолаев, Егоров.

Ярмарка нынешнего 1885 года должна быть отнесена к числу посредственных по количеству дел. Вот некоторые любопытные цифры, ее касающиеся. С начала навигации по 21 августа грузилось и отправилось:

Пароходов	1037
Барж	438
Прочих судов	935
<i>Итого</i>	<i>2410</i>

Пришло и разгрузилось:

Пароходов	807
Барж	783
Прочих судов	1695
<i>Итого</i>	<i>3285</i>

Нижний Новгород. Вид ярмарки и реки Оки
с Александро-Невской улицы

Объявленная стоимость товаров достигала 30 953 000 рублей; в прошлом, 1884 году — 30 729 000 рублей; так замечательно близки обе приведенные цифры!

Полицейских чинов на ярмарке было 394; из них петербургских и московских по 73 человека. Тут же находился батальон Новоингерманландского полка и сотня казаков. Этими силами поддерживался вполне удовлетворительный порядок.

Во все дни пребывания Их Высочеств город был богато иллюминирован. Глубокая темень покрывала в ночи спавшую ярмарку, зато нагорный берег сиял огнями. Особенно красиво выдавались в глубоком мраке многочисленные нижегородские спуски, сбегаящие зигзагами: словно застывшие молнии, бежали огни с вершин к Нижнему Базару. На вершинах этих именно гор в незапамятные времена жил друг и помощник Соловья-Разбойника — Мордвин Скворец, и тут же жил чародей Дятел, схороненный близ нынешнего Благовещенского монастыря, на который надвигаются несущие от этого легендарного чародея имя свое Дятловы горы.

Если одною из ближайших целей прибытия Их Высочеств на ярмарку было ознакомление Великого Князя с ее нуждами, то одна из великих нужд, не только ярмарки, но всероссийская нужда, бросалась сама собою в глаза в гро-

мадных отмелях Волги, лежавших тяжелыми, хотя и розовыми пластами, по всей ее ширине и длине. Кому случалось видеть нашу великую реку прежде, тот не мог не сознаться, что такого обмеления, такой тигристости не бывало никогда. Вода 21 августа истекшего года была на три вершка ниже уровня 21 августа 1882 года, а этого совсем достаточно, чтобы характеризовать положение дела. Пески продвинулись на таких местах, на которых искони веков бежала вода, и с вышины кремля виднелись они всюду, во всю бесконечную даль. Капитальных работ для улучшения Волги не производится; для расчистки фарватера имеются только временно полезные приспособления: подвижные плотины Янковского, землечерпательные машины, базеновские аппараты и грабли Быкова. Необходимо регулировать матушку-Волгу, прекратить возможность размывания берегов и их обвалы устройством в необходимых местах дамб. Очень сочувственно отнеслось наше купечество к мере, разрешенной Министерством путей сообщения, чтобы дамбы строились из старых, затопленных судов; временная мера эта не пропадет бесследно и в том случае, если решено будет перейти к системе капитальных улучшений. До того следует во всяком случае — и надо прибавить, что этому вполне сочувствует крупное купечество, — сделать надзор за плаванием более внушительным. Неправильно веденное, остановившееся поперек фарватера судно тотчас же обуславливает занос: обычный порядок обращения к мировому судье, когда навигация кипит и по реке двигаются миллионы, едва ли удовлетворителен; практичнее было бы административное наложение штрафов. Стоит взять в руки список перекатов Волги, составленный в ведомстве путей сообщения, чтоб ужаснуться их количеству; чудесными розовыми иллюстрациями к нему являются те пески, которые проступили массами в нынешнем году и могут проступить еще в большем количестве в будущем.

Другая существенная нужда, представшая Великому Князю, это горячий вопрос о китайских и среднеазиатских рынках. Фабрики у нас есть; они работают удивительно, они громадны; им необходимо не только обеспечение, но и регулирование сбыта. При этом не следует ни в каком случае

упускать из виду той глубокой связи, которая существует между всеми отраслями торговли. Например, связь между чайною и мануфактурною торговлей в Кяхте так сильна, что какое-либо распоряжение, касающееся одной из них, неминуемо касается другой, не говоря уже о всем местном населении, живущем на длинных путях этой торговли. Возчики до Кяхты зарабатывают ежегодно до двух миллионов рублей; они везут в Россию чай, из России — мануфактурные товары. Путь от Кяхты на Иркутск, Томск, Тюмень, Екатеринбург, Пермь считает в числе заинтересованных не только возчиков, но также многие пароходные и железнодорожные общества, и все то, что с ними так или иначе связано.

До сих пор, насколько помнится, устройство караванов принимали на себя исключительно торговые люди; тут, конечно, не могло быть единства, и правительственное воспомощество сказывалось только в общих чертах. Регулирование этого важного дела, упорядочение кровообращения между рынком и производителем со всего азиатского востока на весь русский запад — потому что относительно Азии Россия запад — подлежало бы давно не только обсуждению, но и приведению в исполнение. 23 августа, вечером, в Колонной зале Главного дома состоялась «беседа» главным образом по этому вопросу, не отклонявшая и других. Председательское место занял Его Высочество, подле него Великая Княгиня, по сторонам — начальник губернии, председатель ярмарочного биржевого комитета и члены его. Против этого стола, обратясь к нему лицом, сидели представители нашего торгового и фабричного мира, представители многомиллионных капиталов, великой выдержки и знания дела, люди, имена которых пользуются самою громкою известностью, которые дают заработки не одному миллиону народа, богадельни и больницы которых ублажают и облегчают во имя Христа не один десяток тысяч нуждающихся. Откровенно говоря, впечатление этой «беседы», того, что говорилось, того, что желалось, было замечательно. По открытии заседания говорил первым Тимофей Морозов, говорил о китайской торговле и организации экспедиции; следовали рефераты: П. Шайкина — о чайной торговле вообще, Н. Кудрина — о среднеазиатской торговле, М. Шипова — о выгоде водных путей

и улучшении в особенности Волги, В. Аксенова — о Министерстве торговли, промышленности и земледелия, А. Морозкина — об изменении некоторых статей Питейного устава. С глубоким вниманием выслушивались все эти доклады. Не пропало ни одного слова из того, что сказано было Великим Князем в заключение. Его Высочество говорил очень сжато, ясно и громко. Из слов Великого Князя явствовало, что существенный вопрос «беседы» — урегулирование караванной торговли с Китаем — вопрос насущный; что необходимо придать тому, что было до сих пор случайно, правильность часового механизма, что необходимо всестороннее обсуждение вызываемых этим делом соображений; что купечеству, а не кому другому, предстоит это обсуждение и выбор лиц или лица, которому предоставлено будет руководить исполнением, и что Его Высочество не отказывает в своем высоком покровительстве. Глубокая благодарность купечества была тут же выражена председателем ярмарочного биржевого комитета от лица всех.

Последний день пребывания Их Высочеств в Нижнем, 25 августа, был днем закрытия ярмарки, совершившегося на этот раз особенно торжественно, потому что Августейшие Гости Нижнего приняли участие в крестном ходе от ярмарочного собора к Макарьевской часовне и присутствовали при богослужениях. Погода хмурилась, но не раздражалась дождем, и десятки тысяч людей с непокрытыми головами, осенявшиеся крестным знамением, в великом порядке и с подобавшим благочестием, стояли шпалерами или шли за длинною вереницей образов и хоругвей, собранных от многих церквей нижегородских. Когда спущен был флаг, представители ярмарочного купечества собрались в Колонной зале Главного дома для принесения Их Высочествам благодарности за посещение ярмарки и внимание, ими оказанное, к нуждам торговли. Их Высочества милостиво разговаривали со многими из представителей.

Ровно в полдень все любопытствовавшее, подвижное, пестрое население города и ярмарки столпилось вдоль многоярусных откосов кремлевской горы, подле пристани Общества «Кавказ и Меркурий». Громадный пароход «Иоанн Грозный» стоял под парами, весь расцвеченный

флагами и гирляндами, обрисовывавшимися очень красиво по белым очертаниям парохода-монстра. Предстояла поездка по Волге до Телячьего Брода верст 15 в один конец и завтрак на пароходе, предложенный Их Высочествам от пароходовладельцев. Согласно предположениям, это должна была быть вторая поездка, так как первая проектировалась накануне в Балахну, в один из виднейших центров кустарного производства, но она не состоялась вследствие невозможной погоды и обусловила присылку депутации от балахинцев, принятой Их Высочествами. Поездка к Телячьему Броду состоялась и была вполне роскошна.

На корме, в соседстве того стола, за которым помещались Их Высочества, в роскошнейших нарядах разместились певицы хора Барбатенки. Хоры, музыка, как известно, необходимая, безусловная принадлежность Нижегородской ярмарки да и вообще русской застольной беседы. Так было это еще во времена витязей и гридней; так это делается и сегодня. Эта потребность музыки, вызвавшая по России целый ряд музыкальных школ, композиторов, идущая в глубь любой деревни, выражающаяся в присутствии органов в самомалейших трактирах, всегда находила и находит широкое применение на Нижегородской ярмарке. Тысячами можно считать здесь всяких производителей музыки. Сказания о бывших помещичьих хорах находят подражателей и в наши дни, в другой форме, конечно. На «Иоанне Грозном» раздавались голоса хора от Барбатенки, несомненно, не лишенного достоинств, но нам довелось слышать дважды удивительный хор одного из богатых граждан Нижнего, В. М. Рукавишникова. Содержание хора этого обходится, говорят, в год до 40 000 рублей, и если избыток средств находит себе такое прекрасное, истиннохудожественное помещение, то этому можно только радоваться. Хор этот поет по воскресеньям в Троицкой церкви, и она бывает полна; говорят также, что, кроме этой церкви, хора Рукавишникова не услышите вы нигде, как только у хозяина. Приезд Их Высочеств обусловил отступление от принятого правила, и мы слышали его два раза. Это удивительный хор, с огромным репертуаром духовного и оперного пения, хор, мастерски воспроизводящий и всякую русскую песню.

Едва только двинулся «Иоанн Грозный» под грохот великого «ура», раскатывавшегося с откосов, как раздалась на корме заветная песня «Вниз по матушке по Волге». Мы шли действительно вниз по Волге, между двух декораций обоих берегов, вдоль пароходов, барж, расшив, полных любопытствовавшего народа. По голубому небу вырезывались двигавшиеся очертания Нижегородского кремля, а внизу, подле зеленевшего берега, вытягивались лентой пристани пароходных обществ: «Кавказа и Меркурия», «Самолета», Любимова, Каменского, Булычева и др. Пароход наш сопровождала «Цесаревна Мария», отходившая в Астрахань. По соблюдении установленных правил, имя «Иоанна Грозного», имя нашего парохода, исчезнет и заменится именем «Великий Князь Владимир»; другой волжский пароход, «Нижегородец», будет назван именем «Великая Княгиня Мария»; это имя присвоено будет отныне и лучшему пароходу общества «Самолет». Вслед за сопровождавшею нас «Цесаревной Марией» шли еще четыре парохода четырех обществ, задержавшие час отхода для сопутствия Их Высочествам. Роскошная флотилия наша, от поры до времени посвистывая на разные тоны, двигалась небольшим ходом, для того, чтобы красота берегов могла запечатлеться с большею ясностью в памяти и не улетучивалась слишком быстро. По пути к Телячьему Броду видели мы за работой для расчистки фарватера грабли Быкова и землечерпательные машины, проезжали мимо подвижных плотин, ловко минуя обнаженные мелководьем пески, просовывавшиеся отовсюду к непомерно сузившемуся фарватеру. Глядя на эту узкую полоску воды нашей великой Волги, заявления, имевшие место в «беседе» 23 августа, иллюстрировались самым наглядным образом.

Пока двигался пароход и, подойдя к Телячьему Броду, остановился, чтобы пропустить мимо себя своих четырех конвоиров, направлявшихся к далекой Астрахани, на корме раздавались одна лучше другой наши русские песни, не без примеси романса, однако. День был почти совершенно ясный, и мы тянулись вдоль колоссальной декорации волжских берегов; женщины хора, в бархатных сарафанах, массивно шитых золотом, в богатых кокошниках, длинных

серьгах и многоярусных ожерельях, составляли тоже своеобразную, красивую, но небольшую декорацию, совершенно подходившую к цветистой, раскатистой песне. И как хороша, как задушевна была эта песня, раздававшаяся над великою путиною Русской земли, путиною, полною жизни, движения и отягченною неисчислимыми караванами богатств, шествующих к ней и по ней, отовсюду.

Возвратились Их Высочества в Нижний к 3 часам и последовали прямо в выставочный павильон, где имела место раздача наград, присужденных экспонентам. В 7 ½ часов вечера состоялся в Колонной зале Главного дома обед, данный Их Высочествами представителям дамского, административного, торгового и городского обществ, причем в конце обеда, подняв бокал, Великий Князь сказал слово благодарности за прием, оказанный ему и Великой Княгине. Как во время обеда, так и по окончании его Рукавишниковский хор, чередуясь с военным оркестром музыки, исполнил хорошую, разнообразную программу; после обеда Их Высочества милостиво разговаривали со многими из приглашенных ими гостей.

Отъезд назначен был в тот же вечер. Глубокая темень лежала над ярмаркой и Нижним, когда, по пути к вокзалу сквозь огненную дорожку ярко пылавших бесчисленных факелов, трепет которых и опадавшие искры заставляли опасаться за спокойствие экипажных лошадей, Их Высочества прибыли на железную дорогу, где ожидали их городские дамы и представители властей и общества. В который уже раз засвидетельствована была Великому Князю глубокая благодарность купечества за его теплое внимание к нуждам отечественной торговли и промышленности. Купечество видело в его лице, как справедливо сказал преосвященный Модест в приветственной речи своей в день приезда, оно «видело в его лице благочестивейшего нашего Государя, видело его царское к городу и торжищу благоволение».

Их Высочества отбыли с экстренным поездом по пути на Москву, но прибытие в нашу первопрестольную и дальнейшее следование к Петербургу должны были испытать задержку. Дело в том, что Его Высочество уже по приезде в Нижний узнал, что дворяне и представители других сословий Владимирской губер-

нии рассчитывали представиться ему по пути сюда на вокзале во Владимире. Поезд проходил ночью, и представление не состоялось. Из Нижнего Великий Князь приказал передать в г. Владимир свою благодарность за оказанное ему внимание, на что управляющий губернией ходатайствовал о посещении города на обратном пути и принятии от местного городского общества завтрака на вокзале железной дороги. Последовало согласие Их Высочеств, и этим обусловилась возможность посетить Владимир и в нем одну из святых святынь Русской земли — Владимирский собор.

Несомненно, что далеко по России пойдет из Нижнего весть о пребывании там брата Государева; много вызовет она начинаний, но две существенные черты отмечены уже и теперь с полною яркостью: внимание к кустарному делу и урегулирование торговли с Китаем. Та и другая чрезвычайно важны, и обращение к ним совершенно своевременно. Хотя торгово-промышленный интерес ярмарки постоянно задвигал собою собственно город Нижний, но Их Высочества видели многое и там; они посетили войска, посетили ряд педагогических и благотворительных учреждений. Его Высочество не мог не заметить того внимания, с которым городское управление относится к нуждам полевых и местных войск. Без великой речистости, но с полным сознанием долга делется то, что нужно, и значительная скромность не укрыла от взгляда Великого Князя полезного значения того, что делается. Вообще говоря, и это глубоко отрадно, на Нижегородской ярмарке было много цельных, прочных русских людей; уметь заметить этих скромных, бесшумно работающих — половина сделанного дела.

Владимир

Историческое о городе и храмах. Прибытие Их Высочеств. Посещение собора. Хозяйничанье с древностью в прошлом веке. Фрески. Реставрации последних лет. Неожиданные открытия. Могильные ниши. «Комары». Усыпальницы Великих Князей и Святителей. Огненная жертва 1237 года. Великая княгиня Агафья и ее семья. Епископ Митрофан. Келарь священник Патрикий. Торжество 3 ноября 1884 года. Легенды. Общее впечатление. Отъезд.

Цельнее, чем где в России, кроме одного только Киева, путешествующий окружается целым миром внушительнейших воспоминаний, не только преданиями и легендами, а правдой бытописания, именно во Владимире. Относительно него даже Москва — и та юница. Семьсот двадцать семь лет тому назад, в 1158 году, повествует летописец, Святой Благоверный Князь Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, поставил соборный храм Успения. Так высится он и поныне, с тою только разницей, что 27 лет спустя после его построения, вследствие пожара, Всеволод Георгиевич, тогда уже не князь, а Великий Князь, распространил храм, раздвинул его стены, устроив в прежних арки для выхода в пристройки, так что Андреево построение находится, так сказать, в одеянии построения Всеволодова; он же прибавил к одному луковицеобразному золоченому куполу еще четыре незолоченные, и так и красуются они поныне в своей исторической пестроте. Много ли во всей Европе однолетков Владимирского собора, много ли сохранившихся целостно настолько, как он? Кроме того тут почивают целые ряды мучеников великокняжеских и духовных; кроме того здесь совершилась великая драма гибели великой княгини Агафьи, одна из богатейших картин нашей истории, никогда и нигде, если не ошибаемся, не воспроизведенная нашими художниками.

26 августа, в памятный день Бородинской кровавой битвы, утром, поезд Их Высочеств остановился у Владимирского вокзала, от которого вид на высокий кремль, на его стены и церкви очень красив. Погода была не особенно хороша; как

везде — толпы народа, клики, гирлянды. На перроне выставлен был почетный караул, рота со знаменем от 11-го Псковского полка. После представления начальствующих лиц, находившихся на правом фланге, Его Высочество обошел ряды. Следовало представление Их Высочествам местных властей, дворян и представителей сословий. В город, по довольно крутому подъему, между шпалер Псковского пехотного и Нарвского драгунского полков, Их Высочества проследовали прямо в собор, где высокопреосвященный Феогност совершил соборное краткое богослужение. Их Высочества, Великий Князь и Великая Княгиня, приложившись ко кресту и окропленные святою водой, направились поклониться мощам великих князей Андрея, Георгия и Глеба, почивающих в богатых раках. Массивные крыши их были подняты, и очертания почивающих святых виделись совершенно ясно. Преосвященный приподнял лежащую на груди Глеба Андреевича руку. Когда много лет назад император Павел посетил собор с великими князьями Александром Павловичем и Константином Павловичем, то тоже приподнимал эту руку и, подозвав Великих Князей, сказал им: «Поглядите, ручки князя как живого». При посещении собора императором Николаем было сделано то же самое.

Вслед за поклонением мощам последовал продолжительный, внимательный, полный высокого интереса обход собора. Владимирский епархиальный владыка давал необходимые объяснения.

Впечатление, производимое собором, удивительно цельно и величественно. Цельность была бы полною, если бы не высокий, чуть ли не шестиярусный резной, золоченый иконостас в итальянском вкусе, с италианизированными образами. В семидесятых годах прошлого века, после посещения собора Екатериною II, и на средства, ею данные, два епископа, Павел и Иероним, отступили от прямого смысла рескрипта Императрицы, «рекомендовавшей» древность сего здания сохранить и поддержать наилучшим образом. Все, что было сделано ими, сделано в стиле, не имеющем ничего общего с нашим, русским; таков именно иконостас. Но было нечто и хуже этого: многие оклады и венцы с древних образов и многие предметы ризницы пошли на сплав, и получено

5 ½ пудов серебра, из которого сделаны лампы и потир. Какова должна была быть художественно-историческая ценность погибших вещей! Того же глубоко прискорбного приема, практикуемого, к позору нашему, и теперь во многих местах России, придержались и в 1810 году, когда снесли поврежденную молнией в 1806 году древнюю колокольню и построили новую, имеющую претензию на готические мотивы. Все это звучит глубокою фальшью, и если бы не значение и объемистость всей действительной древности собора, в которой эти художественные неурядицы как бы тонут, то мы утратили бы безвозвратно один из роскошнейших памятников домосковской России.

Все пять куполов и многие окна в стенах обильно заливают собор светом. Древняя живопись тоже очень светла по своему тону. Если вспомнить невеликое количество света, отличающее наши московские и киевские соборы, темноту их ликов и мрак, залегающие по вершинам сводов, то нетрудно прийти к заключению, что наша древнейшая домосковская архитектура и живопись были гораздо ближе к своему византийскому источнику — к обилию света и простора.

Собор весь сияет древними ликами, и не только одиночными, но изображениями целых сцен Святого Писания. Еще в 1859 году академик Солнцев нашел под известью и штукатуркой остатки фресковых изображений XII века. Когда в 1882 году преосвященный Феогност, самолично обведивший Их Высочества по собору, задумал его обновление и воссоздание, приступлено было к подробным розыскам древней живописи. Находки на стенах храма, под штукатуркой за иконостасом, были поразительны, как по количеству, так и по свежести того, что сохранилось, и вызванные сюда члены Московского археологического общества не замедлили признать в них стенопись XII века, времен великого князя Андрея Боголюбского, живопись самого чистейшего византийского пошиба. Летопись сообщает, что собор был расписан в 1161 году; в 1408 году великий князь Василий Дмитриевич повелел дополнить это расписание русским художникам Иконину и Рублеву, и этим внесен в собор второй существенный вклад других людей, другого древне-

го времени. Начавшаяся с 1882 года реставрация производилась под наблюдением особой комиссии, под председательством такого авторитетного лица, как господин Забелин; восстановление самой живописи поручено было иконописцу села Палеха, Вязниковского уезда, Сафонову.

Пока шли эти работы, случай открывал один за другим памятники еще более высокого значения, сваянные временем и засоренные мусором, а именно целый ряд гробниц великокняжеских, княжеских и высших деятелей духовенства. В настоящее время, если вы стоите посредине собора, вы находитесь в целом кольце могил, каменных гробов, взирающих на вас из-под надписей своих; большинство этих гробов расположено в небольших нишах — «комарах», устроенных, вероятно, великим князем Всеволодом при расширении храма, указавшим, где, как и кого погребать, и перенесшим многих из почивших сюда в новые их усыпальницы. Если, как сказано, светла была древняя русская живопись, светлы были и соборы, то под стать им и впечатление этих простых каменных белых гробниц; мысль о смерти, хотя вы в полном смысле слова окружены смертью, от вас чрезвычайно далека, и вы сознаете, что почившие не умерли, а только переселились.

Печален был вид этих могил до их восстановления; многие были совсем заделаны, другие разбились; в отверстия навалился мусор и щебень, и пришлось выбирать их оттуда, освобождая кости усопших; на некоторых из княжеских мощей, увидевших вторично на краткий срок свет Божий, при перемене на гробницах их камней видны были одежды, ткани, обувь, некоторые полуистлевшие предметы, даже пучочек красной вербы с сохранившимися беленькими росточками. Освобождены были и гробницы Святителей, и при совершении заупокойных литий бранные останки их одеты новыми пеленами. Прототипом для восстановления всех комаров послужила гробница епископа Луки, сохранившаяся вполне, так как она была заложена наглухо в очень давнее время: это белокаменный гроб о двух скатах крыши под невысокою полукруглою арочкой в стене; такие гробы глядят на вас отовсюду, словно белые очи из-под полукруглой арки и надписи, означающей темною бровью.

Владимир. Вид на Успенский и Дмитровский соборы

Мрачности в этом царстве смерти нет никакой. Да и откуда взяться ей, этой мрачности, когда перед вами всплывают одни за другими такие внушительные, полные блеска воспоминания, как огненная жертва великокняжеской семьи 1237 года? Вот она.

Татары исполосовали Россию. Многострадальнее всех был именно Владимир, потому что в те дни это был город великокняжеский, первопрестольный город, почти первый по пути татар, город устроенный, богатый, с храмами, полными сокровищ, «яко тогда знаменитейший и столичный великих князей град», где восходили они на княжение (преимущество, перенесенное впоследствии в Москву). Собор был так богат, что паникадилам и сосудам золотым и серебряным не было числа; без числа были и порты, шитые золотом и жемчугом; по словам летописи, «яже вешали на праздник в две верви, от Золотых Ворот до владычных сений, в две же верви чюдных».

Поручив защиту Владимира двум сыновьям своим и покинув семью, благоверный князь Георгий с племян-

никами стал станом на берегах реки Сити, собирая войско против татар. Батый тем временем взял Владимир и пожег и порубил его. Нетронутым оставался только собор. Тяжелые двери его были заперты, и долго должны были ломиться в них татары. Весь помост собора был полон людьми, запершимися в нем, пред образом Владимирской Божией Матери, тогда еще не перенесенным в Москву (святая икона эта была писана самим евангелистом Лукой и перенесена в Москву только в 1395 году: на месте ее имеется теперь точная, старинная копия). Виднелись тут, на помосте, бояре и боярыни, народ, старцы и дети, и много их было, и все молились под страшные звуки ломившихся в двери татар. А наверху, на восточных палатах, пребывала великая княгиня Агафья со своею дочерью, снохами и внучатами, большая великокняжеская семья, в трех поколениях, окруженная боярскими женами. Тут же находился епископ Митрофан. Под неустанный грохот в дверях соборных, под стенания коленопреклоненной на помосте церковной толпы, облакал Святитель великокняжескую семью в монашеский образ, в схиму, и приобщал Святых Таин.

Когда двери соборные уступили наконец усилиям татар и все, находившееся на помосте церковном, было посечено и истерзано, а сокровища разграблены, заметили татары и великокняжескую семью, находившуюся высоко, на палатах. К ним вел потайной ход; там, думалось татарам, имеются главные сокровища. Ласки и угрозы не открывали им хода наверх. Тогда натаскан был в храм хворост и зажжен, и все погибло в пламени, все — кроме иконы Божией Матери... На берегах Сити тем временем сложил свою венчанную голову и великий князь Георгий.

Духовное, невидимое присутствие этой огненной жертвы ясно сознавалось нами в живом рассказе преосвященного Феоноста, обводившего Их Высочества по собору и указывавшего место палат. В белых комарах почивали кругом вещественные доказательства былого — многострадальные мощи.

И много, много было таких страданий во Владимирском соборе. Вот еще одно. В 1485 году, уже на самом исхо-

де татарского ига, Владимир был взят ордынским царевичем Талычем; нижегородский боярин, изменник Карамышев, тайно провел их окрестными лесами. В городе, по словам летописи, не было даже наместника, и он был взят и разграблен. Соборному ключарю, священнику Патрикию, поручены были сокровища храма; он скрыл их, и не узнали татары, где они, несмотря на то что палили священника огнем, забивали ему под ногти спицы, сдирали кожу и, продев насквозь его веревку, влачили, привязав к конскому хвосту, по городу. Замучен был Патрикий, но не выдал достояния церковного; тело его поживает на границе Рязанской и Владимирской губерний, на озере Святи. Как не перенести его в собор? — ведь это его достояние! Кажется, что это следовало бы сделать непременно.

Сколько видел собор Владимирский венчаний на великое княжение! Сколько раз оглашался он звуками свадебных и похоронных песен духовных! Еще недавно, в 1884 году, видел собор одну из чрезвычайно редких, высокохудожественных служб церковных. Когда окончено было возобновление его, то мощи трех святых великих князей, Георгия, Андрея и Глеба, перенесенные на два с половиною года в Георгиевский собор, возвращались в свое заветное обиталище. Это было 3 ноября. В глубокую зиму веяло тогда над Владимиром вечною весной православия, когда, покачиваясь на плечах тех людей, между которыми, нет сомнения, в тяжелую годину могут проявиться и проявятся отцы Патрикии, богатые раки святых, одна за другою, втянулись в собор и заняли свои места. Налево от входа между столбов поживает Андрей Боголюбский; направо против него — Георгий; подле алтаря с правой стороны — Глеб.

И как спокойно светел, как одухотворен воссозданный собор. А ведь было же это когда-то, и не раз, что среди него, опустевшего и ограбленного, птицы вили свои гнезда и гулял ветер. Таким был он еще в начале XVIII века, ко времени открытия мощей Андрея и Глеба. Теперь это одна из внушительнейших святынь земли Русской. Нужны не дни, а недели, чтобы подробно ознакомиться с собором, с его вещественными сокровищами, с его историческим и легендарным богатством. Как красиво предание о том, что

при Иоанне Васильевиче, во время нашествия Девлет-Гирея, благоверные князья поднимались из гробов своих и уносились на брань на снеговидных конях. Очень любопытны стихи на гробницах княжеских; те, что читаются над Георгием и Андреем, согласно преданию, сочинены императрицей Екатериной II; над гробницей епископа Платона, умершего в 1757 году, читается очень длинное стихотворение и — что очень редко, пример едва ли не единственный, — акrostих очень хитростного сложения, первые буквы строк которого, попеременно чрез строку, изображают слова: «преосвященный епископ Платон». Как умирительно хорошо письмо этого Платона императрице Елизавете Петровне, писанное в 1753 году, о «переоблечении» мощей великокняжеских в новые одеяния, в «белые пристойные хитоны», в великокняжеские порфиры парчовые, обшитые вместо горноста «подобным бархатом»; как под святые главы мощей положены были три золотого глазета подушки; «да на главы же и лица их, свято почивающие, сделаны из белого шелкового флиору три капи: на нетленные же руце с таково же флиору також и на нос сделаны пристойные кап турки». Мы видели эти «флиоры капи» и «кап турки» и приложились к бережно одетым мощам. Прежние одеяния их, темные лоскуты, разложенные по белому полотну, были тоже представлены Их Высочествам. К этому времени яркие лучи осеннего солнца, осилив непогоду, глянули во всю силу свою сквозь многие окна стен и куполов, и ветхий деньми собор, играя всеми красками живописи, всеми оглавиями бесчисленных ликов и матовыми отблесками беломраморных гробниц, благолепно окружал нас и нависал над нами в молчаливом, но сознательном величии.

Следует сказать, что возобновленному собору посчастливилось и тем, что в среде его духовенства нашелся и хороший описатель — это протоиерей Виноградов; благодаря ясному и мастерским указаниям его, в «Истории Владимирского кафедрального собора» можно легко разобраться с тем обильным историческим и археологическим материалом, который присущ собору. Если бы все наши главные святыни обладали такими описателями, путешествующий был бы счастлив и вразумлен.

Заметим в заключение, что день приема Их Высочеств, 26 августа, совпал со днем празднества одной из двух священных икон собора.

После окончания осмотра собора Их Высочества посетили начальную ремесленную школу, находящуюся под покровительством Государыни Императрицы, земскую гимназию, дом дворянства и находящееся в нем дворянское училище. Зал дворянского дома в два света очень хорош. Портрет Государя Императора окружен бронзовыми гербами уездов Владимирской губернии; некоторые из них типичны: на Ковровском гербе — векша грызет орешки; в гербе Шуйского уезда виден правильный параллелепипед, и на нем буквы Ш. М., что означает «шуйское мыло».

Ровно в час пополудни, после завтрака на вокзале, Их Высочества направились дальше к Москве, причем была сделана еще одна непродолжительная остановка в Павлове, согласно просьбе местных жителей, заявленной еще в Нижнем. Павлово — это тоже один из центров кустарей, и просьба их об остановке была вполне естественна. Народу было столько, что трудно было двинуть поезд; мальчишки, не находившие себе места в плотной толпе взрослых, то и дело шмыгали под вагонами.

27-го утром Их Высочества высадились в Колпине. Великая Княгиня направилась в Царское Село, а Великий Князь проследовал немедленно в Усть-Ижорский саперный лагерь.

Усть-Ижорский лагерь

Возникновение лагеря. Прибытие Великого Князя. Взрывы горнов. Огонь боевыми зарядами. Работы по инженерной атаке. Крепостной маневр. Искусственные препятствия. Наводка моста. Подводные мины. Каменометы. Отъезд в Царское Село.

То место, на котором теперь на берегу Невы, в 25 верстах от Петербурга, раскинут Усть-Ижорский саперный лагерь, представляло восемнадцать лет тому назад пустырь с чахлою травкою, влачившею свое жалкое существование между бесчисленных ям, из которых на соседние кирпичные заводы вынуты были массы глины и песку. Значительная часть этого песка, преобразившись в кирпичи, пошла на постройки в Петербурге, на новые дома и надбавки этажей, которые за последнее двадцатилетие сделали многие улицы столицы неузнаваемыми. Место это принадлежало графу Шувалову и только очень недавно уступлено в собственность военному ведомству. Когда решено было перевести саперный лагерь из Петергофа, с Бабьих Гон, где он издавна находился, выбрано было под новый лагерь именно это место, представлявшее много удобств для артиллерийской стрельбы и саперных работ.

Семнадцать лет стоят тут саперы, и места этого не узнать, как не узнать окрестностей Красного Села и Дудергофа. Между правильно разбитых садилов и насаженных аллей белеют постоянные барачные постройки, а на летнее время разбиваются палатки. Утром видны тут молчаливые саперные работы и слышится могучая пальба артиллерийских орудий и взрывы, а вечером — наша беззаветная солдатская песня. Барабан призывает на молитву утром, призывает вечером, и все это с такою же точностью, с какою восходит и заходит солнце.

Особенно характерно подъезжать к лагерю не от Невы, на берегу которой он раскинут, но с которой не виден, а от Колпинской станции железной дороги, т. е. именно тем путем, которым проследовал Великий Князь Главнокомандующий утром 27 августа. Здесь вправо от дороги поднимаются разные крепостные и полевые укрепления, а влево, подле самого лагеря, будто красивенькие игрушки, но в натуральную величину, теснясь одни к другим, виднеются бесчисленные и разнообразные, всевозможные военные работы сапер: бараки, избы, мосты, печки, сапы, изгороди, плетни, траншеи, блиндажи и многое другое. Правильность этих работ может поспорить только с серьезностью того значения, которое могут они иметь в применении к военному времени. Сколько жизней поддержат и спасут они, сколько фатальных неприятностей нанесут неприятелю? А в чем же, как не в этом, значение саперного дела, которое за последнее время выдвигается вперед все более и более. Войска, как учит современная тактика, находятся в военное время только в трех положениях: в движении, в бою или на отдыхе, и во всех трех инженерное искусство является в качестве радателя о других родах войск, о своих собратьях. В этом служении братьям, не говоря о значении для неприятеля, сказывается, если можно так выразиться, особенная симпатичность военно-инженерного дела.

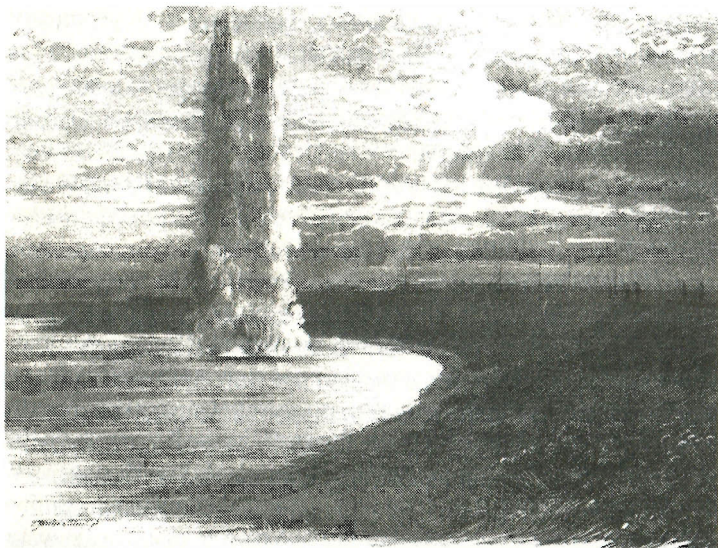
К приезду Великого Князя собраны были близ шоссе, ведущего из лагеря в Колпино, у артиллерийского полигона, три саперные батальона 1-й саперной бригады. Здесь же ожидали Его Высочество: начальник лагеря и командир лейб-гвардии саперного батальона флигель-адъютант полковник Случевский и другие начальствующие лица. Почетный караул, рота Его Величества лейб-гвардии саперного батальона со знаменем и хором музыки, поставлен был на самом шоссе. Выйдя из коляски, Августейший Главнокомандующий принял рапорт начальника лагеря, обошел почетный караул, а затем прошел вдоль фронта саперных батальонов, милостиво здороваясь с каждым из них отдельно. Обойдя батальоны, Его Высочество возвратился к почетному караулу, пропустил его церемониальным маршем, а затем подошел к выстроенному близ полигона взводу роты офицерской

стрелковой школы и тоже поздоровался с ним. Остальные войска Усть-Ижорского лагеря находились во время прибытия Его Высочества: 1-й понтонный батальон на р. Неве при своих понтонах, а артиллерия, как полевая, так и полигонная, на батареях 2-й артиллерийской позиции.

Выйдя на валганг артиллерийского полигона, Его Высочество приказал дать сигнал для производства взрыва сближенных горнов, заложенных с целью обрушения контрэскарпа временного форта, находящегося против артиллерийского полигона, что и было тотчас исполнено вполне удачно. После взрыва горнов Великий Князь, стоя под убранными флагами и зеленью навесом на валганге артиллерийского полигона, выслушал, по разложенным на столе чертежам, доклады о произведенных опытах стрельбы по разного рода фортификационным постройкам. По окончании докладов приказано было дать сигнал для открытия огня боевыми зарядами из батарей 2-й артиллерийской позиции, по левому фасу временного форта, для окончания производства обвала в нем, начатого до смотра. Всего действовали по позиции обороняющегося 7 осадных и 10 полевых орудий. Одновременно с открытием артиллерийского огня открыт был и ружейный огонь с предложенных начальником офицерской стрелковой школы станков для ночной стрельбы в крепостной войне.

По окончании стрельбы Великий Князь подошел к поставленным на валганге артиллерийского полигона двум морским скорострельным пушкам системы Гочкиса и выслушал доклад об их устройстве, сделанный офицером морской артиллерии, командированным, по желанию военного министра, из морского ведомства вместе с двумя комендорами, для производства опытов стрельбы из этих орудий по разного рода фортификационным постройкам, с целью определения значения скорострельных орудий в крепостной войне. По выслушании доклада об этих орудиях, Его Высочество приказал произвести из них стрельбу на время, в течение одной минуты, из каждого, причем орудия эти действовали по головам двойных перекидных сап.

После сигнала «отбой» Великий Князь проехал в экипаже к временному форту и по дороге к нему знакомился

Усть-Ижорский лагерь. Взрыв подводной мины

с работами по инженерной атаке этого форта, доведенными в нынешнем году до венчания гласиса. Затем, остановившись близ последней параллели, прошел по дну ее в овальную траншею, а оттуда в венчание гласиса. Здесь Его Высочество осматривал обвалы, произведенные в ружейном и главном валах левого фаса форта артиллериею и в контрэскарпе этого фаса — минами. Обвал, только что сделанный минами, был очень удачен, так как, завалив часть рва, он устроил как бы готовый переход через этот ров. Перейдя через него, Августейший Главнокомандующий прошел остальную часть венчания и вышел на гласис левого фланга бастиона к устроенному здесь возвышению, убранному флагами и зеленью.

В это время войска, назначенные для атаки и обороны форта, начали уже подходить к нему и занимать назначенные им места, а Его Высочество осматривал в подробности самый форт, после чего приказал начать крепостной маневр, по составленному предположению, заключавшемуся в атаке и обороне форта. Картина, представленная этим маневром, была чрезвычайно эффектна. Пороховой дым застилал

как самый форт, так и весь район, на котором были расположены контр-апроши обороняющегося, а среди этого дыма двигались на штурм с криками «ура» под звуки барабанов и горнов войска, направленные на форт с фронта и в обход его по оврагу. В это же время густые клубы дыма поднимались над батареями второй артиллерийской позиции атакующего и слышен был неумолкаемый гул густых артиллерийских и дробных ружейных выстрелов.

По окончании маневра Его Высочество направился в экипаже по дороге, вновь проложенной на протяжении около 1 ½ верст к инженерному полигону. Дорога эта пролегает близ возведенных в нынешнем году двух батарей для полевых и крепостных орудий, по которым производилась в начале смотра стрельба из батарей второй артиллерийской позиции. Проезжая мимо этих батарей, Его Высочество осматривал произведенные в них, как в течение лагерного сбора, так и в начале смотра, поражения и затем подъехал к разного рода блиндажам, построенным в течение нынешнего лета для производства над ними опытов стрельбы из 8-дюймовой мортиры. От блиндажей Великий Князь направился к расположенным близ инженерного полигона разного рода искусственным препятствиям, осмотрев по пути приткнутую и отдельную каменные стенки, возведенные в течение нынешнего лета, для производства над ними в будущем году опытов разрушения пироксилином.

Осмотрев поражения, произведенные в искусственных препятствиях, Великий Князь проехал к месту мостовых работ саперных батальонов, а оттуда во вновь устроенное лагерное офицерское собрание, осмотрел его и расположенные в нем модели различных фортификационных построек, изготовленные нижними чинами. Подобные этим модели вводятся в настоящее время, на основании новой «Инструкции об обучении инженерных войск», во всех ротах саперных и понтонных батальонов и служат прекрасным средством для зимнего обучения нижних чинов показом.

Вслед за тем Его Высочество осмотрел полевые работы саперных батальонов и прибыл в лагерную рощу на берег Невы, к месту понтонной наводки. Остановившись под убранной зеленью и флагами навесом, Великий Князь

приказал начать наводку моста. По недостаточности личного состава понтонеров нельзя было производить наводку моста через всю Неву, а потому пришлось сделать половину моста заранее, и только другую, ближайшую к левому берегу реки, навести в присутствии Великого Князя. Ширина Невы на месте понтонной наводки — 142 сажени, а быстрота течения — до 6 футов в секунду. Несмотря на такую быстроту течения, наводка моста производилась паромами, хотя по уставу наводку паромами полагается производить при быстроте течения, не превышающей 4 футов. Условия для наводки были трудные, в особенности ввод в линию моста последних паромов на середине реки, где, вследствие стеснения течения понтонами, вышеупомянутая быстрота значительно увеличивалась; несмотря, однако, на это, наводка половины моста паромами продолжалась только 27 минут.

Во время наводки Его Высочество осматривал проложенные близ места наводки переносные железные дороги: однорельсовую Лартига и двухколейную Дековиля, по которым производились в присутствии Его Высочества посадка и передвижение людей с полным снаряжением, а также нагрузка, передвижение и выгрузка разного рода интендантских и инженерных грузов. По окончании наводки Великий Князь прошел по мосту на правый берег реки и обратно, и затем произведена была разводка моста паромами, вниз по течению, с отдачею верховых и низовых якорей на буи. Разводка продолжалась только 7 минут и представляла очень красивое зрелище. За наводку и разводку моста понтонеры очастливлены были благодарностию Его Высочества.

Тотчас вслед за отплытием паромов подан был сигнал для производства взрывов. Всего взорвано было в присутствии Его Высочества 20 подводных мин, в 1 ½ и 2 пуда пороха каждая, отчасти поодиночке и отчасти по две, и 4 каменомета, в 1 ½ пуда пороха каждый. Взрывы эти удались вполне. Сначала сделаны были последовательно взрывы подводных мин, поднявшие громадные столбы воды, широким основанием которых служили окружавшие их снизу, в виде облачного кольца, клубы белого дыма; затем слышались четыре последовательных выстрела, как бы из громадных орудий — это заговорили каменометы, выбросившие черные облака

дыма и массу камней, долетавших почти до противоположного берега реки, причем камни эти, падая одновременно один за другим в воду, производили множество шипучих, острых фонтанов. Это была одна из картин самых эффектных.

Взрывами подводных мин и каменометов окончился смотр Августейшего Главнокомандующего. По окончании смотра и следовавшего за ним завтрака Его Высочество, покидая лагерь, осчастливив своею благодарностью начальника лагеря и командиров частей, проехал в экипаже к месту полевых работ сводного от пехоты батальона и сводной кавалерийской команды и, осмотрев их в подробности, направился через Колпино в Царское Село. Проезжая по шоссе вдоль лагеря, Великий Князь еще раз благодарил выстроенные развернутым фронтом войска. Громко и радостно отвечали они на похвалу Августейшего Главнокомандующего и единодушным «ура» провожали удалявшийся экипаж. Радостные, оживленные, загорелые лица сапер и артиллеристов свидетельствовали, что заслуженная ими похвала Великого Князя обратила только что окончившийся смотр в праздник для них, а милостивое внимание Августейшего Главнокомандующего к произведенным ими работам и занятиям, несомненно, в высшей степени благотворно подействовало на них и придало новые силы по подготовке к боевому, нелегкому экзамену — к войне, успех которой находится в такой близкой, прямой, непосредственной зависимости от мирной деятельности войск.

Заключение

Оба завершившиеся путешествия Великого Князя в 1884 и 1885 годах, некоторая часть которых была исполнена совместно с Великою Княгинею, заняли с лишком два месяца времени; сделано было 11 000 верст, из них железными дорогами не более 3000 и посещено одних только городов 35 в десяти губерниях. Приложенная к 1-му тому карта пути изображает достаточно наглядно, как велик и разбросан район, осмотренный Его Высочеством, представляющий из себя почти $\frac{1}{4}$ часть Европейской России. Оба составленные маршрута поездки были выдержаны вполне, безо всяких отступлений; несостоявшееся посещение Новой Земли в сущности в маршрут не входило, зато посещена Мезень.

Главная цель поездок, несомненно, достигнута: Его Высочеством были осмотрены в подробности 30 управлений уездных воинских начальников, 3 полка, 10 отдельных батальонов, 8 резервных рот и 28 команд. Если прибавить к этому, что Великий Князь обошел в 37 местах казармы, то очевидно, что ознакомление с обстановкой было полное. Результаты произведенных посещений и осмотров войск выразились по отношению к войскам, входящим в состав Высочайше вверенного Его Высочеству округа, в особых приказах⁶, а впечатления о войсках и учреждениях Московского военного округа, Великому Князю не подчиненных, составили предмет особого Всеподданнейшего доклада, о результатах ознакомления с которым Государя Импера-

⁶ См.: *Случевский К. К.* По Северу России. М.: ОГИ, 2009. С. 125; С. 210 настоящего издания. (*Примеч. ред.*)

тора объявлено было приказом по военному ведомству от 10 июля 1885 года.

Главным предметом, как сказано, было ознакомление с местными войсками, с этим органическим основанием мобилизации нашей армии в случае военного времени, основанием, которое в некоторые периоды государственной жизни является со всеми правами на исключительную важность; хорошее состояние местных войск в мирное время — залог успехов на войне. Осмотры, произведенные Великим Князем, были так характерны, так разнообразны, касались таких глухих и разбросанных пунктов всего нашего Севера, что составляют исполнение целой программы для исследования этой особой, самостоятельной и неизмеримо важной отрасли военного дела.

Во время совершения поездок достигнуты и другие, не менее значительные в военном отношении цели; во-первых, ознакомление с состоянием различных путей сообщения, с глухими грунтовыми дорогами, с Мариинской системой и бассейном Северной Двины, во-вторых, личное обозрение Великим Князем нашей северной границы по берегам Белого моря и Ледовитого океана. Множество замечаний, сделанных по пути, при обозрении обширнейшего района, и немалое число набросков, снятых с пунктов северного побережья, могущих иметь военное значение, доставили ценный материал для освежения «Военно-статистического»⁷ обозрения Петербургского военного округа.

Бесконечным рядом чередовались посещения училищ, школ, больниц, богаделен, острогов, учреждений правительственных, земских, частных, — учреждений самых разнообразных значений и размеров; многие из них, как и те города, в которых они имеются, не только не видали никогда никого из особ Царствующего Дома, но не могли быть посещены, вследствие разных причин, даже ближайшими начальствующими лицами.

Наглядным воспоминанием о путешествиях будут служить как учрежденные в честь Их Высочеств школы, бога-

⁷ См.: *Случевский К. К.* По Северу России. М.: ОГИ, 2009. С. 131. (Примеч. ред.)

дельни, часовни и стипендии во многих учебных заведениях, так и именование бухт, улиц, набережных, бульваров и прочими именами Их Высочеств.

Путешествия дали возможность не только обозреть многие святыни и древности, как Владимир, Ярославль, Ростов Великий, Кириллов монастырь и Соловки, но и ознакомиться с экономическим положением края, при посредстве многих выставок и постоянных бесед с местным людом. Население посещенного Великим Князем северного края, столь безгранично преданное Государю Императору, имело счастье видеть Августейшего Его брата и засвидетельствовать ему ту безграничную любовь, которая, всегда отличая русского человека, служила и будет служить живою связью между Престолом и народом.

Но путешествия 1884 и 1885 годов еще не дали тех результатов, которые были намечены и должны служить материалом для освежения только что упомянутого «Военно-статистического обозрения Петербургского военного округа». Часть округа — Балтийское побережье, которому, нет сомнения, в будущем предстоит еще крайне важное значение, — осталась неосмотренной. К ближайшему ознакомлению и изучению этой окраины — можно надеяться — послужит путешествие Его Высочества в текущем 1886 году.

Литературно-художественное издание

СЛУЧЕВСКИЙ Константин Константинович

ПОЕЗДКИ ПО СЕВЕРУ РОССИИ
В 1885–1886 ГОДАХ

Ответственный редактор *О. Старикова*

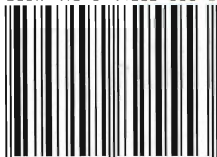
Компьютерная верстка: *Г. Сенина*

К. К. Случевский

**ПОЕЗДКИ ПО СЕВЕРУ РОССИИ
В 1885—1886 ГОДАХ**

Константин Константинович Случевский (1837–1904) — крупнейший русский поэт второй половины XIX в. Особое место в его творчестве занимают путевые очерки «По Северу России» (1886–1888) и «По северо-западу России» (1897), появившиеся после поездки в свите великого князя Владимира Александровича (1847–1909) по северо-западным и северным губерниям европейской России. Написанные по горячим следам, очерки отразили динамичную и разнообразную жизнь русского Севера в царствование Александра III.

ISBN 978-5-94282-555-3

9 785942 825553

ОГИ

ПУТЕШЕСТВИЯ